

ISSN (Print) 2616-7255
ISSN (Online) 2663-2489

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің

ХАБАРШЫСЫ
BULLETIN
of L.N. Gumilyov
Eurasian National University

ВЕСТНИК
Евразийского национального
университета имени Л.Н. Гумилева

ТАРИХИ ҒЫЛЫМДАР. ФИЛОСОФИЯ. ДІНТАНУ сериясы
HISTORICAL SCIENCES. PHILOSOPHY. RELIGION Series
Серия ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ. ФИЛОСОФИЯ.
РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

№ 1(134)/2021

1995 жылдан бастап шығады

Founded in 1995

Издается с 1995 года

Жылына 4 рет шығады

Published 4 times a year

Выходит 4 раза в год

Нұр-Сұлтан, 2021

Nur-Sultan, 2021

Нур-Султан, 2021

Бас редакторы: тар.ғ.д., проф., академик, Қазақстан Республикасы Ұлттық ғылым академиясының вице-президенті
Сыдықов Е.Б. Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, Нұр-Сұлтан, Қазақстан

жауапты редактор (тарих)	Жанбосинова А., тар.ғ.д., проф., Л.Н. Гумилев атындағы <i>Еуразия ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан, Қазақстан</i>
жауапты редактор (философия)	Есім Ғ., философ.ғ.д., проф., Л.Н. Гумилев атындағы <i>Еуразия ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан, Қазақстан</i>
жауапты редактор (дінтану)	Смагулов М., PhD, проф., Л.Н. Гумилев атындағы <i>Еуразия ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан, Қазақстан</i>

Редакция алқасы

Аблажей Н.	тар.ғ.д., проф., РҒА СБ Тарих институты, Новосібір, Ресей (Тарих)
Аманжолова Д.	тар.ғ.д., проф., РҒА СБ Ресей тарихы институты, Мәскеу, Ресей (Тарих)
Алпысбес М.	тар.ғ.д., проф., Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан, Қазақстан (Тарих)
Гасанов З.	тар.ғ.к., проф., ҰҒА Археология және этнография институты. Баку, Әзербайжан (Тарих)
Ковальская С.	тар.ғ.д., проф., Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан, Қазақстан (Тарих)
Сактаганова З.Г.	тар.ғ.д., проф., академик Е.А. Бөкетов атындағы Караганды университеті, Караганда, Қазақстан (Тарих)
Адаева Г.	философ.ғ.к., ассоц. проф., Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан, Қазақстан (Философия)
Бурбаев Т.	философ.ғ.к., ассоц. проф., ҚР жоғарғы соты жанындағы сот төрелігі академиясы, Нұр-Сұлтан, Қазақстан (Философия)
Дашковский П.	тар.ғ.д., проф., Алтай мемлекеттік университеті, Барнаул, Ресей (Философия)
Синан О.	философ.ғ.д., проф., Коджаэли университеті, Коджаэли, Түркия (Философия)
Толғамбаева Д.	философ.ғ.к., доцент, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан, Қазақстан (Философия)
Шамахай С.	PhD, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан, Қазақстан (Философия)
Муминов А.	тар.ғ.д., проф., Ислам ынтымақтастығы ұйымы жанындағы ислам тарихын, өнерін және мәдениетін зерттеу орталығы (IRCICO), Кала, Түркия (Дінтану)
Кабылова А.	философ.ғ.д., проф., Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан, Қазақстан (Дінтану)
Сатершинов Б.	ф.ғ.к., проф., ҚР БЖҒМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институты, Нұр-Сұлтан, Қазақстан (Дінтану)
Султонов У.	тар.ғ.к., проф., Ғылым академиясының Бируни атындағы шығыстану институты, Ташкент, Өзбекістан (Религиоведение)
Шаповал Ю.	философ.ғ.к., проф., Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан, Қазақстан (Дінтану)
Ярош О.	философ.ғ.к., Г.С.Сковорода атындағы философия институтының, Киев, Украина (Дінтану)

Редакцияның мекенжайы: 010008, Қазақстан, Нұр-Сұлтан қ., Қ.Сәтпаев к-сі, 2, 402 б.
Тел.: (7172) 709-500 (ішкі 31-457)
E-mail: vest_hist@enu.kz
Жауапты хатшы: **Тубышева А.А.**

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің Хабаршысы.

ТАРИХИ ҒЫЛЫМДАР. ФИЛОСОФИЯ. ДІНТАНУ сериясы

Меншіктенуші: «Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті» коммерциялық емес акционерлік қоғам
Қазақстан Республикасының Ақпарат және коммуникациялар министрлігімен тіркелген.

27.03.18 ж. № 16994-Ж -тіркеу куәлігі. Мерзімділігі: жылына 4 рет. Тиражы: 10 дана. <http://bulhistphaa.enu.kz/>

Типографияның мекенжайы: 010008, Қазақстан, Нұр-Сұлтан қ., Қажымұқан к-сі, 13/1, тел.: (7172)709-500 (ішкі 31 457)

Editor-in-Chief *Doctor of Historical Sc., Professor, Academician,*
Vice-President of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan **Sydykov Ye.B.** (Kazakhstan)

Responsible editor (history)	Zhanbossinova A.S. , <i>Doctor of Historical Sc., Prof., L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan</i>
Responsible editor (philosophy)	Yessim G. , <i>Doctor of Philosophy, Prof., L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan</i>
Executive editor (religious studies)	Smagulov M.N. , <i>PhD, Prof., L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan</i>

Editorial board

Ablazhey N.	Doctor of Historical Sc., Professor, Institute of History, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia (History)
Amanzholova D.	Doctor of Historical Sc., Professor, Institute of Russian History RAS, Moscow, Russia (History)
Alpysbes M.	Doctor of Historical Sc., Prof., L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan (History)
Gasanov Zh.	Can. of Historical Sc., Prof. Institute of Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences. Baku, Azerbaijan (History)
Kovalskaya S.	Doctor of Historical Sc., L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan (History)
Saktaganova Z.	Doctor of Historical Sc., Professor, E.A. Buketov Karaganda University, Karaganda, Kazakhstan (History)
Adaeva G.	Can. of Philosophy, Ass. Prof., L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan (Philosophy)
Burbayev T.	Ph.D., Ass. Prof., Academy of Justice under the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, Kazakhstan (Philosophy)
Dashkovckiy P.	Doctor of Historical Sc., Prof., Altai State University, Barnaul, Russia (Philosophy)
Sinan O.	Ph.D., Professor, Kojaeli University, Kojaeli, Turkey (Philosophy)
Tolgambayeva D.	Can. of Philosophy, Ass. Prof., L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan (Philosophy)
Shamakhay S.	Ph.D., L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan (Philosophy)
Muminov A.	Doctor of Historical Sc., Professor, Center for Islamic History, Art and Culture at the Organization of Islamic Cooperation (IRCICO), Turkey (Religion Studies)
Kabilova A.S.	Doctor of Philosophy, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan (Religion Studies)
Satershinov B.	Can. of Philosophy, Prof. Institute of Philosophy, Political Science and Religion, SC MES RK, Nur-Sultan, Kazakhstan (Religion Studies)
Sultonov U.	Can. of Historical Sc., Prof., Biruni Institute of Oriental Studies, Academy of Sciences, Tashkent, Uzbekistan. (Religion Studies)
Shapoval J.	Can. of Philosophy, Prof., L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan (Religion Studies)
Yarosh O.	Can. of Philosophy. G.S. Skovoroda Institute of Philosophy, Kiev, Ukraine (Religion Studies)

Editorial address: 2, Satpayev str., of. 402, Nur-Sultan, Kazakhstan, 010008

Tel.: (7172) 709-500 (ext. 31-457)

E-mail: vest_hist@enu.kz

Responsible secretary: **Tubysheva A.A.**

Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Historical Sciences. Philosophy. Religion Series

Owner: Non-profit joint-stock company «L.N. Gumilyov Eurasian National University»

Registered by the Ministry of Information and Communication of the Republic of Kazakhstan. Registration number 16994-Ж from 27.03.18

Periodicity: 4 times a year. Circulation: 10 copies

Address of printing house: 13/1 Kazhimukhan str., Nur-Sultan, Kazakhstan 010008; tel.: (7172) 709-500 (ext. 31-457)

Главный редактор *д.и.н., проф., академик, вице-президент Национальной академии наук Республики Казахстан*
Сыдыков Е.Б. *ЕНУ имени Л. Н. Гумилева, Казахстан*

ответственный редактор (история)	Жанбосинова А.С. , <i>д.и.н., проф., ЕНУ им. Л.Н. Гумилева Нур-Султан, Казахстан</i>
ответственный редактор (философия)	Есим Г. , <i>д.ф.н., проф., ЕНУ им. Л.Н. Гумилева Нур-Султан, Казахстан</i>
ответственный редактор (религиоведение)	Смагулов М.Н. , <i>PhD, проф., ЕНУ им. Л.Н. Гумилева Нур-Султан, Казахстан</i>

Редакционная коллегия

Аблажей Н.	<i>д.и.н., проф., Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия (История)</i>
Аманжолова Д.	<i>д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник Института Российской истории РАН (История)</i>
Алпысбес М.	<i>д.и.н., проф., ЕНУ им. Л.Н.Гумилева Нур-Султан, Казахстан (История)</i>
Гасанов З.	<i>к.и.н., проф., Институт археологии и этнографии НАН, Баку Азербайджан. (История)</i>
Ковальская С.	<i>д.и.н., проф., ЕНУ им. Л.Н.Гумилева Нур-Султан, Казахстан (История)</i>
Сактаганова З.	<i>д.и.н., проф., Карагандинский университет им. Е. Букетова, Караганда, Казахстан (История)</i>
Адаева Г.	<i>к.ф.н., ассоц. проф., ЕНУ им. Л.Н.Гумилева Нур-Султан, Казахстан (Философия)</i>
Бурбаев Т.	<i>к.ф.н., ассоц. проф., Академия правосудия при Верховном суде РК. (Философия)</i>
Дашковский П.	<i>д.и.н., проф., Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия (Философия)</i>
Синан О.	<i>д.ф.н., проф., Коджаэли университет, Коджаэли, Туркия (Философия)</i>
Толғамбаева Д.	<i>к.ф.н., доцент, ЕНУ им. Л.Н.Гумилева Нур-Султан, Казахстан (Философия)</i>
Шамахай С.	<i>Ph.D., ЕНУ им. Л.Н.Гумилева Нур-Султан, Казахстан (Философия)</i>
Муминов А.	<i>к.и.н., проф., Исследовательский Центр исламской истории, искусства и культуры (IRCICO), Кала, Турция (Религиоведение)</i>
Кабылова А.	<i>д.ф.н., проф., ЕНУ им. Л.Н.Гумилева Нур-Султан, Казахстан (Религиоведение)</i>
Сатершинов Б.	<i>к.ф.н., проф., Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, Нур-Султан, Казахстан (Религиоведение)</i>
Султонов У.	<i>к.и.н., проф., Институт востоковедения им. Бируни Академии наук, Ташкент, Узбекистан (Религиоведение)</i>
Шаповал Ю.	<i>к.ф.н., проф., ЕНУ им. Л.Н.Гумилева Нур-Султан, Казахстан (Религиоведение)</i>
Ярош О.	<i>к.ф.н., Институт философии им. Г.С. Сковороды НАН, Киев, Украина (Религиоведение)</i>

Адрес редакции: 010008, Казахстан, г. Нур-Султан, ул. Сатпаева, 2, каб. 402

Тел.: (7172) 709-500 (вн. 31-457)

E-mail: vest_hist@enu.kz

Ответственный секретарь: **Тубышева А.А.**

Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева.

Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение

Собственник: Некоммерческое акционерное общество «Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева»

Зарегистрировано Министерством информации и коммуникаций Республики Казахстан.

Регистрационный номер 16994-Ж от 27.03.18.

Периодичность: 4 раза в год

Тираж: 10 экземпляров

Адрес типографии: 010008, Казахстан, г. Нур-Султан, ул. Кажымукана, 13/1, тел.: (7172)709-500 (вн.31-457)

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің хабаршысы.
Тарихи ғылымдар. Философия. Дінтану сериясы, №1(134)/2021

BULLETIN of the L.N. Gumilyov Eurasian National University.
Historical Sciences. Philosophy. Religion Series, 1(134)/2021

Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева.
Серия Исторические науки. Философия. Религиоведение, №1(134)/2021

МАЗМҰНЫ/CONTENT/СОДЕРЖАНИЕ

Бас редактордың алғы сөзі	
Welcome speech of Editor-in-Chief	
Вступительное слово главного редактора.....	7
<i>Абылхожин Ж.Б., Крупко И.В.</i> Алма-Ата: кеңестік қаланың кейбір архитектуралық нарративтері	
<i>Abylkhozhin Zh.B., Krupko I.V.</i> Alma-Ata: some architectural narratives of the soviet city	
<i>Абылхожин Ж.Б., Крупко И.В.</i> Алма-Ата: некоторые архитектурные нарративы советского города.....	10
<i>Аманжолова Д.А.</i> Кеңестік мемлекет құру: ұйымдастыру практикасы және федерализм мәселелері. 1920-жылдар	
<i>Amanzholova D.A.</i> Soviet Nation-building: organizational practices and problems of federalism. 1920s	
<i>Аманжолова Д.А.</i> Советское нациестроительство: организационные практики и проблемы федерализма. 1920-е гг.	22
<i>Варфоломеев В.В., Мерц В.К., Мерц И.В.</i> Шокпартас - Орталық Сарыарқаның жаңа энеолит ескерткіші	
<i>Varfolomeev V.V., Merts V.K., Merts I.V.</i> Shokpartas: a New Eneolithic Site in Central Saryarka	
<i>Варфоломеев В.В., Мерц В.К., Мерц И.В.</i> Шокпартас – новый энеолитический памятник Центральной Сарыарки.....	36
<i>Жанбосинова А.С.</i> Қазақ көшпенділері: социализмге жол	
<i>Zhanbossinova A.S.</i> Kazakh nomads: the road to socialism	
<i>Жанбосинова А.С.</i> Казахские кочевники: путь в социализм.....	49
<i>Кариев Е.М., Самратова Д.Б.</i> Археологиялық ескерткіштер тарихи дереккөз ретінде: тарихнамалық шолу	
<i>Kariyev Y.M., Samratova D.B.</i> Archaeological sites as a historical source: historiographical overview	
<i>Кариев Е.М., Самратова Д.Б.</i> Памятники археологии как исторический источник: историографический обзор.....	63
<i>Рамазанова А.Ч., Толгамбаева Д.Т.</i> Философия және Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінде философтар	
<i>Ramazanova A.Ch., Tolgambayeva D.T.</i> Philosophy and Philosophers in the life of the L.N. Gumilyov University	
<i>Рамазанова А.Ч., Толгамбаева Д.Т.</i> Философия и философы в жизни университета имени Л.Н. Гумилева.....	81

<i>Сактаганова Э.Б., Сайлаубай Е.Е., Четин Н.Д. Заңгер С. Қадырбаевтың қоғамдық және құқықтық қызметі</i>	
<i>Saktaganova E.B., Sailaubai E.E., Chetin N.D. Public and legal activities of the lawyer S. Kadyrbayev</i>	
<i>Сактаганова Э.Б., Сайлаубай Е.Е., Четин Н.Д. Общественная и правовая деятельность юриста С. Кадырбаева.....</i>	94
<i>Сұлтангазы Г. Город и интеллигенция рубежа XIX-XX вв. (историографический аспект)</i>	
<i>Sultangazy G. City and intelligentsia during the XIX-XX centuries. (historiographic aspect)</i>	
<i>Сұлтангазы Г. XIX-XX ғғ. шегіндегі қала және зиялы қауым (тарихнамалық аспект).....</i>	107
<i>Шамахай С., Саркулова М. Академик салған ақиқи жол</i>	
<i>Shamakhay S., Sarkulova M. In search of the truth</i>	
<i>Шамахай С., Саркулова М. В поисках истины.....</i>	120

Бас редактордың құттықтау сөзі

Құрметті әріптестер, қымбатты оқырман! Әлемдік дерт өміріміздің барлық саласына қатты әсер еткендіктен, қызметкерлерді басқарудың, ғылым-білім мекемелері қызметін ұйымдастырудың қалыптасқан тәсілдері сын-қатерге тап болды. Алайда кәсіби команда 2021 жылғы алғашқы нөмірді әзірлеуде тиімді де мәнді ұйымдық бірлік танытып, ортақ істің нәтижесіне лайықты осы санды ұсынып отыр.

Біріншіден, авторларға деген ерекше алғысымды жеткізім келеді. Олардың зерттеулер-мақалалары ғылыми-ақпараттық кеңістікті толықтыруға және жаңартуға мол септігін тигізеді деп санаймыз. Пандемия зерттеудің жаңа форматының өмірге әкелуге ықпал етті: журналымыз халықаралық ғылыми кооперация платформасына айналады, бұл әлеуметтік-гуманитарлық кеңістікті дамыту басымдықтарына сай, өтпелі кезеңдегі зияткерлік әлеуеттің қалыптасуына мүмкіндік берді.

Екіншіден, авторлармен бірлесіп жұмыс істеу Қазақстан Республикасының тарих ғылымын дамытудың жаңа басымдықтарына сәйкес, журналдың имиджін, жаңа «бейнесін» орнықтыруға жағдай туғызды.

Құрметті авторлар, журналды жетілдіру бойынша сіздерді және мамандарымызды қыруар қызу да жауапты істер күтіп тұр.

Журналдың әр жаңа нөмірі – жаңа тұлғаны, бұрын зерттелмеген мәселені таныстыру, белгісіз деректер мен құжаттарды ғылыми айналымға енгізу.

Биылғы бірінші санда Қазақстанның ежелгі тарихының құпия тұстары ашылып, қала кеңістігінің өткеніне шолу жасалған, ұлт құрылысы тарихына байланысты белгісіз құжаттар зерделенген, кеңес мемлекеті репрессияларының микросюжеттері анықталған, 25 жылдық мерейтой қарсаңында Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ-дағы философия мен философтардың рөлі мен орны айқындалған.

Біз авторларға деген тілектестігімізді сақтай отырып, жаңа біліктілік рейтингілерін бағындыруға тиіс мақалаларға қатаң талап қойып, журналымызды дамытудың басымдықтарын белгіледік.

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің мәртебесі нақты ғылыми үлесі мен жаңалығы бар, инновациялық маңызға ие материалдарды ғана жариялауды міндеттейді. Сондықтан мақала авторларының халықаралық Web of Science және Scopus базаларындағы журналдарға қойылатын талап деңгейі үдесінен шығуы аса маңызды.

Құрметпен, бас редактор Е.Б. Сыдықов

Welcome speech of the Editor-in-Chief

Dear colleagues and readers! The pandemic has greatly affected all aspects of our lives, challenging our usual approach to personnel management, and organization activities of scientific and educational institutions. However, the professional team has demonstrated impeccable efficiency and organizational skills while working on the first issue of 2021, which I am pleased to present to you.

I would like to express my special gratitude to the authors. There are a great number of new scientific articles in the journal that will contribute to the replenishment and renewal of the scientific and informational space. The pandemic stimulated a new research format, where the journal becomes a platform for international scientific cooperation, which led to the formation of cross-cutting thematic topics that correspond to the priorities of the development of the socio-humanitarian space.

Cooperation with the authors allows us to form the excellent image of the journal, and a new « identity » of the journal in accordance with the new priorities of development of historical science of the Republic of Kazakhstan.

Dear authors, our professionals, together with you, will have a big, hard, responsible job with the journal.

A new issue of the journal is an attempt to introduce a new character, a previously unexplored problem, and unknown facts and documents.

The first issue reveals the mysteries of the ancient history of Kazakhstan, also it visualizes the history of urban space. As well as it introduces unknown documents of the history of nation-building, reveals the micro-stories of repressions of the Soviet state, notes the role and place of philosophy in the L.N. Gumilyov Eurasian National University in honor of its 25th anniversary.

We have identified new priorities for the development of our journal, maintaining a friendly attitude to the authors and setting new requirements for published articles, to achieve new qualification ratings.

The status of L. N. Gumilyov Eurasian National University obliges us to publish materials that have scientific, innovative significance, make a scientific contribution and possess scientific novelty. The academic requirements for author's publications in our journal correspond to the requirements of journals in the international databases Web of Science and Scopus.

Sincerely, Editor-in-Chief E.B. Sydykov

Приветственное слово главного редактора журнала

Уважаемые коллеги, дорогие читатели! Пандемия очень сильно повлияла на все стороны нашей жизни, бросив вызов привычному для нас подходу управления персоналом, организации деятельности научно-образовательных учреждений. Однако профессиональная команда продемонстрировала безупречную эффективность и организационные навыки, работая над первым выпуском 2021 года, который я с удовольствием представляю вам.

Должен выразить особую признательность авторам. Их публикационные исследования, аккумулированные в журнале, будут способствовать пополнению и обновлению научно-информационного пространства. Пандемия стимулировала новый исследовательский формат, где журнал становится платформой международной научной кооперации, что обусловило формирование сквозных тематических сюжетов, соответствующих приоритетам развития социо-гуманитарного пространства.

Совместная работа с авторами позволяет формировать имидж журнала, новое «лицо» журнала в соответствии с новыми приоритетами развития исторической науки Республики Казахстан.

Уважаемые авторы, нашим профессионалам вместе с вами предстоит большая, напряженная, ответственная работа с журналом.

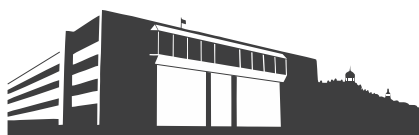
Каждый новый номер журнала - это попытка дать новый персонаж, ранее неисследованную проблему, ввести неизвестные факты и документы.

Первый номер раскрыл загадки древней истории Казахстана, визуализировал историю городского пространства, ввел неизвестные документы истории нациестроительства, выявил микросюжеты истории репрессий советского государства, отметил роль и место философии/философов в ЕНУ им. Л. Н. Гумилева накануне 25-летнего юбилея.

Мы обозначили новые приоритеты развития нашего журнала, сохранив доброжелательное отношение к авторам и выставив новые требования к публикуемым статьям с целью достижения новых квалификационных рейтингов.

Статус Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева обязывает нас публиковать материалы, имеющие научную, инновационную значимость, вносящие научный вклад и обладающие научной новизной. Академические требования к авторским публикациям в нашем журнале соответствуют уровню требований к журналам в международных базах Web of Science и Scopus.

С уважением, главный редактор Е.Б. Сыдыков

МРНТИ 03.20, 13.61.09

Ж.Б. Абылхожин¹
И.В. Крупко²

Институт истории и этнологии им. Ч.Ч.Валиханова, Алматы, Казахстан
Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы, Казахстан
(E-mail: abykhzhin@mail.ru¹, tengri95hismatulin@mail.ru²)

Алма-Ата: некоторые архитектурные нарративы советского города

Аннотация. В настоящей статье исследованы некоторые визуальные нарративы архитектурного ландшафта города Алма-Аты (совр. Алматы). Исторические нарративы, производимые или исследуемые историками в тексте, не менее ярко и отчетливо проявляются в визуальной сфере. Во многом это можно отнести к дизайну городского пространства и его архитектуре. Архитектура не только напрямую зависит от социально-политического, идеологического и символического режима, но и зачастую создает его. Будучи продуктом эпохи, зоной восприятия и отражения ее импульсов, архитектурный ландшафт города создает социокультурное пространство, в свою очередь формирующее ментальный фон для жителей этого города. Знание о городах – особенное предметное поле для компаративной урбанистики в т.ч. на культурно-антропологической и этнографической основе. В статье предпринята попытка описания двух главных архитектурных нарративов города Алматы (сталинский ампиризм и советский модернизм) и их проекций в пространстве исторической памяти, а также соотношения этих нарративов с соответствующими идеологиями (имперские геополитические амбиции СССР послевоенного периода и идеология модернизма периода 60-80-х гг.). Также поставлена проблема актуализации культурного наследия советской архитектуры в исторической памяти казахстанского социума.

Ключевые слова: урбанистика; визуальная антропология; архитектура; Алматы; нарратив.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2021-134-1-10-21>

Поступила: 05.01.21 / Одобрена к опубликованию: 28.01.21

Введение. Историко-антропологическое изучение визуальных нарративов исторической памяти казахстанского социума представляется нам необходимым и актуальным. Визуальный контент отражает синтетиче-

ский характер форм казахстанской культуры и дает возможность комплексного трансдисциплинарного изучения их трансформаций. Погружение визуального в историко-антропологический контекст различает оптическое

восприятие и взгляд на значение культурных способов восприятия и то, как воспроизводится в образах культурное знание.

Материалы и методы. Обозначенная тема нуждается в междисциплинарных исследованиях, не отягощенных реальными или чаще воображаемыми историческими травмами. Вопреки концепции «собственной логики городов», которая акцентирует внимание на индивидуальности облика и структуры каждого отдельно взятого города, мы рассматриваем город как зеркало социальных процессов. Главным отличием города является гетерогенность социализации его жителей. Это в полной мере можно отнести и к Алма-Ате (совр. Алматы). Вопрос о теоретических инструментах, позволяющих описывать подобные закономерности, в статье проблематизируется в меньшей степени, чем эмпирическая составляющая исторической фактологии.

Обсуждение. Жизнь города и соответствующие ему социокультурные явления подробно исследовались, начиная с М.Вебера [1]. К некоторым интересным выводам пришли, изучавшие обозначенную проблематику Вирт [2], Парк [3], Рабинович [4], Разумова [5]. Разные периоды алматинской архитектуры исследуются на достаточно высоком уровне: Нелли Букетова и ее открытия, проливающие свет на архитектуру г. Верный [6], Елизавета Малиновская и вернувшиеся благодаря ей в историческую науку репрессированные архитекторы [7], группа московских ученых (А. Броновицкая, Н.Малинин Ю.Пальмон), изучивших и прекрасно описавших алматинскую архитектуру советского модернизма и др.[8].

Результаты. Начать хотелось бы с одного сюжета городской архитектуры. Возле Государственного театра оперы и балета имени Абая долгое время располагался памятник

Фото 1. Почетный траурный караул у памятника И.Сталину возле ГАТОБ им. Абая – март 1953 г. (фотография из материалов интернет-сообщества «Верный-Алма-Ата-Алматы»)

Сталину (1949 г., архитектор Б.Н.Степин), составляя часть окружающего интерьера оперного театра (к слову, театральность террора, связь театра и репрессивного террора государства давно замечали выдающиеся философы человечества). Однако в начале 1960-х годов памятник снесли в рамках борьбы с культом личности, ознаменовав начало десталинизации.

Тем не менее архитектурное наследие того периода составляет одну из главных составляющих облика исторического города центра. Далее мы опишем исторический процесс формирования этой части городского ландшафта.

В крупных городах, где дефицит жилищного фонда ощущался наиболее остро, а также в столицах союзных республик строились в основном «элитарные» дома, привилегию жить в которых получали немногие – главным образом, высоко-чиновные функционеры партийно-государственной и хозяйственной номенклатуры, военный генералитет, знаменитые представители творческой и научной интеллигенции, а также другие «приласкан-

ные властью» избранные. Эти престижные жилые дома и общественно значимые здания возводились в канонах сталинской монументальной архитектуры, хотя и отличавшейся своей эклектикой, но близкой к стилистике ампира, т.е. свойственному для советской архитектуры того периода величественному имперскому ордеру.

Монументальная архитектура всегда визуализирует дискурс власти, являясь материальным воплощением ее идеологического языка. Сталинский ампиризм архитектурно воплощал вполне конкретные имперские амбиции СССР, его геополитические претензии на «сверхдержавность». Неслучайно именно в 1950-е годы активизировался процесс советской рецепции имперского наследия, в 1920-1930-е годы воспринимаемого как трофей революции и перекодированного в соответствии с этой риторикой. Однако после победы в Великой Отечественной войне, в период позднего сталинизма на символическом поле советского режима заметно усиливаются имперские культурные коды. В Москве это, например, знаменитые «сталинские высотки»

Фото 2. Дом Правительства, современный КБТУ (фото Алена Шаяхметова)

- здания МГУ, МИДа СССР, жилой комплекс на Котельнической набережной и т. д.

Фундаментальные сооружения в духе сталинской архитектуры возводились и в Алма-Ате. Прежде всего, это Дом правительства (ныне в нем располагается элитный вуз республики – Казахстанско-британский технический университет (КБТУ). Помимо того, что здание является памятником архитектуры, оно уже само по себе остается красивейшим архитектурным объектом Южного мегаполиса.

Здание Дома правительства, в котором должны были разместиться ЦК Компартии Казахстана, Совмин и Верховный Совет республики проектировалось московскими архитекторами еще до войны. Начало же строительства относится к 1951 г. – времени послевоенного расцвета сталинского архитектурного ампира.

В изначальном проекте (а их было несколько вариантов и все в монументальной стилистике) архитектурный образ здания смотрелся в следующем виде. Его южный, парадный

фасад украшали 8 беломраморных восьмигранных колонн диаметром около 2-х метров, капители (венчающие колонны надвершия) которых выполнены в древнегреческом ионическом стиле-ордере (несколько выдвинутый вперед портик северного фасада здания украшали четыре аналогичные колонны с капителями дорического ордера). На парадном фасаде, с разных его сторон симметрично располагались две высокие арки с чугунными воротами, украшенными литыми узорами, а также орнаментальными розетками метрового диаметра над ними. Предусматривались и некие скульптурные изображения. Но самое главное, что проект предполагал высокий купол, опирающийся на его колоннадный периметр.

Дом правительства виделся в проекте не как самостоятельный, замкнутый сам на себя архитектурный объект. Здание должно было стать центральной исходной частью архитектурного ансамбля. В своей перспективе он развивался в южном направлении по улице К. Байсеитовой (до 1957 г. ул. Алатау), в сторону

Фото 3. Колоннада Дома Правительства, современный КБТУ (фото Алена Шаяхметова)

гор. Панорама ансамбля включала в себя широкую площадь перед Домом правительства, далее простирался парковый сквер, по восточным и западным границам которого (со стороны проспекта Сталина, ныне Аблайхана и улицы Панфилова) планировалось построить два параллельных, сильно вытянутых в длину здания также в сталинском архитектурном стиле. В них предполагалось разместить министерства, а частично и жилые квартиры.

В ходе строительства здания (1951 по 1957 гг.) произошла смена ориентаций в архитектурной политике государства. Был взят курс на массовое, технологически дешевое жилищное строительство. Вместе с тем в начале декабря 1955 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве», поставившее «жирный крест» на сталинской монументальной архитектуре. В результате в процессе строительства того же Дома правительства хотя и успели до выхода этого постановления реализовать основную часть изначальных архитекторских задумок,

но здание лишилось должного венчать его купола, что создавало визуальное впечатление его некоторой логической, с точки зрения классической архитектурной аксиоматики, незавершенности. Также не удалось создать и задуманный в изначальном проекте архитектурный ансамбль, поскольку строительство симметричных зданий, о которых говорилось выше, не было осуществлено.

На «архитектурный излом» выпало строительство и некоторых других зданий в центре Алма-Аты, проектирование и строительство которых началось во время диктата сталинской архитектурной моды, а завершалось уже в период хрущевских борений с архитектурными излишествами. Такая, что говорится, на ходу «перестройка» отчетливо заметна, например, на внешнем фасаде так называемого «Цековского дома» (такое обиходное в неформальной городской топонимике название оттого, что это был дом управления делами ЦК Компартии Казахстана) в квадрате улиц, имевших тогда названия Кирова (ныне Богенбай батыра) - Сталина (Аблайхана) - Виноградова (Карасай батыра) - Мира (Желтоқсан).

Фото 4. «Цековский дом» (фото Алена Шаяхметова)

Дом строился по индивидуальному проекту (хотя массовых серийных проектов тогда еще не делали, что в известной степени определяло архитектурное разнообразие городов) для руководящих партийно-советских и хозяйственных чиновников, главных редакторов центральных республиканских газет и журналов, министров и зам. министров, т.е., обобщенно говоря, для высокой чиновной номенклатуры. Но вместе с ними и для известных деятелей науки и культуры (например, с 1957 г. и до самой своей смерти здесь жил академик Каныш Сатпаев, певец Ермек Серкебаев, композиторы Ахмет Жубанов и его дочь – Газиза Жубанова и другие знаменитости).

Здание имело внешние кирпичные стены толщиной 80 см, железобетонные перекрытия между этажами, потолки в квартирах высотой в три с лишним метра. В квартирах были просторные комнаты, но весьма маленькие кухни: предполагалось, что «новые аристократы» от высоко чиновной номенклатуры будут трапезничать в зале, куда их домработницы и будут подавать блюда. Здесь, на-

верное, будет интересно заметить, что в этих кухнях пища готовилась на установленных здесь печках, отапливаемых углем, и оттого на крыше этого дома трубы-дымоходы. Зимнее отопление обеспечивалось автономной угольной котельной, оттуда же по определенному дворовому графику подавалась горячая вода в теплое время года.

Кстати, такие автономные котельные имели все многоквартирные дома, и дымы из их труб, не говоря уже об абсолютно преобладавшем в то время в городе частном жилом секторе, ежедневно отравляли атмосферу города. И если бы не вечерние и утренние бризы ветров с гор и степи, тогда еще не перекрытые с юга и севера, как сейчас «алюкобондно-стеклянными» высотками, и немногочисленность автомашин вследствие практического отсутствия частного транспорта, то столица попросту бы «задохнулась». Только с газификацией столицы (с 1958 года) и переводом (с 1961 года) ее на централизованное теплоснабжение экологическая ситуация резко изменилась в лучшую сторону.

Фото 5. «Цековский дом» (фото Алена Шаяхметова)

Но вернемся к «цековскому дому» как визуальному примеру хрущевской «архитектурно-строительной революции». Первая его очередь (со стороны проспекта Аблайхана) была завершена в 1953 г. Если посмотреть на внешний фасад здания в призме классических законов архитектурной симметрии, то обнаруживается явное присутствие сталинского декора: нависающие объемы балконов с пилястрами, украшенными ажурной резьбой, стилизованной под ориенталистский орнамент, карнизы под крышей, выполненные также в форме рельефно выступающей лепной орнаментики, дугообразная центральная арка во двор, обрамленная узорчатой гипсовой лентой, выходящие на проспект парадные подъезды (сейчас в них разместились различные «кафешки») с широким лестничными маршами и т. д.

Строительство части этого же дома по улицам Виноградова (Карасай батыра) и Мира (Желтоксан) завершилось в 1957 г., т.е. когда установки постановления «об излишествах» стали абсолютной нормой в архитектуре и

строительстве. Именно поэтому на внешних фасадах этих продолжений «Цековского дома» нет никаких архитектурных изысков, парадных подъездов и дугообразных арок, красивых нависающих балконных объемов. Это просто, ставшие к тому времени уже стандартными, голые внешние стены. Вот так, обходя неспешным шагом один дом и всматриваясь в его фасады, можно воочию увидеть историю города и даже прошлое страны [9, с. 49-53].

Другим архитектурным нарративом, ставшим базовым для Алматы как в смысле городского ландшафта, так и в отношении исторической памяти и ее измерений воплощенного пространства, является архитектура советского модернизма. Давно «визитной карточкой» города и его символами стали такие архитектурные шедевры, как гостиницы «Алма-Ата» и «Казахстан», здание Цирка, кинотеатры «Целинный» и «Арман», театры драмы им.Лермонтова и Ауэзова, Казахская национальная библиотека, Дворец им. Ленина (совр. Дворец республики), «Дом дружбы» и

Фото 6. Гостиница «Казахстан»
(фото из материалов интернет-сообщества «Верный-Алма-Ата-Алматы»)

др., наиболее подробно и точно описанные в справочнике московских авторов А.Броновицкой, Н.Малинина Ю.Пальмона «Алма-Ата: архитектура советского модернизма 1955-1991» 2018 г., в котором они называют Алма-Ату «столицей советского модернизма», имея в виду наименьшие потери архитектурного наследия модернизма в городе Алматы по сравнению с другими постсоветскими городами.

Во многом соглашаясь с этим определением, хотелось бы добавить следующее. После 1991 года на всем постсоветском пространстве, включая Казахстан, активировался процесс нациестроительства и исторической легитимизации новой модели государства, который сопровождался процессами десоветизации и этнической мобилизации. В этом отношении советское социокультурное (в том числе, и архитектурное) наследие оказалось в ситуации конфликта нарративов, не принимавшего, впрочем, радикальные формы в силу этнодемографической ситуации (Казахстан продолжает оставаться полиэтнической республикой), а также многовекторной внешней политики, проводимой его политическими элитами. Тем не менее, архитектурное насле-

дие советского модернизма не имеет статуса «культурного наследия нации», уступая это право средневековью и древности, определяющим историческое воображение и этномобилизующий дискурс в гораздо большей степени. Свидетельство тому – дискуссия, развернувшаяся вокруг реконструкции кинотеатра «Целинный», где аргументами против сохранения его первоначального облика служил обозначение его некоторыми представителями казахской интеллигенции объектом «колониального наследия» СССР, не имеющего отношения к автохтонным способам пространственного кодирования. И это несмотря на то, что граффито этого кинотеатра, выполненные Евгением Сидоркиным, преимущественно основаны на степных мотивах и сюжетах. Как пишет Алдабек Куанышбаев о знакомстве с творчеством Сидоркина: «В 1957-м году, увидев впервые эти работы, я был восхищен пониманием традиций, стиля, духа казахов, выраженных в них. Я и представить не мог, что это сделал не казах». Вероятно, в нашу эпоху культуры отмены такой талант назвали бы «культурной апроприацией» [8, с.68]. Так или иначе, архитектура советского модернизма в Алма-Ате отражала и воспроизводила нарративы советской национальной

Фото 7. Кинотеатр «Целинный»
(фото из материалов интернет-сообщества «Верный-Алма-Ата-Алматы»)

Фото 8. Граффито Евгения Сидоркина, зашитые в 2000-х годах и обнаруженные в 2018-м при реконструкции кинотеатра в Центр современной культуры ((фото из материалов интернет-сообщества «Верный-Алма-Ата-Алматы»))

политики, декларируя интернационализм и придавая локальным этнокультурным мотивам планетарное звучание.

В настоящее время архитектура советского модернизма в Алматы поколение за поколением теряет свою культуuroобразующую роль, продолжая существовать в качестве памятника эпохи идеалистического культуртрегерства, честно выполняя свою утилитарную

функцию. Как и сама эпоха модерна, по законам диалектики превращающаяся по мере развития в свою противоположность (во всем мире).

Заключение. Архитектурные нарративы города Алматы, создавая уникальный урбанистический облик этого города в прошлом, находятся в зоне пересечения, диалога и конфликта нарративов исторической памяти:

Фото 9. Кинотеатр «Арман» (фото сделано авторами)

этнонациональный нарратив оставляет урбанистическое наследие Российской империи и СССР без внимания, стигматизируя его как «колониальное», обращаясь к древним и средневековым памятникам, обладающим гораздо большим этномобилизующим потенциалом, что, впрочем, легко объяснимо. Интеграция казахского сельского населения в города в XX-м веке осложнялась не только трудностями социокультурного характера (в конце концов это было свойственно для урбанизации сельчан во все времена и во все мире), сколько тем обстоятельством, что здесь оно было вынуждено включаться еще и в иную этнокультурную среду. Этот момент вкупе с обширными и длительными внешними миграциями в Казахстан, истоки которых лежат

еще в колониальных временах, предопределяли и этнодемографическую структуру городов республики, удельный вес казахов в которых был крайне незначительным. Понятно, что в этой связи все ниши городской жизни были заполнены русскоязычными коммуникациями. И эта специфика городов Казахстана также снижала их притягательность для казахского сельского населения. Последствия этого очевидным образом проецируются в современные нарративы исторической памяти казахстанского социума.

Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта «Визуальная антропология и история образов казахстанской культуры XIX-нач.XXI вв.: эволюция и обретение субъектности» (ИРН: № AP08857194).

Список литературы

- 1 Вебер М. Избранное. Образ общества / М. Вебер. - Москва: Юрист, 1994. - 704 с.
- 2 Вирт Л. Урбанизм как образ жизни. Избранные работы по социологии / Л. Вирт. - Москва: ИНИОН РАН. - 2005. - 233 с.
- 3 Парк Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение - 2006. - Т. 5. - № 1. - С. 11-18.
- 4 Рабинович М. Г., Шмелева М. Н. К этнографическому изучению города // Советская этнография. 1981. - № 3. - С. 23-34.
- 5 Разумова И.А. Исследования города // Антропологический форум. - 2010.- № 12. - С. 148 -156.
- 6 Букетова Н.А. Верненские истории: пять историй / Н.А. Букетова. – Алматы: Елнур. 2011. - 278 с.
- 7 Малиновская Е. Г. «Репрессированная архитектура» – сталинские новостройки, творчество и судьбы архитекторов» / Е. Г. Малиновская. -Алматы: Галерея «Арк», 2016. - 425 с.
- 8 Броницкая А.Ю., Малинин Н. С., Пальмин Ю.И. Алма-Ата: архитектура советского модернизма. 1955–1991.Справочник-путеводитель/А.Ю. Броницкая, Н. С. Малинин, Ю.И. Пальмин. -Москва: Музей современного искусства «Гараж», 2018. - 352 с.
- 9 Абылхожин Ж.Б. Постсталинский период в истории советского Казахстана: череда обреченных реформ и несостоявшихся деклараций (1953–1991 гг.) – Алматы: КБТУ, 2019. - 468 с.

Ж.Б. Абылхожин¹, И.В. Крупко²

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты, Алматы, Қазақстан
Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы, Қазақстан

Алма-Ата: кеңестік қаланың кейбір архитектуралық нарративтері

Аңдатпа. Осы мақалада Алма-Ата қаласының (қазіргі Алматы) сәулет ландшафтының кейбір визуалды нарративтері зерттелген. Мәтінде тарихшылардың зерттеген тарихи нарративтері визуалды салада анық көрінеді. Мұны, көбінесе, қалалық кеңістіктің дизайнына және оның сәулетіне жатқызуға болады. Сәулет әлеуметтік-саяси, идеологиялық және символдық режимге тікелей тәуелді болып қана қоймай, оны жиі жасайды. Дәуірдің өнімі бола тұра, оның импульстарын қабылдау және көрсету аймағы бола отырып, қаланың сәулеттік ландшафты әлеуметтік-мәдени кеңістік жасайды, өз кезегінде осы қаланың

тұрғындары үшін менталды фонды құрайды. Қалалар туралы білім – салыстырмалы урбанистика, соның ішінде, мәдени-антропологиялық және этнографиялық негізіндегі арнайы заттық сала. Мақалада Алматы қаласының екі негізгі архитектуралық әңгімелері (сталиндік империя стилі және кеңестік модернизм) және олардың тарихи жад кеңістігіндегі болжамдары, сондай-ақ, осы әңгімелердің сәйкес идеологиялармен байланысы (империялық геосаяси амбициясы) қарастырылған. Соғыстан кейінгі кезеңдегі КСРО және 60-80-екіжылдық модернизм идеологиясы). Кеңестік сәулет өнерінің мәдени мұрасын қазақ қоғамының тарихи жадында жаңарту мәселесі де алға қойылды.

Түйін сөздер: урбанистика; визуалды антропология; архитектура; Алматы; нарратив.

Zh.B. Abylkhozhin¹, I.V. Krupko²

Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Kazakhstan

Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan

Alma-Ata: some architectural narratives of the soviet city

Abstract. This article explores some visual narratives of the architectural landscape of Alma-Ata city (modern Almaty). Historical narratives produced or studied by historians in the text are no less vividly and distinctly manifested in the visual sphere. In many ways, this can be attributed to the design of urban space and its architecture. Architecture not only directly depends on the socio-political, ideological, and symbolic regime, but often creates it. Being a product of the era, a zone of perception and reflection of its impulses, the architectural landscape of the city creates a socio-cultural space, which in turn forms the mental background for the inhabitants of this city. Knowledge about cities is a special subject field for comparative urban studies, including a cultural-anthropological and ethnographic basis. The article attempts to describe the two main architectural narratives of the city of Almaty (Stalinist Empire style and Soviet modernism) and their projections in the space of historical memory, as well as the relationship of these narratives with the corresponding ideologies (imperial geopolitical ambitions of the USSR in the post-war period and the ideology of modernism of the 60-80s biennium). The problem of updating the cultural heritage of Soviet architecture in the historical memory of the Kazakh society is also posed.

Key words: Urban studies; visual anthropology; architecture; Almaty; narrative.

References

- 1 Veber M. Izbrannoe. Obraz obshchestva [Favorites. The image of a society] (Jurist, Moscow, 1994, 704 p.) [in Russian].
- 2 Virt L. Urbanizm kak obraz zhizni [Urbanism as a way of life] Izbrannye raboty po sociologii [Selected Works in Sociology] (INION RAN, Moscow, 2005, 233 p.) [in Russian].
- 3 Park R. Gorodskoe soobshchestvo kak prostranstvennaya konfiguraciya i moral'nyj porjadok [The Urban Community as a Spatial Pattern and a Moral Order] Sociologicheskoe obozrenie [The Russian Sociological Review], 5(1), P. 11-18(2006), [in Russian].
- 4 Rabinovich M.G., Shmeleva M.N. K etnograficheskomu izucheniju goroda [To the ethnographic study of the city] Sovetskaja jetnografija [Soviet Ethnography], 3, P. 23-34(1981).
- 5 Razumova I.A. Issledovaniya goroda [Studies of the city] Antropologicheskij forum [Anthropological forum], 12. P. 148-156(2010) [in Russian].
- 6 Buketova N.A. Vernenskie istorii: pyat' istorij [Verniy stories: five stories] (Elnur, Almaty, 2011, 278 p.) [in Russian].
- 7 Malinovskaya, E.G. «Repressirovannaya arhitektura» – stalinskie novostrojki, tvorchestvo i sud'by arhitektorov» [«Repressed architecture» - Stalinist new buildings, creativity and destinies of architects] (ARK Gallery, Almaty, 2016, 425 p.) [in Russian].
- 8 Bronovickaya A.Yu., Malinin N.S., Pal'min YU.I. Alma-Ata: arhitektura sovetskogo modernizma. 1955-1991. Spravochnik-putevoditel' [Alma-Ata: the architecture of Soviet modernism. 1955-1991. Guidebook] (Garage Museum of Contemporary Art, Moscow, 352 p.) [in Russian].
- 9 Abylkhozhin Zh.B. Poststalinskij period v istorii sovetskogo Kazakhstana: chereda obrechennykh reform i nesostoyavshisya deklaracij (1953 – 1991 gg.) [Post-Stalin period in the history of Soviet Kazakhstan: a series of doomed reforms and failed declarations (1953 - 1991)] (KBTU, Almaty, 2019, 468 p.) [in Russian].

Сведения об авторах:

Абылхожин Жулдузбек Бекмухамедович – автор для корреспонденции, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и этнологии им.Ч.Ч.Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

Крупко Игорь – докторант Казахского Национального Педагогического университета им.Абая, Алматы, Республика Казахстан

Abylkhozhin Zhulduzbek Bekmuhamedovich – Corresponding author, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher at the Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

Krupko Igor – Doctoral student at the Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Советское нациестроительство: организационные практики и проблемы федерализма. 1920-е гг.

Аннотация. В статье на примере нового источника о деятельности Отдела национальностей ВЦИК (Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет) анализируются некоторые проблемы советского нациестроительства и формирования федеративной системы в 1920-е гг. Деятельность Отдела национальностей ВЦИК (работал в 1919-1937 гг.) была прямо связана с реализацией национальной политики в РСФСР, хотя он занимал подчиненное положение в формирующейся советской системе управления национально-государственным строительством. В ходе образования СССР и после ликвидации Наркомата по делам национальностей именно Отдел аккумулировал в своей практике интегративную организационно-административную, социокультурную и другие функции, которые были связаны с модернизаторскими усилиями власти в полиэтническом пространстве СССР и непосредственно РСФСР. Как часть исполнительного органа высшей власти крупнейшей республики СССР, Отдел занимался решением большого числа оперативных и плановых вопросов организации работы исполнительных органов власти на местах по национальным вопросам, обеспечением помощи представителям автономий в столице, подготовкой нормативных актов по проблемам нациестроительства, оказанием непосредственной административной, финансовой, экономической, социальной и культурной поддержки автономиям. Большое место отводилось взаимоотношениям центра и автономий, при этом задачи Отдела национальностей требовали выполнения посреднических функций в их сотрудничестве с различными ведомствами в центре и в регионах.

Автор обращает внимание на ряд принципиальных вопросов национально-государственного строительства сквозь призму работы Отдела национальностей ВЦИК и его руководителя С.Д. Асфендиарова в 1926-1927 гг., когда состоялись важные дискуссии и обращения лидеров ряда автономий в центр по вопросам урегулирования взаимоотношений между разными субъектами федерации, общероссийского и общесоюзного процесса государственного строительства.

Ключевые слова: СССР; РСФСР; национальная политика; Отдел национальностей ВЦИК; нациестроительство; советский федерализм; автономии; управление.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2021-134-1-22-35>

Поступила: 15.01.2021/Одобрена к опубликованию: 09.02.2021

Введение. Анализ характера, содержания и специфики советской национальной политики остается одним из важных направлений современной историографии. Расширение круга источников позволяет уточнить ряд организационно-политических аспектов истории становления советской федерации и ее автономий в составе РСФСР,

взаимоотношений центра и национально-государственных образований, роли и места отдельных звеньев системы управления этими процессами, осмыслить специфику реализации политики самоопределения и формирования этнополитических элит в раннесоветский период. В статье вводится в научный оборот новый источник – докладная

записка главы Отдела национальностей ВЦИК С.Д. Асфендиарова, направленная в апреле 1926 г. в Президиум ВЦИК. Ее содержание раскрывает детали реализации национальной политики в условиях НЭП, а также проблемы взаимодействия органов власти и управления в этой сфере.

Материалы и методы. В крупнейшем архиве РФ – Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), как известно, сосредоточены многочисленные уникальные документы по истории партии большевиков, в том числе советского периода. Они имеют комплексный характер и содержат уникальные данные о разных сторонах истории России и СССР. Несмотря на активное изучение историками многих источников в фонах РГАСПИ и введение их в научный оборот, сохраняется большой потенциал для дальнейшего расширения документальной базы изучения названных вопросов. Это, в свою очередь, позволяет дополнить многие сюжеты и уточнить актуальные вопросы истории СССР, 100-летие которого состоится в 2022 г., и внести вклад в ее осмысление. Основу работы составили базовые принципы источниковедения, положенные в основу анализа выявленного источника, а также иных используемых архивных документов, данных периодической печати и других материалов. Методы изучения обозначенного круга вопросов определяются проблемно-хронологическим, институциональным, кросс-культурным подходами, а также достижениями современной историографии, использующей различные теоретические направления и концепты. Их применение обуславливается потребностями изучения конкретного круга вопросов, включенных в содержание статьи.

Обсуждение. В рамках обозначенной проблематики наибольший интерес представляют исследования культурной сложности и модернизации российского общества, проведенные Т.Ю. Красовицкой с соавторами (Красовицкая, 2012), анализ А.П. Ненароковым основных культурных факторов образования СССР (Ненароков, 1991),

предложенная Т. Мартином версия истории «позитивной деятельности» СССР (Мартин, 2011) и др. При этом деятельность Отдела национальностей ВЦИК и связанных с ней вопросов федеративного строительства еще не стали предметом специального изучения.

Результаты. Проблемы устойчивости полиэтничного государства и межкультурной интеграции граждан власть расценивала как ключевые в советском строительстве. Центр осуществлял управленческие и территориальные трансформации с учетом общегосударственных задач социально-экономического развития, одновременно требовалось учитывать принципы национального самоопределения и достижения цели фактического равенства народов. Основные принципы и практические подходы к решению этой задачи определялись по мере развития государственности.

Как известно, IV совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей 12 июня, 1923 г. ознаменовало поворот центра в отношении этноэлит и поставило двуединую задачу борьбы с уклонами к русскому национализму и одновременно к антирусскому и вообще к местному национализму. При подготовке Конституции СССР 1924 г. проблемы взаимоотношений центра и субъектов федерации актуализировались. Национальные элиты продолжали «битву» против «шовинизма» всех этнических цветов, за укрепление своих внутрирегиональных позиций и повышение реального статуса в принятии общесоюзных политических решений.

Понимание нового качества целостности граждан единого государства вызревало постепенно. Приоритет классовых критериев и социального равенства формально должен был обеспечить равенство и национальное, но его фактическое наполнение происходило достаточно сложно. Власть пыталась, активно и целенаправленно занимаясь нациестроительством, нащупать такие инструменты, которые могли бы объединить граждан страны, разделенных внутренними границами и администрациями субъектов

федерации. При обсуждении Конституции СССР 14 июня 1923 г. на заседании расширенной комиссии ЦИК СССР (председатель М.И. Калинин) развернулась дискуссия о том, как совместить гражданство республик и СССР. Украинские руководители считали нужным реализовать фактически двойное гражданство, против чего выступили представители центра. Показательны доводы Калинина, которые он приводил на встрече «у горцев» (в мае 1923 г. он совершил поездку по маршруту Пятигорск – Минеральные Воды – Владикавказ – Махачкала – Грозный – Нальчик – Ростов-на-Дону): «Вы не только граждане-горцы, вы граждане громадной общесоветской территории, там все национальности сливаются, там вырабатывается новая государственность, вы являетесь гражданами нового государства, не бывалого еще в мире, государства СССР. Поэтому всякая национальность, поддерживая свою национальность, вместе с тем обязана проявить чувство, что он является гражданином СССР» [1, с.127, 135]. По существу, это был один из первых тезисов в пользу советской многонациональной общности, гораздо позже получившей термин «советский народ».

29 октября 1924 г. во ВЦИК прошло совещание членов ВЦИК и ЦИК СССР от автономных республик и областей РСФСР. Оно утвердило тезисы Отдела национальностей ВЦИК об упрощении государственного аппарата в автономных республиках и областях. Признавалась необходимость «стремиться к максимальной экономии государственных средств и изыскивать пути к возможному сокращению средств на содержание госаппарата». В то же время вновь всплыл вопрос о правах автономий: при реорганизации этих аппаратов следовало иметь в виду, что «различие между автономной республикой и губернией заключается главным образом в объеме прав, а не в количественном составе госаппарата (штате). ... в построение аппарата отдельных республик и областей должны вноситься коррективы, вытекающие из индивидуальных черт каждой автономной

единицы, ее экономики и административного деления». Показательно, что классификация автономий проводилась по формальному признаку – количеству административно-территориальных единиц: а) масштабом в несколько губерний (Киргизия [Казахская АССР - Д.А.]), б) масштабом в 1 губернию (Татарская, Башкирская, Крымская, Дагестан и Якутия), в) масштабом в несколько уездов (Немцев Поволжья, Бурято-Монгольская и Карельская). Автономные области: в несколько уездов - Марийская, Чувашская, Вотская, Коми, Чеченская и вновь образуемая Кара-Киргизская, масштабом в один уезд и менее уезда - Адыгейско-Черкесская, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Северной Осетии, Ингушетии, Калмыцкая и Ойратская.

Для Казахстана проблемы районирования оказались тесно связаны с размежеванием и переносом столицы из Оренбурга. В 1922 г. планировалось разделить территорию КАСР на три области – Средне-Киргизскую с центром в Оренбурге (Оренбургская, Кустанайская, Актюбинская губернии, Адаевский уезд и части Илекского уезда Уральской губернии), Восточно-Киргизскую с центром в Семипалатинске или Омске (Семипалатинская и Акмолинская губернии) и Западно-Киргизскую с центром в Уральске (Букеевская и Уральская губернии, часть Уильского района Актюбинской губернии). Этот проект, выдвигавшийся руководством автономии, не получил тогда развития, хотя, как считали авторы, учитывал принципы удобства управления, экономические связи объединяемых территорий, «концентрацию и более рациональное использование административных и политических сил», а также необходимость в сокращении бюджета.

После упразднения Наркомнаца именно отдел ВЦИК по советской линии ведал практически всеми областями и инструментами управления этносферой. Несмотря на наличие и усиление постоянного руководства со стороны общесоюзных партийных органов, ВЦИК оставался значимой структурой в системе исполнительной власти, имея непосредственное отношение ко всем преобразованиям во всех областях

развития государства и общества. При этом этносоциальная и этнокультурная проблематика пронизывала все стороны жизни страны, что превращало Отдел национальностей ВЦИК в посредника между разными наркоматами, ведомствами и органами управления на местах, активного проводника национальной политики и своеобразный центр социальной защиты многочисленных народов РСФСР.

Взаимоотношения центра и республик, как и субъектов федерации между собой, оставались почти перманентно чувствительными в советском проекте нациестроительства, при этом они были прямо связаны со всеми другими вопросами комплексного перехода общества от традиции к модерности, а решение их зависело от партийного руководства. В июле 1925 г. Отдел национальностей ВЦИК направил в Национальную группу Орграспредотдела ЦК РКП(б) проект предложений по вопросу о советском строительстве и национализации партийных, профессиональных и кооперативных учреждений в национальных республиках и областях. Во ВЦИКе считали, что «...следует более основательно поставить учебу ответработников, не знающих местного языка, и в первую очередь националов, не владеющих родным языком... Выдвижение и вовлечение в государственную работу крестьян и рабочих, идет в нацреспубликах и областях чрезвычайно медленно».

Глава Отдела национальностей ВЦИК С.Д. Асфендиаров обратил внимание и на связь между экономическим развитием, административно-территориальным устройством и эффективностью управления. 31 октября 1925 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли Общее положение о наркоматах РСФСР, обозначившее тенденцию централизации. «Необъединенные народные комиссариаты РСФСР ... непосредственно подчиняются ВЦИК, его президиуму и Совету народных комиссаров Российской Федерации и осуществляют в своей деятельности их постановления и директивы». ЦИК автономных республик, краевые и обласполкомы могли в исключительных

случаях под свою ответственность приостанавливать распоряжения наркоматов РСФСР, предварительно известив Президиум ВЦИК. Кроме того, 10 ноября последовало заключение «редактора-консультанта» Игнатьева, полностью развенчавшего претензии автономистов ссылками на ту же конституцию РСФСР. Это было несложно, поскольку решения центральных органов власти и управления были обязательны для субъектов, а аналогии с союзным законодательством считались неубедительными – система наркоматов в союзных республиках изначально не совпадала с общей по СССР. Секретариат ВЦИК незамедлительно и «совершенно секретно» принял заключение по протесту автономий, сославшись на декреты об образовании этих субъектов РСФСР и отсутствие в российской конституции каких-либо серьезных оправданий для «бузы».

Однако проблема согласования решений и действий многочисленных бюрократических инстанций, созданных, как и сами автономии, по принципу матрешки, сохранялась. Асфендиаров обращал внимание на решение ЦИК СССР о расширении полномочий ЦИКов и правительств автономий в области местных финансов, а наркомюстов – в судебном управлении, при соблюдении субординации в спорных и общих вопросах посредством подчинения указаниям ВЦИК и наркоматов РСФСР.

Принятая в 1926 г. инструкция ВЦИК по перевыборам советов, взяв за основу соответствующие решения о перевыборах советов июльского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), обязала включать в состав избирательных комиссий представителей этнических меньшинств, а также создавать самостоятельные избирательные участки для них и проводить предвыборные и выборные собрания на родном языке. Предусматривались издание соответствующей литературы на языках меньшинств, введение именных повесток для избирателей, привлечение общественных организаций и т. д. ВЦИК предлагал также заострить внимание на максимальном охвате и учете

избирателей от меньшинств, обеспечении их представительства в практической работе советов и на вышестоящих съездах советов, отражении культурно-хозяйственных нужд данных групп в наказах новым советам. III Всесоюзный съезд советов принял также решение об организации школ и судов для обслуживания меньшинств.

Отдел национальностей ВЦИК, служивший центром подготовки и экспертизы таких решений, летом 1927 г. составил список губерний и областей, имевших значительное количество представителей меньшинств. Таких оказалось 25. Соповещение уполномоченных по делам национальных меньшинств России, состоявшееся в Москве в 1927 г., обратило внимание на учет интересов этих групп во всех направлениях деятельности органов советской власти, особенно в отношении наиболее экономически и культурно отсталых, к коим относились угрофинские этносы, татары, башкиры, казахи и др. На первое место выдвигались расширение сети просветительных, медико-санитарных, агрономических, судебных и других учреждений для них, строительство школ, ускорение землеустройства и улучшение сельскохозяйственного кредитования. Была дана директива завершить (определенный срок не устанавливался) создание национальных советов и перевод их делопроизводства на языки меньшинств, обеспечить подготовку кадров секретарей, счетоводов и т.д., а исполнительные органы власти - специалистами со знанием национальных языков и освободить уполномоченных по делам меньшинств от не связанных с их обязанностями поручений [2, с.270-273, 276, 278, 281-287].

Данные новации были весьма важны. В 1920-е гг. в Москве, к примеру, работали национальные школы, детские дома, детские сады, общеобразовательные курсы, институты, совпартшколы, ликбезы, школы политграмоты, национальные отделения при институтах, культурно-просветительные общества, клубы, театры, издательства и т. д. В столице открылись мордовский клуб, библиотека, общеобразовательные курсы,

школа I ступени; работали грузинский дом культуры, туркменский и бухарский дома просвещения, узбекский институт просвещения, узбекская государственная показательная драмстудия и студия при консерватории. В 1927 г. в столице действовало 20 ликбезов для татар, где обучалось 500 человек. Особенно нужны были для вчерашних крестьян, привыкших к натуральному патриархальному хозяйству, школы профграмоты. В них, а также на собраниях, которые велись на родном языке, «рабочим разъясняли, куда они могут обращаться за помощью, какие права они имеют... давали им целый ряд практических указаний для разрешения разных конфликтов». Более подготовленные рабочие поступали на общеобразовательные курсы, где в 1927 г. обучалось 86 человек. 45 детей воспитывались в татарском детском саду. В конце 1920-х гг. имелось 18 татарских библиотечек-передвижек. Вскоре возникла и центральная татарская библиотека, открылись татарский дом просвещения и центральный татарский клуб. Только за лето 1927 г. его силами было поставлено 10 спектаклей. Татарская драматическая труппа действовала и при дворце строителей. На праздновании Сабантуя среди зрителей всегда было много представителей разных национальностей [3, с.52,78]. Усилиями Отдела национальностей ВЦИК и подотчетных ему структур удавалось добиться постепенных сдвигов.

Посредническая миссия Отдела национальностей ВЦИК в условиях, когда специальный наркомат по делам национальностей отсутствовал, а прогресс всех народов мог быть обеспечен только в рамках всесторонней модернизации страны, приобрела особый смысл. Так, в 1925 г. Отдел занимался землеустройством еврейского населения в Крыму, в 1926 г. по его ходатайству автономии немцев Поволжья было разрешено иметь бюджетный фонд для стипендий курсантам совпартшкол; тогда же его глава принимал участие в урегулировании межэтнических земельных конфликтов в Карачаево-Черкесии; направил в ЦИК КАССР требование Президиума ВЦИК

урегулировать ситуацию в Каркаралинском уезде Семипалатинской области, откуда поступали жалобы русских крестьян на нападения казахов (избиения, кража сена и пр. под лозунгом «наша автономия, и все наше»), и в Кустанайском округе в связи с принудительным выселением 13 русских семей из республики [4, с. 302, 137, 180, 528, 530].

Свою специфику имела интеграция тюркоязычных народов, значительная часть которых получила национально-государственные образования. 2 января 1926 г. под председательством секретаря ЦК партии В. М. Молотова в ЦК ВКП(б) состоялось совещание секретарей парторганизаций по вопросу о «большевизации национальных кадров». В нем участвовали руководители партийных организаций регионов с тюркоязычным населением – Казахстана, Средней Азии, в т. ч. Узбекистана, Киргизии и Туркмении, а также других автономий в составе РСФСР (Крыма, Башкирии, Татарстана и Дагестана). Они обсудили важные проблемы формирования национального политического класса в республиках с мусульманским коренным населением, а также реализации советской этнополитики, прежде всего с точки зрения укрепления влияния власти в этносоциальных общностях на основе их классового расслоения [5].

14 апреля 1926 г. заместитель секретаря ВЦИК, глава Отдела национальностей ВЦИК С.Д. Асфендиаров направил в Президиум ВЦИК «совершенно секретно» докладную записку о проблемах в работе отдела, с которыми он столкнулся за 2 года работы. Записка была направлена Сталину, а 19 марта 1927 г. – в архив.

Довольно частые административно-территориальные изменения по всему СССР влияли не только на иерархию национально-государственных образований, но и на конкретную организационно-управленческую деятельность на местах. При этом верховенство классового подхода над национальным считалось приоритетным. Так, секретарь ЦИК СССР А.С. Енукидзе подчеркивал: «Вопрос о государственных

формах существования отдельных наций – для нас производный, зависящий от вопроса о классовых взаимоотношениях. Мы не строим также фикции о децентрализованной федерации, как панацеи от закабаления народов...». Он обвинял автономии в центробежных тенденциях, которые содержались в проектах конституций автономных республик, представленных в Президиум ВЦИК. Некоторые положения в них, говорилось далее, трактуются «на основе отвлеченных предпосылок национального самоопределения», а не классовых требований текущего момента [6, с.20, 33, 35].

Позиция лидеров национально-государственных образований и их отношения с центральной властью в советской истории и современности представляют важнейшую часть комплекса мер по обеспечению целостности страны со сложным этносоциальным составом населения, устойчивости ее политической системы, эффективности внутренней и внешней политики, межкультурной интеграции и гражданской консолидации общества. Продолжавшиеся дискуссии, в том числе о полномочиях и компетенции субъектов РСФСР, привели к тому, что 12 и 14 ноября 1926 г. по инициативе Отдела национальностей ВЦИК и заместителя председателя СНК РСФСР Т.Р. Рыскулова в Москве состоялось «Частное совещание националов-членов ВЦИК и ЦИК СССР и других представителей национальных окраин» [4, с. 44-70]. Отдел национальностей ВЦИК в лице его руководителя С.Д. Асфендиарова принял самое деятельное участие в обсуждении и подготовке предложений по итогам совещания. Публикуемый документ следует рассматривать с учетом указанных обстоятельств национально-государственного строительства и отношений субъектов федерации с центром и между собой.

Асфендиарова, судя по документу, весьма беспокоили сложности взаимодействия многочисленных ведомств и отделов в самом ВЦИК, в рамках компетенций которых неизбежно рассматривались и решались вопросы, затрагивавшие интересы всех

народов огромной страны. К тому же иерархическая федеративная структура усложняла взаимосвязи управленческих структур, а различия в статусе разных субъектов федерации и не имевших национально-государственных единиц меньшинств затрудняли решение массы практических задач модернизации культурно сложного общества. Глава Отдела национальностей мотивировал свои предложения и проблемами оптимизации аппарат, равномерного финансирования и исключения дублирования в работе отделов ВЦИК. Он считал необходимым иметь единый центр руководства и управления для «правильного обслуживания» интересов национальностей. Данные о росте частного капитала в торговле, недостаточном развитии кооперации именно в автономиях свидетельствовали, по его мнению, о недостаточном внимании к ним федеральных ведомств, которые в силу прямого назначения не могли предметно заниматься такими проблемами.

Так, Федеральный комитет по земельному делу, который Асфендиаров предлагал упразднить, был создан в 1921 г. как междуведомственный орган для урегулирования вопросов по земельному делу, выходящих за пределы компетенции Наркомата земледелия РСФСР, в 1922 г. передан в непосредственное подчинение Президиуму ВЦИК, затем - наркомату по делам национальностей (Наркомнац), но после его ликвидации в 1924 г. был вновь подчинен Президиуму ВЦИК. Предложение Асфендиарова, сделанное в данной записке, не было принято. Федкоззем был упразднен в феврале 1930 г., а его функции перешли к Наркомату земледелия РСФСР уже как союзно-республиканскому. Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК также был организован в 1924 г. после упразднения Наркомнаца. Он был упразднен летом 1935 г. Таким образом, предложения Асфендиарова, изложенные в публикуемом документе, не были приняты. Отдел национальностей ВЦИК оставался неким промежуточным, посредническим органом, не имевшим достаточных, какими

представлял их Асфендиаров, полномочий, штата и средств для аккумуляции в своих руках всех вопросов национальной политики в РСФСР. В 1931-1937 гг. Отдел возглавлял другой представитель Казахской АССР - Н. Нурмаков. Оба были заместителями секретаря ВЦИК. С принятием новой Конституции СССР 1936 г. был создан Совет национальностей Верховного Совета СССР. Отдельное ведомство национальной политики в России возникло в марте 1990 г., просуществовало под разными названиями до 2004 г., а в 2015 г. создано Федеральное агентство по делам национальностей.

Текст документа приводится полностью, сокращенные слова и пропуски расшифрованы в квадратных скобках, орфография приведена в соответствие с современными требованиями. Датировка и время предоставления записки И.В. Сталину указаны во внесенных в машинописный текст рукописных вставках на первой странице документа. Сделанные при чтении неизвестным автором подчеркивания не выделяются.

Совершенно секретно
В Президиум Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета
Докладная записка

Москва 14 апреля 1926 г.

Двухлетняя работа Отдела Национальностей к данному времени отчетливо выявила те дефекты, которые встречаются в процессе текущей работы. Дефекты эти настолько значительны, что не останавливаться на них совершенно невозможно, они требуют немедленного изжития, ибо вся дальнейшая работа по выполнению Отделом национальностей своих функций зависит от исправления этих дефектов. Обращаясь конкретно к этому вопросу, нужно сказать, что все это в большей своей части сводится к организационным неувязкам, существующим внутри аппарата Президиума ВЦИК, и которые выражаются в отсутствии единого органа и единства в работе.

Благодаря этой организационной неувязке, все основные вопросы, стоящие п[е]ред автономными областями и авт[ономными]

республиками, остаются неразрешенными и вся работа органов, обслуживающих их в центре, как-то: Отд[ела] национальностей, Федкомзема – по существу сводится лишь к разрешению текущих вопросов, к которым можно отнести споры, возникающие на местах и в центре, отдельные ходатайства и т.п. Вопросы же по планомерному обслуживанию хозяйственных и культурных нужд отдельных республик и областей остаются вне поля зрения указанных органов.

Благодаря этой же организационной неувязке мы видим недостаточное руководство проведением на местах национальной политики, полное отсутствие учета опыта работы, проделываемой в той или иной республике или области, который имел бы существенное значение для дальнейшей работы.

Отсюда же вытекает и та ненормальность, которая имеется налицо у нас на практике при удовлетворении той или иной потребности отсталых республик или областей. В этом вопросе совершенно отсутствует какой-либо общий твердый подход к подъему хозяйственного и культурного уровней указанных национальных объединений. Одни республики или области пользуются большим обслуживанием, другие – меньшим, а третьи совершенно остаются в стороне. Все это делается от случая к случаю.

И это все вполне естественно, поскольку нет единого органа и единства в работе, нет и общего руководства, и правильности обслуживания. Для того чтобы проводить основные мероприятия, требуется учесть во всех отношениях и по всем отраслям управления состояние национальных республик и областей, что можно только при единстве органа, ведущего работу по обслуживанию этих республик и областей.

Между тем в этих республиках и областях в данное время возникает масса жгучих вопросов, требующих внимательнейшего изучения центральных органов, как, например, в условиях настоящего времени отсталость трудящихся масс некоторых национальностей. Слабая активность их подчас приводит к укреплению влияния

и мощи феодальной и родовой верхушки. Наряду с этим увеличиваются также эксплуататорские стремления зажиточного крестьянства.

Промышленность, кооперация, госторговля авт[ономных] республик и областей, хотя и двинулись вперед, но все же находятся в тяжелом положении. Положение это осложняется еще чисто местными и национальными особенностями этих республик и областей. Для подтверждения вышеприведенного положения достаточно хотя бы привести данные по кооперации и госторговле авт[ономных] республик и областей, полученных на основании сведений с мест. По этим сведениям, процент кооперированных хозяйств в среднем по 17 авт[ономным] республикам и областям по линии потребительской кооперации составляет 20,8%, причем этот процент весьма резко колеблется по отдельным автономным единицам, местами он доходит до 3,2. По линии сельскохозяйственной кооперации кооперированное население равняется 22,43%. Если же посмотреть на участие в товарообороте частного капитала, кооперации и госторговли в системе потребительской кооперации, то мы увидим, что частный капитал захватил до 40% всего оборота, кооперация – 37% и госторговля – 23%. Если сравнить с цифрами, соответствующими по всему Союзу, то сразу видно резкое отклонение от средних данных. По данным доклада тов. Сталина на 14-м партсъезде, среднее участие частного капитала в товарообороте по Союзу выражается только в 24,9%, с несомненной тенденцией к еще большему уменьшению этой цифры за счет увеличения оборота кооперации, охватывающей в данное время 24%, и госторговли – 50%. Таким образом, участие частного капитала в товарообороте по авт[ономным] республикам и областям выражается в 40%, а в среднем же по Союзу участие капитала выражается только в 24,9%. При этом нужно оговориться, что этот процент, выраженный по авт[ономным] республикам и областям, едва ли можно считать точным, в их условиях нельзя это

точно учесть. Поэтому выведенную цифру относительно частного капитала нужно признать преуменьшенной.

Это положение совершенно ненормальное, и если не принять решительных мер, то имеется опасность, что частный капитал будет достаточно сильным конкурентом кооперации и госторговли, а это угрожает основной линии нашего строительства. Необходимо на это обратить серьезное внимание, имея в виду, что кооперация в условиях авт[ономных] республик и областей должна играть решающую роль.

Автономные республики и области должны преодолеть все эти затруднения, вытекающие из особых условий, в которых они находятся, но преодолеть их они своими силами не в состоянии, нужна поддержка центра. Однако в данное время специально этим вопросом почти никто не занимается.

Если перейти к вопросу о промышленности, то здесь обстоит еще хуже. Имеющиеся предприятия впадают в жалкое существование, новые не создаются. Вопросы укрепления промышленной базы авт[ономных] республик и областей решаются от случая к случаю без учета реальной необходимости и реальной возможности. Директивы XII-го съезда партии по этому вопросу остаются до сего времени невыполненными по отношению ко многим республикам и областям.

Особо остро стоит вопрос о землеустройстве, а меры общего характера, содействующие землеустройству и развитию производительных сил, не выработаны и все основные моменты, хотя бы указанные в Положении о Федкомземе, остаются невыполненными несмотря на то, что все эти вопросы являются первостепенными вопросами в условиях автономных республик и областей.

Не лучше обстоит вопрос и в отношении других отраслей управления. Здесь совершенно нет учета опыта работы, как например, по линии Наркомпроса, здравоохранения и т. д., хотя этот учет сыграл бы весьма полезную роль в дальнейшем развитии отсталых республик и областей.

Необходимо также указать и на то обстоятельство, что остается совершенно не изученным вопрос о положении нацменьшинств, которые имеются в довольно значительном количестве во многих губерниях. Губернии совершенно недостаточно обращают на них внимание.

В общем перед нами стоит целый ряд неотложных задач, выдвинутых и выдвигаемых жизнью. Правильное разрешение этих задач возможно только в том случае, когда мы в центре будем иметь достаточно сильный и авторитетный орган, где бы можно было все это сосредоточить и где бы они получали надлежащую проработку.

В данное же время мы имеем следующее: Президиум ВЦИК для обслуживания авт[ономных] республик и областей, а также национальных меньшинств, имеет три органа, а именно: 1) Отдел национальностей, 2) Федеральный комитет и 3) Комитет севера. Кроме того, имеются разные комиссии для обслуживания отдельных национальностей. Каждый из указанных органов занимается вопросами, затрагивающими национальности РСФСР. Благодаря параллельному существованию трех органов на практике оказывается разъединение аппарата, обслуживающего национальности, что ведет к отсутствию ведения учета опыта в целом, а в результате получается – ни тот, ни другой орган не может поставить перед собой вопрос в целом и проводить все основные мероприятия. Такое разъединение органа, обслуживающего нац[иональные] республики и области, совершенно недопустимо, ибо это ведет к полному отказу от какого бы то ни было руководства в общесоюзном масштабе. Отсюда, очевидно, и исходят попытки некоторых народных комиссариатов разрешить вопрос путем организации Федеральных комитетов, как, например, Наркомпроса, а стремление других – разрешить вопрос взятием руководства политикой отдельных отраслей Управления по линии автономных наркоматов, как, например, Наркомзем, хотя это не вяжется с существующей Конституцией. Нет сомнения,

есть много вопросов, выходящих за пределы той или иной автономной республики, регулирование коих необходимо, но регулирование - это, во-первых, должно быть без нарушения соответствующих конституционных норм, а во-вторых, для этого нужно иметь достаточно сильный и авторитетный орган, каковым, по нашему мнению, может быть только сам Президиум ВЦИК. Но Президиум ВЦИК должен построить свой аппарат таким образом, чтобы это соответствовало предъявляемым требованиям и был бы достаточно сильным для непосредственного руководства ч[е]рез Президиум ВЦИК.

Следующим недостатком работы, по мнению Отдела национальностей, является отсутствие организационной связи между Нац[иональным] отделом и Орготделом ВЦИК. Работа этих двух отделов в некоторой своей части может быть организационно увязана, и эту организационную увязку нужно немедленно произвести.

Благодаря такому ненормальному положению, существующему до сего времени Отдел национальностей лишен возможности учитывать и направлять текущую работу нац[иональных] республик и областей. Целый ряд ценнейших сведений, касающихся работы авт[ономных] республик и областей, остается неиспользованным благодаря отсутствию специального аппарата в Отделе национальностей и организационной неувязке с Орготделом; к таким сведениям в первую очередь должна быть отнесена вся текущая работа по советскому строительству. Отчеты ЦИКов и ОБИКов¹ совершенно не прорабатываются и Отд[елом] национальностей не используются. Кроме того, эта организационная неувязка доходит до того, что вопросы, прорабатываемые в Отд[еле] национальностей, ч[е]рез Секретариат Президиума попадают в Орготдел, который снова прорабатывает, и таким образом – неизбежное залеживание их

по месяцам. Отсюда справедливое нареkanie на медлительность прохождения дел.

Наконец, еще один недостаток, который также отражается на работе Отдела национальностей. Это – не совсем равноправное положение Отд[ела] национальностей среди других отделов. Это чувствуется на каждом шагу. Особенно оно проявилось при унификации заработной платы сотрудников ВЦИК. ЦШК² и Наркомтруд установили по Отд[елу] национальностей такие ставки, которые ниже, чем в других отделах, по одной и той же должности чуть ли не вдвое. Так, например, для информаторов Орготдела установлено 200 руб., а для инструкторов Отдела национальностей – 175 руб.; для консультантов Орготдела – от 225 до 275 руб., а для консультантов Отдела национальностей – от 150 до 175 руб. Такое отношение, помимо того, что создает дезорганизацию в работе Отдела и вообще аппарата ВЦИК, вызывает справедливое нареkanie и нежелательное настроение, переходящее на национальную почву.

Для изжития отмеченных ненормальных явлений Отдел национальностей считает необходимым произвести следующие организационные мероприятия:

1. Ликвидировать Федкомзем как таковой, передав его функции и существующий аппарат Отделу национальностей.
2. Ликвидировать Комитет Севера, передав его функции с существующим аппаратом Отделу национальностей.
3. Организационно увязать работу Отдела национальностей и Орготдела путем включения в соответствующие подотделы нац[иональных] работников.

Федеральный комитет по земельному делу до сего времени не был устойчивым, дело свелось к тому, что остался только временный Президиум, который решает совершенно случайно отдельные вопросы. Естественно, все это не могло не отразиться на работе, все основные мероприятия, подлежащие проведению, остались непроведенными.

¹ ЦИК – Центральный исполнительный комитет автономной республики, ОБИК – областной исполнительный комитет автономной области.

² ЦШК – Центральная штатная комиссия при Наркомате труда.

Настоящее же положение Федкомзема тем более не соответствует той задаче, которую он должен выполнить как по соображениям организационным, так и по чисто техническим. Вся работа Федкомзема в данное время заключается в разрешении текущих вопросов, главным образом, спорных, возникающих между отдельными частями федерации, или частных жалоб, иногда вопросов, не подлежащих его рассмотрению – чисто административного характера, благодаря чему происходит вредный параллелизм и разные недоразумения.

Существование такого положения неблагоприятно отражается на работе как Отдела национальностей, так и Федкомзема, лишает единого постоянного политического руководства, распыляет силы и средства, а эффекта никакого нет, а потому ликвидация Федкомзема является насущной необходимостью, с передачей всех функций и аппарата Отделу национальностей. Это можно сделать совершенно безболезненно для дела, потому что вопросы Федкомземом проводит также ч[е]рез Президиум ВЦИК, как и Отдел национальностей.

Организационная форма Федкомзема внутри Отдела национальностей может быть разработана.

Аналогичное положение создается отдельным существованием Комитета содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК, организованного постановлением Президиума ВЦИК от 20-го июня 1924 г. (см. СУ³. № 57 1924 г.). Комитет содействия народностям северных окраин имеет своей задачей содействие планомерному устройению малых народностей Севера в хозяйственно-экономическом, административно-судебном и культурно-санитарном отношениях. В круг его обязанностей входит выяснение, разработка и проведение в установленном порядке мероприятий по осуществлению возложенной на него задачи. Следовательно,

3 СУ – Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства (СУ РСФСР). Официальное печатное издание 1917-1938 гг.

функции Комитета Севера целиком совпадают с функциями [и] задачей Отдела национальностей, фактически выполняемой им в данное время, поэтому передача этих функций последнему является также неотложной необходимостью, иначе тот же вредный параллелизм и проч[ие] ненормальности.

Кроме того, такое объединение даст возможность сократить существующий штат. В настоящее время Комитет имеет 19 человек, в то время как Отдел национальностей имеет 16 чел.

Проведением всех этих организационных мероприятий мы достигнем: 1) единого руководства, 2) единства в политике, 3) ликвидации параллелизма в работе, 4) сокращения аппарата, 5) поднятия авторитета Отдела национальностей (вместо трех неавторитетных лучше иметь один авторитетный).

Организационную увязку с Орготделом Отдел национальностей мыслит таким образом, чтобы за ним оставалось руководство в части, касающейся национальных республик, областей и нацменьшинств. Это можно обеспечить назначением заместителя заведующего соответствующим отделом или п[од]/отделом одного из национальных работников и выделением соответствующего количества инструкторов и информаторов или других сотрудников по тем отделам или п[од]/отделам, которые связаны с работой с национальностями. Эти выделенные товарищи будут вести работу специально по автономным республикам и областям и давать необходимые сведения Отделу национальностей для его текущей работы. Конкретно Отдел национальностей полагает возможным такую организационную увязку произвести по п[од]/отделам информационному, инструкторскому, статистическому и секретной части.

При этом нужно указать, что такая организационная увязка возможна в том случае, когда оба отдела будут находиться в совершенно одинаковых условиях по отношению к этим п[од]/отделам, в противном случае неизбежно вытекает

необходимость выделения соответствующих частей из ведения того или иного отдела.

В текущей работе Орготдел и Отдел национальностей должны иметь тесное сотрудничество. Все вопросы, проводимые или проходящие ч[е]рез отделы, если они имеют какое-либо значение, как для авт[ономных] республик и областей, так и губерний, должны проходить ч[е]рез оба отдела или ч[е]рез совместное совещание представителей обоих отделов.

Зам. Секретаря ВЦИК: /Асфендиаров/

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 108. Л. 180–188. Машинопись. Подпись автограф.

Заключение. В публикуемой записке основное внимание уделяется работе самого Отдела, однако содержание и контекст документа позволяют расширить представления не только о характере и особенностях деятельности Отдела национальностей ВЦИК, но и о том комплексе проблем, которые составляли

существо советского нациестроительства и формирования федеративного облика страны, унаследованного бывшим советскими республиками в конце XX века. В рамках фундаментальных исследований, направленных на научное осмысление истории и наследия СССР, исторической роли советского периода в отечественной и мировой истории, расширение документальной базы стимулирует анализ опыта реализации советского проекта, имевшего целью строительство идеологически новой государственности, модернизацию традиционных форм существования этносов бывшей Российской империи и консолидацию культурно сложного (многонационального) общества. Публикуемый источник расширяет возможности изучения институциональной природы советского федерализма, служившего механизмом нациестроительства, и политико-культурных практик конструирования современных наций, интеграции их в новую социальную и интернациональную общность людей.

Список литературы

- 1 Гатагова Л.С., Кошелева Л.П., Роговая Л.А. ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 1 / Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. - Москва: РОССПЭН, 2005. - 702 с.
- 2 Аманжолова Д.А., Красовицкая Т.Ю. Культурная сложность советской России: идеология и практики управления 1917-1941 гг. / Д.А. Аманжолова, Т.Ю. Красовицкая. - Москва: Новый хронограф, 2020. - 384 с.
- 3 Гончарская С. Работа среди национальных меньшинств: (Опыт Московской партийной организации) / С. Гончарская. - Москва: Московский рабочий, 1929. - 112 с.
- 4 Чеботарева В.Г. Национальная политика Российской Федерации 1925-1938 гг. / В.Г. Чеботарева. - Москва: ГУ МДН, 2008. - 832 с.
- 5 «Как вести руководство, на что ориентироваться?». Стенограмма совещания секретарей парторганизаций в ЦК ВКП(б) по вопросу о «большевизации национальных кадров». 1926 г. // Исторический архив. - 2015. - № 5. - С. 100 - 125.
- 6 Енукидзе А.С. Конституции автономных республик (в порядке постановки вопроса) // Советское строительство. - 1926. - № 3-4. - С. 19-35.
- 7 Красовицкая Т.Ю. Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / Т.Ю. Красовицкая, В.А. Тишков. - Москва: Новый хронограф, 2012. - 448 с.
- 8 Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939 / Т. Мартин. - Москва: Российская политическая энциклопедия; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. - 855 с.
- 9 Ненароков А.П. К единству равных: Культурные факторы объединительного движения советских народов, 1917- 1924 / А.П. Ненароков. - Москва: Наука, 1991. - 270 с.

Д.А. Аманжолова

РГА Ресей тарихы институты, Мәскеу, Ресей

Кеңестік мемлекет құру: ұйымдастыру практикасы және федерализм мәселелері. 1920-жылдар

Аңдатпа. Мақалада БОАК (Бүкілресейлік Орталық Атқарушы Комитет) ұлттар бөлімінің қызметі туралы жаңа дереккөздің мысалындағы 1920 жылдары кеңестік ұлт құрылысы мен федералды жүйенің қалыптасуының кейбір мәселелері талданады. БОАК ұлттар бөлімінің қызметі (1919-1937 жылдары жұмыс істеді) РСФСР-де ұлттық саясатты жүзеге асырумен тікелей байланысты болды, дегенмен, ол кеңестік ұлттық-мемлекеттік құрылысты басқару жүйесінде бағынышты орынға ие болды. КСРО-ның құрылуы кезінде және ұлттар істері жөніндегі Халық Комиссариаты жойылғаннан кейін, бұл өз тәжірибесінде КСРО мен РСФСР көп этникалық кеңістігіндегі биліктің модернизациялық күш-жігерімен байланысты интегративті ұйымдастырушылық-әкімшілік, әлеуметтік-мәдени және басқа функцияларды жинақтаған бөлім болды. КСРО-ның ең ірі республикасының жоғары билік атқарушы органының бөлігі ретінде бөлім жергілікті атқарушы органдардың ұлттық мәселелер бойынша жұмысын ұйымдастырудың көптеген жедел және жоспарлы мәселелерін шешумен, елордадағы автономия өкілдіктеріне көмек көрсетумен, ұлттық құрылыс мәселелері бойынша нормативтік актілер дайындаумен, автономияларға тікелей әкімшілік, қаржылық, экономикалық, әлеуметтік және мәдени қолдау көрсетумен айналысты. Орталық пен автономияның өзара қарым-қатынасына мән берді, бұл ретте ұлттар бөлімінің міндеттері орталықта және өңірлерде түрлі ведомстволармен ынтымақтастықта делдалдық функцияларды орындауды талап етті. Автор 1926-1927 жылдары БОАК ұлттар бөлімі мен оның жетекшісі С.Д. Асфендияровтың жұмысы аясында, бірқатар автономия басшыларының федерацияның әртүрлі субъектілері арасындағы қатынастарды реттеу, бүкілресейлік және Бүкілодақтық мемлекеттік құрылыс процесі туралы маңызды пікірталастар мен үндеулер болған кезде ұлттық-мемлекеттік құрылыстың бірқатар іргелі мәселелеріне назар аударады.

Түйін сөздер: КСРО; РСФСР; ұлттық саясат; БОАК ұлттар бөлімі; ұлттық құрылыс; кеңестік федерализм; автономия; басқару.

D.A. Amanzholova

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Soviet Nation-building: Organizational Practices and Problems of Federalism. 1920s.

Abstract. The article analyses some problems of Soviet nation-building and the formation of the federal system in the 1920s, using a new source on the activities of the Nationalities Department of the All-Russian Central Executive Committee (VTsIK). The activity of the Department of Nationalities of the All-Russian Central Executive Committee (1919-1937) was directly linked to the implementation of nationality policy in the RSFSR, although it occupied a subordinate position in the emerging Soviet system of national-state building. During the formation of the USSR and after the liquidation of the People's Commissariat for Nationalities, it was the Department that accumulated in its practice the integrative organizational, administrative, socio-cultural, and other functions that were associated with the modernizing efforts of the authorities in the multi-ethnic space of the USSR and the RSFSR itself. As part of the executive body of the supreme power of the largest USSR republics, the Department dealt with many operational and planning issues related to the organization of local executive bodies on national issues, helping the representations of autonomies in the capital, preparing normative acts on nation-building issues, and providing direct administrative, financial, economic, social and cultural support to autonomies. The relationship between the center and the autonomies was a major focus, and the tasks of the Nationalities Division required them to act as intermediaries in their cooperation with various agencies in the center and in the regions.

The author focuses on several fundamental issues of nation-state building through the prism of the All-Russian Central Executive Committee Department and its head S.D. Asfendiyarov in 1926-1927, when the

important discussions and appeals of the leaders of several autonomies to the center were held to settle the relations between different subjects of the federation, all-Russian and all-union process of state building.

Key words: USSR; RSFSR; Nationalities Policy; Nationalities Department of the All-Russian Central Executive Committee; Nation Building; Soviet Federalism; autonomies; administration.

References

- 1 CK RKP(b) – VKP(b) i natsionalnuy vopros. Kniga 1. [The Central Committee of the RCP (b) – the CPSU (b) and the national question. Book 1] (ROSSPEN, Moscow, 2005, 702 p.) [in Russian].
- 2 Amanzholova D.A., Krasovitskaya T.Y. Kulturnaya slozhnost sovetskoy Rossii: ideologiya i praktiki upravleniya. [The Cultural Complexity of Soviet Russia: Ideology and Management Practices 1917-1941] (Novuy khronograf, Moscow, 2020, 384 p.) [in Russian].
- 3 Goncharskaya S. Rabota sredi natsionalnukh menshinstv: (Oput Moskovskoi partiynoi organizatsii). Pod red. i s predisl. S. Dimanshteina. [Work among national minorities: (Experience of the Moscow Party Organization). Ed. and with a preface by S. Dimanstein] (Moskovskiy rabochiy, Moscow, 1929, 112 p.) [in Russian].
- 4 Chebotareva V.G. Natsionalnaya politika Rossiyskoy Federatsii 1925-1938 gg. [National Policy of the Russian Federation 1925-1938]. (GU MDN, Moscow, 2008, 832 p.) [in Russian].
- 5 “Kak vesti rukovodstvo, na chto orientirovatsya?” Stenogramma soveshchaniya sekretarey partorganizatsiy v CK VKP(b) po voprosu o “bolshevizatsii natsionalnukh kadrov” 1926 g. [“How to guide, what to focus on?”. Transcript of the meeting of the secretaries of party organizations in the Central Committee of the CPSU (b) on the «Bolshevization of national cadres». 1926], Istoricheskiy arkhiv [Historical Archive], 5, 100-125 (2015) [in Russian].
- 6 Enukidze A.S. Konstitutsii avtonomnukh respublik (v poryadke postanovki voprosa) [The Constitutions of the autonomous Republics (in the order of the question)], Sovetskoe stroitelstvo [Soviet construction], 3-4, 19-35 (1926). [in Russian].
- 7 Etnicheskiy i religioznyy faktoru v formirovanii i evolutsii rossiyskogo gosudarstva [Ethnic and religious factors in the Formation and evolution of the Russian state / Ed. by T.Y. Krasovitskaya, V.A. Tishkov]. (Novuy khronograf, Moscow, 2012, 448 p.) [in Russian].
- 8 Martin T. Imperiya “polozhitelnoy deyatelnosti”. Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923-1939. [The empire of “positive activity”. Nations and nationalism in the Soviet Union, 1923-1939]., 2011, 855 p. [in Russian].
- 9 Nenarokov A.P. K edinstvu ravnykh: kulturnue faktoru obyedinitelnogo dvizheniya sovetskikh narodov, 1917-1924 [Towards the Unity of Equals: Cultural Factors of the Unification Movement of the Soviet Peoples, 1917-1924]. (Nauka, Moscow, 1991, 270 p.) [in Russian].

Сведения об авторе:

Аманжолова Дина Ахметжановна – доктор исторических наук, профессор, ВНС Института российской истории РАН, Москва, Россия.

Amanzholova Dina Akhmetzhanovna – Doctor of History, professor, leading researcher at the Institute of Russian History of RAS, Moscow, Russia.

В.В.Варфоломеев¹
В.К. Мерц², И.В. Мерц^{2,3}

¹Карагандинский государственный университет имени Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан

^{2,3}Торайгыров университет, Павлодар, Казахстан

(E-mail: vicvarfolomeev@mail.ru¹, v_merz@mail.ru², barnaulkz@mail.ru³)

Шокпартас – новый энеолитический памятник Центральной Сарыарки

Аннотация. В работе рассматриваются энеолитические материалы поселения Шокпартас, расположенного в одноименном горном массиве, на правом берегу р. Талды, в Центральной Сарыарке. Основной археологический комплекс памятника относится к позднему бронзовому веку и содержит материалы бегазы-дандыбаевской (саргаринско-алексеевской) культуры, входящей в общность культур валиковой керамики. В 2018 г. на поселении исследована часть жилища земляночного типа. В культурном слое поселения, наряду с саргаринской посудой, были обнаружены каменные орудия на отщепе и несколько фрагментов керамики энеолитического облика. Стратиграфически разделить эти два комплекса невозможно, так как ранний слой полностью разрушен поздними сооружениями.

Каменная индустрия эпохи энеолита представлена 526 предметами, среди которых присутствуют нуклеусы, бифасы, орудия на отщепе и скребки. Они изготовлены из характерных для региона кремнистых пород. Особенностью коллекции является отсутствие мелких наконечников стрел с выемкой в основании, являющихся маркерами энеолитических комплексов степной зоны. Наличие на памятнике остатков заготовок нуклеусов, большого количества битого камня, отходов производства позволяют рассматривать его как стоянку-мастерскую по первичной обработке камня. По типологии некоторых орудий, использовавшемуся сырью и приемам изготовления материалы находят аналогии в энеолитическом слое 1а стоянки Шидерты 3, а также в синхронных памятниках Северного Казахстана и Тургай. С каменной индустрией Шокпартаса связана малочисленная керамика, украшенная «ложным текстилем», способом «протаскивания» и «расчесами». Она имеет аналогии как в регионе, так и в Юго-Западной Кулунде, в Верхнем Прииртышье и в Среднем Зауралье. Однако «ложнотекстильная» керамика в целом не типична для Сарыарки, в основном она преобладает на правом берегу Иртыша, в комплексах типа Борлы 4.

Возраст артефактов определяется на основании данных стратиграфических наблюдений залегания каменных индустрий аналогичного типа на стратифицированной стоянке Шидерты 3 и дополняется радиоуглеродным анализом энеолитических комплексов Казахстана. На основании этого ранние материалы поселения Шокпартас предварительно можно датировать в пределах второй половины IV – рубежа IV–III тыс. до н.э., допустив относительно поздний, в пределах эпохи, возраст. Однозначно определить их культурную принадлежность сложно, что связано с неизученностью энеолита Центрального Казахстана. Поэтому на данном этапе решения проблематики шокпартасские материалы можно рассматривать только в рамках усть-нарымско-шидертинского круга памятников, тяготеющего к Прииртышью.

Ключевые слова: Сарыарка; энеолит; поселения; каменная индустрия; керамика.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2021-134-1-36-48>

Поступила: 01.11.2020/Одобрена к опубликованию: 20.11.2020

Введение. Одним из слабо изученных периодов каменного века Центрального Казахстана является эпоха энеолита. В настоящее время отсутствует целостная картина развития древнего населения региона в этот период, только для северо-восточной Сарыарки выделен усть-нарымско-шидертинский тип памятников [1, с. 99]. На остальной территории известны лишь единичные многослойные памятники, содержащие энеолитические комплексы, которые в подавляющем большинстве не атрибутированы и не введены в научный оборот. Соответственно, остаются открытыми вопросы культурной принадлежности, внутренней периодизации и хронологии энеолитических памятников всего региона. Для коренного изменения ситуации необходимы не только поиск и изучение новых объектов, но и детальный анализ уже имеющихся археологических материалов. В связи с этим особое значение приобретает изучение памятников, содержащих однослойные комплексы. Целью данной работы является анализ материалов эпохи энеолита поселения Шокпартас. К основным задачам относятся характеристика каменной индустрии и керамики, определение культурных параллелей и рассмотрение вопросов хронологии.

Поселение находится на узкой площадке, между ручьём с запада и скалистой сопкой с востока, в межгорной ложбине, в центре горного массива Шокпартас, расположенного на правом берегу р. Талды, в 1,7 км к северо-востоку от аула Байбала Талдинского сельского округа Шетского района Карагандинской области (рис. 1-1; фото 1). Оно было открыто в 2018 году В. В. Варфоломеевым при обследовании бассейна р. Талды, в пределах Талдинского археологического микрорайона. Площадь памятника составляет около 3 тыс. м², здесь выявлены семь жилищных котлованов и одна постройка из камня [2, с. 76, 82–83; 3, с. 51]. В 2018 году раскопом площадью 54 м² была исследована часть жилища земляночного типа (рис. 1-2). Культурный слой, представленный

гумусированным суглинком с высоким содержанием гранитной дресвы мощностью до 0,9 м, залегал на глубине 0,2–1,1 м от дневной поверхности. В нем обнаружены артефакты бегазы-дандыбаевской (саргаринско-алексеевской) культуры, входящей в общность культур валиковой керамики эпохи поздней бронзы, и энеолитические материалы. Стратиграфически разделить эти два комплекса невозможно, так как ранний слой на территории раскопа был полностью разрушен сооружением завершающего этапа бронзового века [4, с. 70].

Методы исследования является сравнительно-типологический анализ. Классификация каменного инвентаря основана на общепринятых в отечественной археологии понятиях, использовавшихся в работах В.Н. Логвина, В.Ф. Зайберта, В.И. Заитова и других исследователей [5, с. 21, 23; 6, с. 210–213; 7, 1991, с. 31–38; 8, 1993, с. 50–51]. В основу работы положен тезис, что при изучении каменных индустрий нет информативно бросового материала. При определении возраста рассматриваемых материалов Шокпартаса учитывались данные стратиграфических наблюдений залегания каменных индустрий аналогичного типа на стоянке Шидерты 3 и радиоуглеродного анализа энеолитических комплексов Казахстана.

Обсуждение. Коллекция каменных орудий поселения Шокпартас представлена отщепно-бифасным комплексом, состоящим из 526 предметов. Для их изготовления использовались различные типичные для Центрального Казахстана кремнистые породы – халцедоны, яшмы, алевролиты, кварциты и другие разновидности кремня. Каменная индустрия представлена следующими категориями инвентаря: *нуклеусы* аморфных типов имеют в основном двусторонне обработанную уплощённую форму. Радиальная система снятия отщепных заготовок демонстрирует деградацию техники расщепления камня или адаптацию к новым условиям, связанным с появлением металла (рис. 2. 3, 5, 7, 9; фото 2. 3–6), поэтому

среди отходов кремневой индустрии имеется большое количество мелких сколов и отщепов без следов использования. На технологию камнеобработки влияло и качество сырья, представленное трещиноватыми образцами из поверхностного залегания, в результате чего редко удавалось получить хороший отщеп. Наиболее крупные образцы отщепов шли на изготовление бифасов и скребел. Часть из них использовалась как режущий инструмент – небольшие отщепы с мелкой рабочей ретушью по краям (рис. 2. 4, 6; фото 4. 2-4).

В данном комплексе также имеются ядрища продолговато-вытянутой формы, напоминающей заготовки торцовых нуклеусов, усеченных с двух сторон (рис. 2. 1-2; фото 2. 1-2). Их назначение не вполне понятно, хотя таким образом, наверное, могли обновлять ударные площадки для дальнейшей утилизации ядрищ. Для уточнения этого вопроса необходимы увеличение выборки подобных изделий и изучение производственных площадок со скоплением отходов на местах расщепления нуклеусов, изготовления бифасов и других орудий. В коллекции есть еще один предмет, который можно отнести к категории нуклеусов. Он выполнен на крупном пластинчатом сколе

из вишневого яшмы, который, видимо, использовался в качестве скобеля, на что указывает боковая ретушь на дорсальной части. Впоследствии его использовали для получения широкого отщепа, нанося удар с правой стороны по вентральной части, где была оформлена ударная площадка (рис. 2. 9).

Бифасы представлены как целыми экземплярами, так и их обломками. Выделяются изделия асимметричной формы. Одно из них, выполненное на яшмовом отщепе вишневого цвета, имеет массивную прямую спинку и выпуклое рельефное лезвие, его концевая часть утрачена в процессе раскопок (рис. 3. 1; фото 3. 1). Второе является целым экземпляром меньших размеров с неровными зубчатыми краями (рис. 3. 5; фото 3. 2). Оно изготовлено из жёлтой яшмы. Из такой же породы выполнен обломок нижней части более крупного орудия (фото 3. 3).

Изделия симметричной формы. Одно из них выполнено на пятнистой яшме – обломок нижней части листовидного бифаса удлинённой формы с более ровными ретушированными краями (рис. 4. 10; фото 3. 5). Второе – обломок верхней части массивного орудия из коричневой яшмы (рис. 3. 7; фото 3. 4). Предварительно эти предметы можно классифицировать как полифункциональные

Рисунок 1

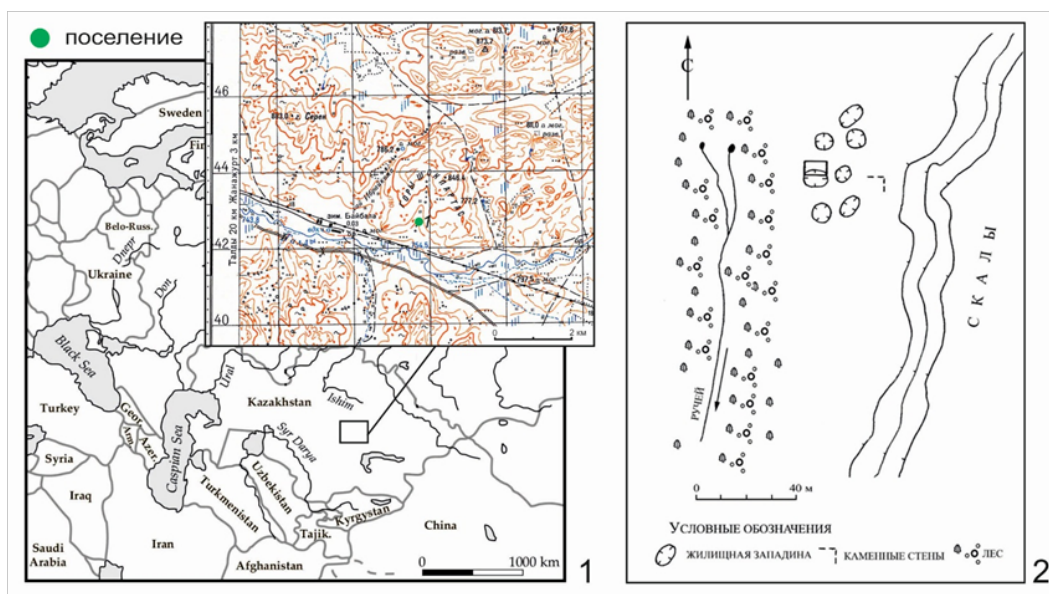
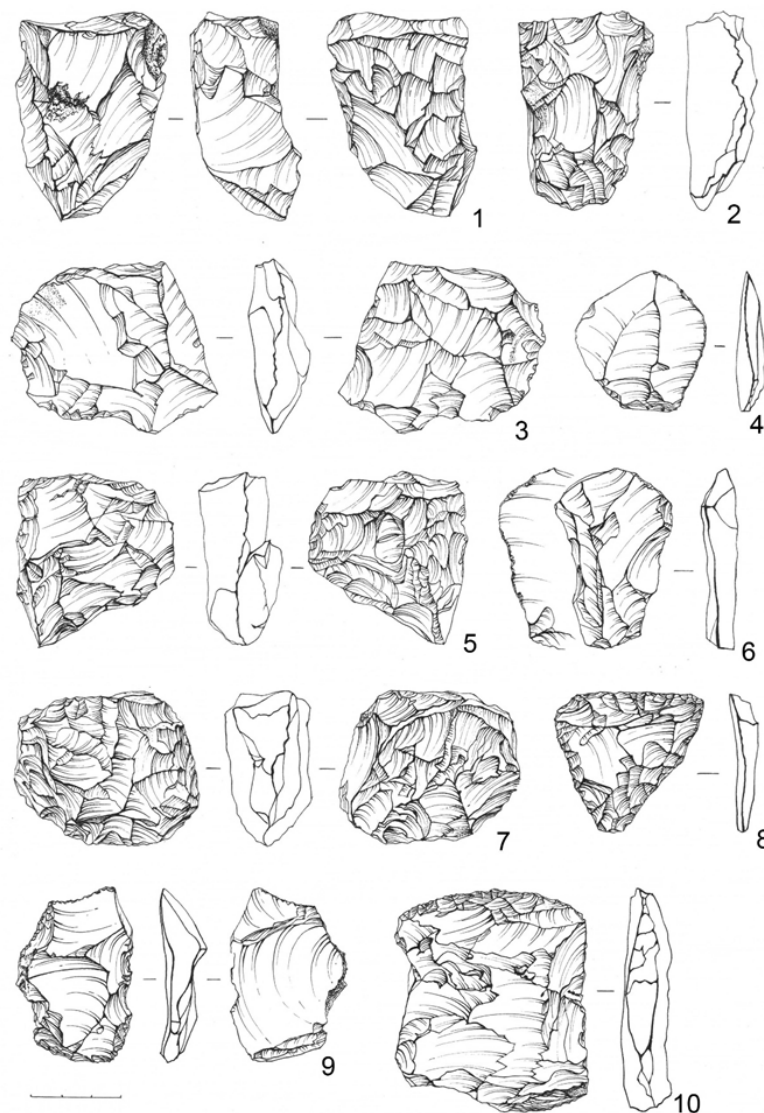

Рисунок 2

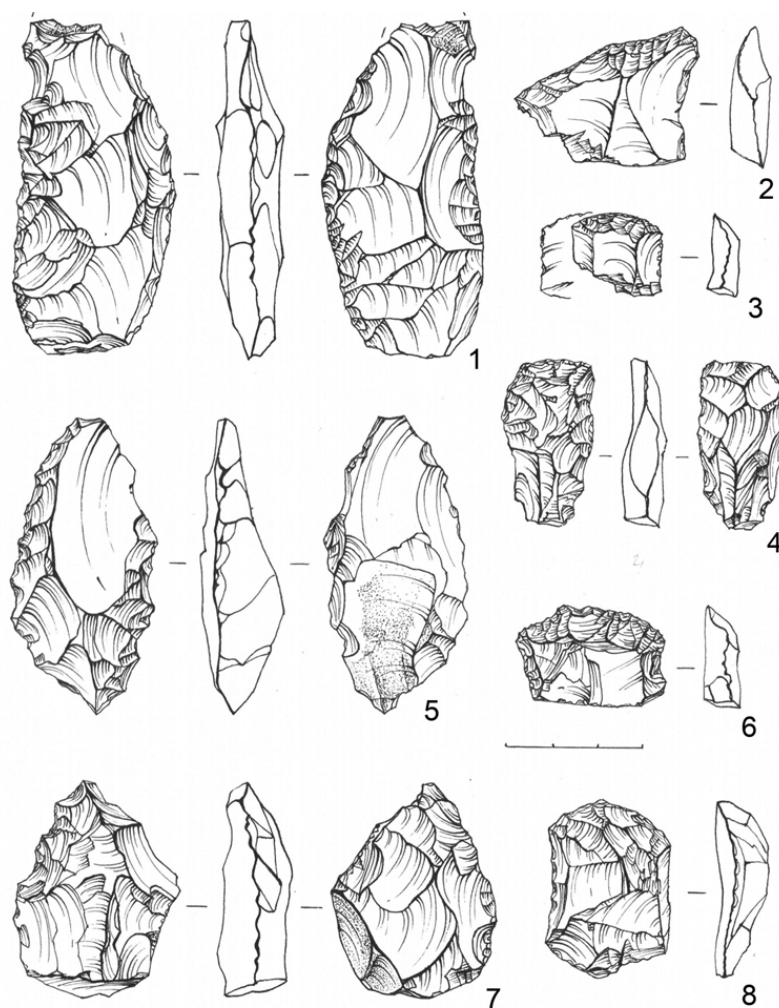

изделия, которые могли использоваться в качестве ножей, скобелей и скребел.

Орудия на отщепах представлены типичными скреблами с широким поперечным (рис. 2. 10; фото 5. 1) и выпуклым, слегка ретушированным, лезвием (фото 5. 2), а также изделиями на правильных отщепах с ровным, тщательно ретушированным рабочим краем – скребло на отщепе подтреугольной формы с тремя ровными конвергентными лезвиями, сходящимися на угловой части (рис. 2. 8; фото 5. 3). Типологически оно относится к угловатым скреблам мустьероидного облика, хорошо представленным в отщепно-

бифасных комплексах стоянок Шидерты 3 [1, с. 88, 94], Экибастуз 17 [9, с. 133] и других энеолитических памятниках Северного Казахстана [10, с. 51; 5, с. 21, 23; 6, с. 210-213; 8, 50-51].

Более многочисленны скребки на правильных и аморфных отщепах и сколах – с поперечным, слегка выпуклым, тщательно ретушированным пологим лезвием (рис. 3. 3; фото 5. 10), с лезвием более высокой формы (рис. 4. 9), со скошенным (рис. 3. 2; 4. 6; фото 5. 4, 5) и овальным лезвием высокой формы (рис. 3. 8; фото 5. 9). Имеется один экземпляр на коротком отщепе с поперечно-выпуклым

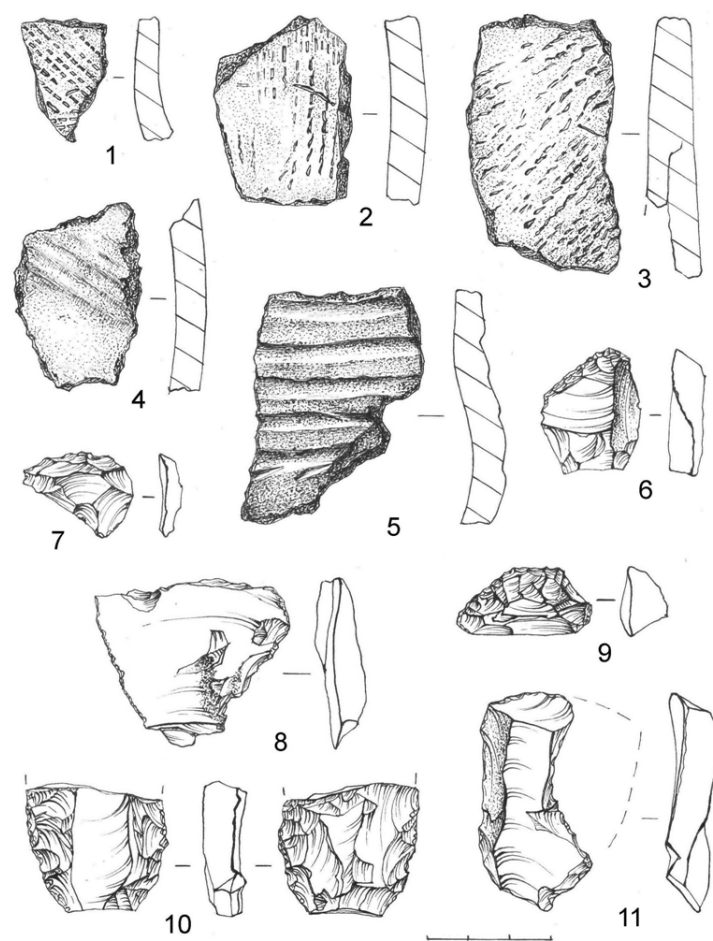

лезвием и выступом с боковыми выемками (рис. 3. 6; фото 5. 11). Еще один концевой скребок имеет двустороннюю обработку и, видимо, сделан из мелкого бифаса (рис. 3. 4; фото 5. 7).

Рассмотренные категории инвентаря являются наиболее типичными в данном комплексе, хотя в целом набор изделий, безусловно, шире. Однако на данном этапе изучения памятника их рассмотрение не несёт информативной нагрузки и может быть учтено лишь при его дальнейшем исследовании. Наличие на памятнике остатков заготовок нуклеусов, большое количество битого камня, отходов производства позволяют рассматривать его как стоянку-мастерскую по первичной обработке камня.

По типологии некоторых орудий, использовавшемуся сырью и приёмам их изготовления рассматриваемые материалы находят аналогии в энеолитических комплексах стоянки Шидерты 3 [1, с. 91; 2008, с. 13], Северного Казахстана [8, 1993] и Тургай [10]. Особенностью каменной индустрии Шокпартаса является отсутствие мелких наконечников стрел с выемкой в основании, являющихся маркерами энеолитических комплексов степной зоны [1, с. 91]. Возможно, это связано с небольшой выборкой материала, однако может являться и показателем более поздней хронологической позиции данных материалов в пределах переходного от энеолита к раннему бронзовому веку времени, когда распространённые ранее формы

Рисунок 4

орудий вышли из употребления, но в целом облик индустрии сохранял ещё прежний вид. В связи с этим нужно отметить некоторое сходство отщепного комплекса Шокпартаса и поселения Гренада (Северное Прибалхашье) [11, с. 235], проявляющееся в отсутствии мелких с выемкой в основании наконечников стрел. Однако относить эти памятники к раннему бронзовому веку не представляется возможным из-за отсутствия характерных для этой эпохи крупных черешковых и подтреугольных, с поперечным основанием наконечников стрел [12, с. 12]. По-видимому, они оба могут относиться к завершающей стадии энеолита региона. Однако это положение требует дополнительной аргументации новыми материалами из ненарушенных участков культурного слоя.

С рассматриваемой каменной индустрией, вероятно, связаны 5 фрагментов керамики. Их можно разделить на три типа. Первый представлен обломками венчика, стенки и придонной части (на ней фиксируется наложение одного слоя на другой) (рис. 4. 1-3; фото 6. 1-3). Видимо, горшок имел круглодонную форму. Внешняя поверхность была украшена «ложнотекстильным» орнаментом, поверх которого в зоне венчика гребенчатым штампом были нанесены ряды вертикальных «зигзагов». Черепки выполнены из запесоченной формовочной массы с органическими добавками. Венчик имеет неровный коричневатый-серый, два других фрагмента – темно-серый цвет обжига.

Второй тип представлен изогнутой в профиле стенкой тулова, декорированной

Фотографии (1-6)

горизонтальными линиями, нанесёнными палочкой способом «протаскивания». Орнаментальные зоны на сосуде были выделены рядами косых линий, выполненных способом «накалывания» гладким штампом. Формовочная масса, по сравнению с керамикой первого типа, имеет более плотную структуру и хороший равномерный обжиг рыже-коричневого цвета, а в изломе – черного (рис. 4. 5; фото 6. 4).

Третий тип представлен стенкой, украшенной «расчесами», выполненными зубчатым инструментом. Черепок имеет плотную структуру, темно-серого цвета, в изломе – черного (рис. 4. 4; фото 6. 5).

Ближайшие аналогии «ложнотекстильной» керамики известны на стоянке Шидерты 3, где она присутствует как небольшой компонент. Распространена она в Юго-Западной Кулунде, на поселениях Борлы 4 и Нурбай 8 составляла

основу керамического комплекса [1, с. 97. рис. 10. 3; 13, с. 161-162].

Керамика второго типа, украшенная горизонтальными линиями, в Сарыарке встречается в энеолитическом слое Шидертов 3 [1, с. 96]. На правобережье Иртыша она присутствует на поселениях Усть-Нарым, Борлы и Борлы 4 [14, с. 269, 271; 15, рис. 19. 10]. Известна она и в комплексах раннего энеолита Торгая и боборыкинской культуры в Среднем Зауралье [16, с. 99-100; 17, с. 145; 14, с. 268-271].

Результаты. Рассматриваемые материалы поселения Шокпартас представляют первый в Центральном Казахстане стратиграфически закрытый отщепно-бифасный комплекс, отражающий очень узкий срез материальной культуры эпохи энеолита и не связанный с разновременными наслоениями каменного века. На данный момент остаётся открытым вопрос его точной датировки.

Предварительно решить эту проблему возможно только благодаря результатам исследований многослойной стоянки Шидерты 3, с энеолитическим материалом которой схож комплекс Шокпартаса. Согласно стратиграфическим наблюдениям и радиоуглеродным датам, они приурочены к средней части гумусированного суглинка, размещенного между погребенными почвами «А» и «Б». Формирование почвы «Б» приходится на первую половину IV тыс. до н.э. и может быть связано с началом климатического оптимума голоцена и интервалом увлажнения, имевшим место в степной зоне 6,5-5,2 тыс. л.н. [18, с. 21]. Данная почва фиксирует завершающий этап развития неолитических индустрий региона. Формирование почвы «А» связано с похолоданием и увеличением влажности в конце суббореала, приходящемся на вторую четверть III тыс. до н.э. Это явление маркирует время завершения эпохи энеолита и начало эпохи ранней бронзы в регионе. На этом основании период энеолита на северо-востоке Сарыарки определялся второй половиной IV – первой половиной III тыс. до н.э. [1, с. 75, 78; 19, с. 17-18]. Полученные недавно серии AMS¹

1 AMS (Accelerator Mass Spectrometry) – ускорительная масс-спектрометрия.

дат из энеолитических комплексов поселений Борлы 4 в юго-западной Кулунде и Ботая в лесостепном Приишимье удревняют эпоху энеолита до второй половины IV – рубежа IV-III тыс. до н.э. [20, с. 132]. Следовательно, в пределах данного хронологического интервала датируются и материалы Шокпартаса. Отсутствие среди них каменных наконечников стрел с выемкой в основании, может говорить об их относительно позднем, в рамках эпохи, возрасте.

Затруднительно определение культурной принадлежности рассматриваемого комплекса Шокпартаса, что связано со слабой изученностью энеолита Сарыарки. В настоящее время только для ее северо-восточной части выделен усть-нарымско-шидертинский культурный тип, при этом западная граница его распространения остается неизвестной [1, с. 99; 19, с. 21]. Близкие материалы, которые имеют «... некоторые аналогии...» с усть-нарымскими, присутствуют на многослойной стоянке Зеленая Балка 4 [21, с. 217]. В Центральной Сарыарке энеолитические комплексы известны также на стоянках Караганда 15 [22, с. 159-160], Токтаул [23, с. 9, 17, 32-33], Дамалактас, в Северном Прибалхашье на Гренаде [24, с. 8-9, 17], а также на многих неолитических памятниках, представленных в основном родниковыми стоянками. Тем не менее имеющихся материалов пока не достаточно для выделения здесь самостоятельного культурного типа.

Ситуацию значительно усложняют и инокультурные влияния, проявившиеся на стоянке Шидерты 3 в наличии вкладышей прибайкальского типа, что указывает на культурные связи с населением, проживавшим к востоку от Иртыша [1, с. 21]. Поэтому на данном этапе изучения энеолита Центрального Казахстана шокпартасские материалы можно рассматривать только в рамках усть-нарымско-шидертинского круга памятников, тяготеющего к Прииртышью. Возможно, в будущем на новых материалах удастся уточнить или даже пересмотреть данное положение и для региона будет

выделен отдельный тип памятников, а также скорректирована датировка раннего энеолита.

Заключение. Таким образом, рассмотренные в данной работе материалы поселения Шокпартас, представленные отщепно-бифасной индустрией и керамикой, декорированной «ложным текстилем», способом «протаскивания» и «расчесами» относятся к эпохе энеолита. Предварительно его можно датировать в пределах второй половины IV – рубежа IV-III тыс. до н.э., допустив относительно поздний, в пределах эпохи, возраст, и рассматривать в рамках усть-нарымско-шидертинского круга памятников. Поскольку памятник содержит только комплексы энеолита и позднего бронзового века, его дальнейшее исследование имеет

большое значение для изучения энеолита всего Центрального Казахстана, одного из неизученных, но перспективных направлений в археологии Казахстана, которое ждёт своего исследователя.

Дальнейшее изучение Шокпартаса должно быть направлено на выявление сохранившихся участков энеолитического культурного слоя, отдельных структур и их стратиграфического соотношения объектами позднего бронзового века. Для изменения современного состояния проблематики энеолита в Центральном Казахстане необходим поиск более крупных поселений с доминирующим энеолитическим культурным слоем, содержащим все элементы материальной культуры этого периода, такие как Ботай, Борлы, Кожай и другие.

Список литературы

- 1 Мерц В.К. Погребение каменного века и энеолитический комплекс стоянки Шидерты 3 // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. - Павлодар, 2002. - С. 75-102.
- 2 Варфоломеев В. В. Поселения Талдинского археологического микрорайона. Предварительные результаты исследований // Маргулановские чтения-2019: Материалы Международной археологической научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К. А. Акишева. - Нур-Султан, 2019. - С. 74-87.
- 3 Оразбаев Н.К. Шокпартас – поселение бегазы-дандыбаевской культуры // LI Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция (УПАСК, 5-8 февраля 2019 года): материалы всероссийской (с международным участием) конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. - Курган, 2019. - С. 51-52.
- 4 Варфоломеев В.В., Мерц В.К., Мерц И.В. Энеолитический комплекс поселения Шокпартас // Материалы международной научно-практической конференции «Ботайская культура и другие энеолитические памятники Центральной Азии». - Алматы, 2019. - С. 69-71.
- 5 Заитов В.И. Характеристика каменных орудий поселения Ботай (предварительный анализ) // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. - Челябинск, 1985. - С. 17-33.
- 6 Заитов В.И. Каменная индустрия заключительных этапов каменного века Северного Казахстана / В. Заитов. - Петропавловск: ООО РИФЕЙ, 2007. - 256 с.
- 7 Логвин В.Н. Каменный век Казахстанского Притоболья (мезолит – энеолит) / В.Н. Логвин. - Алма-Ата: Каз. гос. пед. университет, 1991. - 64 с.
- 8 Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья / В.Ф. Зайберт. -Петропавловск: Наука, 1993. -246 с.
- 9 Мерц В.К. Охранные раскопки стоянки Экибастуз 17 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. - Барнаул, 2005. - С. 131-138.
- 10 Калиева С.С., Логвин В.Н. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры / С.С. Калиева, В.Н. Логвин. - Костанай: АО Кустанайский печатный двор, 1997. - 180 с.
- 11 Чиндин А.Ю. Археологические исследования на территории Карагандинской и Джезказганской областей // Маргулановские чтения 1989 года. - Алма-Ата, 1989. - С. 234-236.
- 12 Мерц И.В. Культура населения Восточного Казахстана в эпоху ранней бронзы: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.06 / Алт. гос. ун-т. - Барнаул, 2017. - 26 с.

- 13 Мерц И.В., Мерц В.К. Энеолитический комплекс поселения Борлы 4 // Человек и Север: антропология, археология, экология. - Тюмень, 2018. - С. 160-164.
- 14 Мерц В.К. О керамике боборыкинского типа из неолит-энеолитических комплексов Северного Казахстана // Древний Тургай и Великая степь: часть и целое. Сборник научных статей, посвященный 70-летию юбилею В.Н. Логвина. - Костанай-Алматы, 2015. - С. 267-263.
- 15 Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы / С.С. Черников. - Москва: АН СССР, 1960. - 272 с.
- 16 Логвин В.Н. Ранний энеолит Тургай // Археология, этнография и антропология Евразии. - 2003. - № 1 (13). - С. 98-105
- 17 Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья: боборыкинская культура / В.Т. Ковалева, С.Ю. Зырянова. - Екатеринбург: Учебная книга, 2010. - 308 с.
- 18 Иванов И. Изменение климатических условий степной зоны в голоцене (по данным палеопочвенных исследований) // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы. - Оренбург, 1986. - С. 20-22.
- 19 Мерц В.К. Периодизация и хронология голоценовых комплексов Северного и Центрального Казахстана по материалам многослойной стоянки Шидерты 3: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.06. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2008. - 26 с.
- 20 Мерц И.В., Святко С.В. Радиоуглеродная хронология памятников раннего бронзового века Северо-Восточного и Восточного Казахстана. Первый опыт // Теория и практика археологических исследований. - 2016. - № 1. - С. 126-150.
- 21 Клапчук М.Н. Археологические находки в Карагандинской области в 1962 году // Советская археология. - 1965. - № 3. - С. 212-217.
- 22 Клапчук М.Н. Стоянка Караганда 15 // Советская археология. - 1970. - № 4. - С. 153-160.
- 23 Артюхова О. А., Курманкулов Ж., Ермолаева А. С., Ержанова А.Е. Комплекс памятников в урочище Талдысай / О. А. Артюхова, Ж. Курманкулов, А.С. Ермолаева. - Алматы: Хикари, 2013. - 400 с.
- 24 Чиндин А.Ю. Каменные индустрии Племен Центрального Казахстана эпохи мезолита – энеолита (на основе типологии, трасологии, эксперимента) автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.06. - Санкт-Петербург: ИИМК, 1992. - 21 с.

¹В.В. Варфоломеев, ²В.К. Мерц, ³И.В. Мерц

¹Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті, Қарағанды, Қазақстан

^{2,3} С. Торайғыров университеті, Павлодар, Қазақстан

Шоқпартас - Орталық Сарыарқаның жаңа энеолит ескерткіші

Аңдатпа. Жұмыста Талды өзенінің оң жағалауындағы, орталық Сарыарқадағы аттас тау сілемінде орналасқан Шоқпартас қонысының энеолиттік материалдары қарастырылады. Ескерткіштің негізгі археологиялық кешені кейінгі қола дәуіріне жатады және валик керамикасы мәдениеттерінің ортақтығына кіретін Беғазы-Дәндібай (сарғарин-алексеев) мәдениетінің материалдарынан тұрады. 2018 жылы елді мекенде жер типіндегі тұрғын үйдің бір бөлігі зерттелді. Қоныстың мәдени қабатында сарғара ыдысымен бірге үйінділердегі тас құралдар мен энеолит дәуіріндегі керамиканың бірнеше фрагменттері табылды. Бұл екі кешенді стратиграфиялық тұрғыдан бөлу мүмкін емес, өйткені ерте қабат кеш құрылымдармен толығымен жойылады.

Энеолит дәуіріндегі тас өнеркәсібі 526 заттан тұрады, олардың арасында нуклеус, бифас, қылшықтар мен қырғыштар бар. Олар аймаққа тән кремнийлі жыныстардан жасалған. Жинақтың ерекшелігі-дала аймағының энеолиттік кешендерінің маркерлері болып табылатын негізде ойығы бар ұсақ жебелердің болмауы. Ескерткіште нуклеус бланкілері қалдықтарының, сынған тастардың көп мөлшерінің, өндіріс қалдықтарының болуы оны тұрақ-тасты алғашқы өңдеу шеберханасы ретінде қарастыруға мүмкіндік береді. Шикізат пен дайындау тәсілдері пайдаланылған кейбір құралдардың типологиясы бойынша материалдар Шідерті 3 тұрағының 1А энеолиттік қабатында, сондай-ақ, Солтүстік Қазақстан мен Торғайдың синхронды ескерткіштерінде ұқсастықтарын табады. Шоқпартастың тас өнеркәсібімен «жалған тоқымамен», «сүйреу» тәсілімен және «тарақтармен» безендірілген шағын керамика байланысты. Оның өңірде,

сондай-ақ, оңтүстік-батыс Құлынды, Жоғарғы Ертіс өңірі мен Орта Оралда ұқсастықтары бар. Алайда, «жалған мәтінді» керамика Сарыарқаға тән емес, негізінен, ол Ертістің оң жағалауында, Борлы 4 типті кешендерде басым.

Артефактілердің жасы Шідерті 3 стратификацияланған тұрағында ұқсас үлгідегі тас индустриясының жатуын стратиграфиялық бақылау деректері негізінде айқындалады және Қазақстанның энеолиттік кешендерінің радиокөміртекті талдауымен толықтырылады. Осыған сүйене отырып, Шокпартас қонысының алғашқы материалдарын б.з. д. IV–III мыңжылдықтың екінші жартысы шегінде, салыстырмалы түрде кеш, дәуір шегінде, жасына жол бере отырып, даталауға болады. Олардың мәдени қатыстылығын бір мәнді анықтау қиын, бұл Орталық Қазақстан энеолитінің зерттелмегендігімен байланысты, сондықтан қазіргі кезеңде проблематиканы, Шокпартас материалдарын Ертіс өңіріне қарай тартылатын ескерткіштердің Өскемен-Шідерті шеңбері аясында ғана қарастыруға болады.

Түйін сөздер: Сарыарқа; энеолит; қоныстар; тас өнеркәсібі; керамика.

¹V.V. Varfolomeev, ²V.K. Merts, ³I.V. Merts

¹E.A. buketov University of Karaganda, Karaganda, Kazakhstan

^{2,3} Toraighyrov University, Pavlodar, Kazakhstan

Shokpartas: a New Eneolithic Site in Central Saryarka

Abstract. The paper deals with Eneolithic materials of the settlement Shokpartas, which is located on the right side of the mountain range with the same name as the Taldu River in the Central Saryarka. The main archaeological complex of the monument belongs to the late bronze age and contains materials of the Begazy-Dandybai (Sargarin-Alexeyev) culture, which is part of the common culture of roller ceramics. In 2018, part of an earthen type dwelling was investigated in the settlement. In the cultural layer of the settlement, together with Sargary utensils, were found flaked stone tools and several fragments of pottery with Neolithic appearance. Stratigraphically, it is impossible to separate these two complexes since the early layer is destroyed by later structures.

The stone industry of the Eneolithic period is represented by 526 items, among which there are nuclei, bifaces, flakes, and scrapers. They are made of typical local siliceous rocks. A special feature of the collection is the absence of small arrowheads with a notch in the base, which are markers of Eneolithic complexes of the steppe zone. The presence on the monument of remnants of blanks of nuclei, a large amount of broken stone, production waste, allow us to consider it as a storage- workshop for the primary processing of stone. According to the typology of some tools, the raw materials and manufacturing techniques, the materials are found analogical to in the Eneolithic layer 1a of the Shiderty 3 site, as well as in the synchronous monuments of Northern Kazakhstan and Turgai. The stone industry of Shokpartas is associated with a small number of ceramics decorated with «false textiles» with the method of “pulling through «and «combing». This kind of ceramics have similarities with those found in locals, in the South-Western Kulunda, the Upper Irtysh region and in the Middle Trans-Urals. However, «false-textile» ceramics in General are not typical in Saryarka while mainly prevails on the right Bank of the Irtysh in complexes of the Borly 4 type.

The age of the artifacts is determined based on stratigraphic observations of the occurrence of stone industries of a similar type at the stratified site of Shiderty 3 and is supplemented by radiocarbon analysis of Eneolithic complexes in Kazakhstan. Based on this, the early materials of the Shokpartas settlement can be tentatively dated within the second half of the IV-turn of the IV-III Millennium BC, assuming a relatively late age within the epoch. It is difficult to clearly determine their cultural affiliation, which is due to the lack of knowledge of the Eneolithic of Central Kazakhstan, so at this stage of problem, Shokportas materials can only be considered within the Ust-Narym-Shiderty circle of monuments, which tends to the Irtysh Region.

Key words: Saryarka; Eneolithic; settlements; stone industry; ceramics.

References

- 1 Merts V.K. Pogrebenie kamennogo veka i eneoliticheskii kompleks stoianki Shiderty 3 [Stone age burial and Eneolithic complex of the Shiderty 3 site] // *Izuchenie pamiatnikov arkheologii Pavlodarskogo Priirtysh'ia* [Study of archaeological monuments in the Pavlodar Pre-Irtysh region], Pavlodar, 2002. P. 75-102. [in Russian].

- 2 Varfolomeev V.V. Poseleniia Taldinskogo arkheologicheskogo mikroraiona. Predvaritel'nye rezul'taty issledovaniia [Settlements of the Taldinsky archaeological district. Preliminary research results] Margulanovskie chteniia-2019: Materialy Mezhdunarodnoi arkheologicheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 95-letiiu so dnia rozhdeniia vydaiushchegosia kazakhstanskogo arkheologa K.A. Akisheva [Materials of the International Archaeological Scientific Conference dedicated to the 95th anniversary of the outstanding Kazakhstani archaeologist K.A. Akishev], Nur-Sultan, 2019. P. 74-87. [in Russian].
- 3 Orazbaev N.K. Shokpartas – poselenie begazy-dandybaevskoi kul'tury [Socartes – settlement of the Begazy-dandybay culture] LI Uralo-Povolzhskaiia arkheologicheskaiia studencheskaia konferentsiia (UPASK, 5-8 fevralia 2019 goda): materialy vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh [Proceedings of the All-Russian (with international participation) Conference of Students, Postgraduate Students and Young Scientists], Kurgan, 2019. P. 51-52. [in Russian].
- 4 Varfolomeev V.V., Merts V.K., Merts I.V. Eneoliticheskii kompleks poseleniia Shokpartas [Eneolithic complex settlement Socartes] Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Botaiskaia kul'tura i drugie eneoliticheskie pamiatniki Tsentral'noi Azii» [Proceedings of the International Scientific Conference "Botai Culture and Other Eneolithic Monuments of Central Asia"], Almaty, 2019. P. 69-71. [in Russian].
- 5 Zaitov V.I. Kharakteristika kamennykh orudii poseleniia Botai (predvaritel'nyi analiz) [Characteristics of stone tools of Botai settlement] Eneolit i bronzovyi vek Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ia [Eneolithic and Bronze Age in the Ural-Irtysh interfluvies], Cheliabinsk, 1985. P. 17-33. [in Russian].
- 6 Zaitov V.I. Kamennaia industriia zakliuchitel'nykh etapov kamennogo veka Severnogo Kazakhstana [Stone industry of the final stages of the stone age of Northern Kazakhstan] (OOO RIFEI, Petropavlovsk, 2007, 256 p.) [in Russian].
- 7 Logvin V.N. Kamennyi vek Kazakhstanskogo Pritobol'ia (mezolit – eneolit). [Stone Age of Kazakhstan's Pre-Tobol'ie region. Mesolithic-Eneolithic] (Kaz. gos. ped. universitet, Alma-Ata, 1991. 64 p.) [in Russian].
- 8 Zaibert V.F. Eneolit Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ia [The Eneolithic of the Ural-Irtysh interfluvie] (Nauka, Petropavlovsk, 1993, 246 p.) [in Russian].
- 9 Merts V.K. Okhrannye raskopki stoianki Ekibastuz 17 [Security excavations of the Ekibastuz 17 site] Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo nasledii Altaia. [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai], Barnaul, 2005. P. 131-138. [in Russian].
- 10 Kalieva S.S., Logvin V.N. Skotovody Turgaia v tret'em tysiacheletii do nashei ery [Pastoralists of Turgai in the third Millennium BC] (AO Kustanaiskii pechatnyi dvor, Kustanai, 1997, 180 p.) [in Russian].
- 11 Chindin A.Iu. Arkheologicheskie issledovaniia na territorii Karagandinskoi i Dzhezkazganskoi oblasti [Archaeological research on the territory of Karaganda and Dzhezkazgan regions] Margulanovskie chteniia 1989 goda [Margulan readings from 1989], Alma-Ata, 1989. P. 234-236. [in Russian].
- 12 Merts I.V. Kul'tura naseleniia Vostochnogo Kazakhstana v epokhu rannei bronzy [Culture of the population of East Kazakhstan in the early bronze age]: avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.06 [D. in History: 07.00.06. ...PhD in History: 07.00.06] (Barnaul, Alt. gos. un-t, 2017, 26 p.) [in Russian].
- 13 Merts I.V., Merts V.K. Eneoliticheskii kompleks poseleniia Borly 4 [Eneolithic complex of Borly settlement 4] Chelovek i Sever: Antropologiya, arkheologiya, ekologiya. [Man and the North: Anthropology, archaeology, ecology], Tiumen', 2018. P. 160-164. [in Russian].
- 14 Merts V.K. O keramike bobyrynskogo tipa iz neolit-eneoliticheskikh kompleksov Severnogo Kazakhstana [About Boborykin-type ceramics from Neolithic-Eneolithic complexes of Northern Kazakhstan] Drevnii Turgai i Velikaia step': chast' i tseloe. Sbornik nauchnykh statei, posviashchennyi 70-letnemu iubil'iu V.N. Logvina [Ancient Turgai and the Great Steppe: part and whole. Collection of scientific articles dedicated to the 70th anniversary of V.N. Logvin], Kostanai-Almaty, 2015. P. 267-263.
- 15 Chernikov S.S. Vostochnyi Kazakhstan v epokhu bronzy [East Kazakhstan in the bronze age] (AN SSSR, Moscow, 1960. 272 p.) [in Russian].
- 16 Logvin V.N. Rannii eneolit Turgaia [Early Eneolithic of Turgai] Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii [Archaeology, ethnography, and anthropology of Eurasia], 1, 98-105(2003) [in Russian].
- 17 Kovaleva V.T., Zyrianova S.Iu. Neolit Srednego Zaural'ia: Boborykinskaia kul'tura [Neolithic of the Middle TRANS-Urals: Boborykin culture] (Uchebnaia kniga, Ekaterinburg, 2010, 308 p.) [in Russian].
- 18 Ivanov I. Izmenenie klimaticheskikh uslovii stepnoi zony v golotsene (po dannym paleopochvennykh issledovaniia) [Changes in the climatic conditions of the steppe zone in the Holocene] Problemy epokhi neolita

stepnoi i lesostepnoi zony Vostochnoi Evropy [Problems of the Neolithic period in the steppe and forest-steppe zones of Eastern Europe], Orenburg, 1986. P. 20-22.

19 Merts V.K. Periodizatsiia i khronologiiia golotsenovykh kompleksov Severnogo i Tsentral'nogo Kazakhstana po materialam mnogoslonoinei stoiianki Shiderty 3 [Periodization and chronology of Holocene complexes of Northern and Central Kazakhstan based on the materials of the Shiderty multilayer site 3]: avtoreferat dis. kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.06 [D. in History: 07.00.06. ...Ph.D. in History: 07.00.06], (Kem. gos. un-t. Kemerovo, 2008. 26 p.) [in Russian].

20 Merts I.V., Sviatko S.V. Radiouglerodnaia khronologiiia pamiatnikov rannego bronzovogo veka Severo-Vostochnogo i Vostochnogo Kazakhstana. Pervyi opyt [Radiocarbon chronology of early bronze age monuments in North-Eastern and Eastern Kazakhstan] Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovani [The theory and practice of archaeological research], 1 (13), 126-150(2016). [in Russian].

21 Klapchuk M.N. Arkheologicheskie nakhodki v karagandinskoi oblasti v 1962 godu [Archaeological finds in the Karaganda region in 1962] Sovetskaia arkheologiiia [Soviet archaeology], 3, 212-217(1965) [in Russian].

22 Klapchuk M.N. Stoiianka Karaganda 15 [Parking Karaganda 15] Sovetskaia arkheologiiia [Soviet archaeology], 4, 153-160 (1970). [in Russian].

23 Artiukhova O.A., Kurmankulov Zh., Ermolaeva A.S., Erzhanova A.E. Kompleks pamiatnikov v urochishche Taldysai [The complex of monuments in the tract taldysay] (Khikari, Almaty, 2013. 400 p.) [in Russian].

24 Chindin A.Iu. Kamennye industrii Plemen Tsentral'nogo Kazakhstana epokhi mezolita – eneolita [Stone industries of the tribes of Central Kazakhstan of the Mesolithic – Eneolithic era] (na osnove tipologii, trasologii, eksperimenta) avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.06. [(based on typology, trasology, experiment) avtoreferat ds. ... Candidate of Historical Sciences], (IIMK, Saint-Petersburg, 1992, 21 p.) [in Russian].

Сведения об авторах:

Варфоломеев Виктор Васильевич – автор для корреспонденции, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнологии и отечественной истории Карагандинского университета имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан.

Мерц Виктор Карлович – кандидат исторических наук, директор Объединенного археологического научно-исследовательского центра им. А.Х. Маргулана, доцент кафедры истории Торайгыров университета, Павлодар, Казахстан.

Мерц Илья Викторович – кандидат исторических наук, научный сотрудник объединенного археологического научно-исследовательского центра им. А.Х. Маргулана, Торайгыров университет, Павлодар, Казахстан.

Bartholomeev Victor Vasilievich – Corresponding author, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Archeology, Ethnology and Russian History, Academician E.A. Buketov Karaganda University, Karaganda, Kazakhstan

Merts Victor Karlovich – Candidate of Historical Sciences, Director of A.Kh. Margulan Joint Archaeological Research Center, Associate Professor of History at Toraighyrov university, Pavlodar, Kazakhstan

Merts Ilya Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Researcher at A.Kh. Margulan Joint Archaeological Research Center, Toraighyrov university, Pavlodar, Kazakhstan

Kazakh nomads: the road to socialism

Abstract. *The article deals with the history of socio-economic modernization of Kazakhstan in the 1920s-1930s. Based on the methodology of interdisciplinary approach the author has revealed the micro-sketches of the process of forced collectivization and its consequences. The relevance of the proposed study is the need to develop, a platform generally accepted historical concept of the Sovietization of the Kazakh aul, the definition of its regional specificity to understand the causes of such disastrous consequences. The spearhead of the permanent violence in the Kazakh steppe was directed to the eradication of the kin networks of the Kazakh aul and the formation of the Soviet identity of the Kazakh aul.*

The path to socialism destroyed the structural elements of the social life and traditional culture of the Kazakhs. Adaptation processes of Kazakh people conditioned new rules of Soviet social life, combined with applied survival strategies and practices of conformist behaviour. The content of the article is based on the analysis of adaptation practices of Kazakh nomads on documents and materials from archival fonds. The author shows daily, individual strategies of adaptation and survival of the population, in conditions of implementation of the program of social and economic modernization of the Kazakh aul.

The result of author's research is the analysis of two behavioural levels: fleeing - migrating and adaptation, that became a consequence of economic coercion and destruction of the social layer of «the former». Kazakh auls transferred the network of tribal communications and the system of traditional values to the collective farm, forming unique «Kazakh-style collective farms». Election campaigns to the grass-roots apparatus of the Soviet power became the place of clan battles. The power actively used intra- and inter-clan conflicts for realization of strategic tasks of socialist construction. However, the status ranking of clan structures provoked unethical forms of behaviour such as denunciation, incitement, and the use of compromising materials. The documents have preserved many micro-histories which focus on the fates of individuals and the tragedy of family breakdown because of confiscation, eviction, and divorce. These fragments of oral history reveal the reasons behind the Kazakh aul's nomadic move.

To summarize, the author noted that on the one hand clan traditionality was trying to solidify itself under Sovietism, while on the other hand it was trying to escape from direct conflict by fleeing. However, all the adaptive behavioural levels taken together could not save the nomads from starvation. The «imagined community» of the Kazakhs was destroyed not so much by generic contradictions as by the political will of the Soviet state, for the sake of forming a new Soviet identity, a new Soviet society. On the way to socialism the historical memory was transformed, and the ancestral memory of the Kazakh people was destroyed.

Key words: *collectivization; adaptation; nomadism; famine; sovietism; nomads; microhistory.*

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2021-134-1-49-62>

Поступила: 11.01.2021/Одобрена к опубликованию: 05.02.2021

Introduction. The historical policy of the state structures the images of the past, focusing on certain events and landmarks. In the context of K. Tokayev's article «Independence is above all», the problematic issues of socio-economic modernization of Kazakhstan have once again come to the fore. The actualisation of the President's article is considered in connection with the need to develop a generally accepted historical position and an assessment of Soviet modernisation and its consequences for Kazakhstan. The interdisciplinary research approach in the study of the history of Kazakhstan of the Soviet period, expands the coordinates of historical knowledge, allowing us to see the specifics of certain events.

At the current stage there is an understanding that the destruction of the traditional social structure of the Kazakh people, has led to a catastrophic decline in the standard of living of the population. The slogan of «aggravation of the class struggle» became the main driver of the process of socialist construction in Kazakhstan. As a result, the way to socialism destroyed the commonness of everyday life of the Kazakh aul, conditioning the development of behavioural mimicry of the Kazakh population. Considering that the habitual format of socio-kin communications and hierarchical relations was destroyed by the process of sovietization, the everyday life determined new variants of adaptive behavior of Kazakh nomads. Kazakh traditional society, having assimilated the rules of Soviet existence, developed unique techniques for self-preservation. The Kazakhs have formed the individual strategy of survival, choosing tactics of open and hidden confrontation, behavioral reactions of short and long time of action. The activation of mimicry occurs when the population loses social support and does not see prospects for its future, which is the beginning of the destruction of the ethnos.

At the current moment there is an understanding that the destruction of the traditional social structure of Kazakh people, has led to a catastrophic decline in the standard of living of the population. The slogan of «aggravation of the class struggle» became the

main driver of the process of socialist construction in Kazakhstan. As a result, the way to socialism destroyed the commonness of everyday life of Kazakh aul, determining the development of behavioral mimicry of Kazakh population. Considering that the habitual format of socio-kin communications and hierarchical relations was destroyed by the process of socialization, the everyday life determined new variants of adaptive behavior of Kazakh nomads. Kazakh traditional society, having assimilated the rules of Soviet existence, developed unique techniques for self-preservation. The Kazakhs have formed the individual strategy of survival, choosing tactics of open and hidden confrontation, behavioral reactions of short and long time of action. The activation of mimicry occurs when the population loses social support and does not see prospects for its future, which is the beginning of the destruction of the ethnos.

An interdisciplinary system analysis of the adaptation practices of the Kazakh nomads conducted by the author demonstrates an attempt at socialization and adaptation to the rules of socialist existence. The development of survival strategies has been determined by the politics of violence, causing individual behavioral reactions, regardless of the attitude to power. The conformism of individuals built their own personal space in the conditions of a totalitarian regime and the implementation of repressive practices. The uniqueness of Kazakh conformism is a pronounced tribalism as a *modus operandi* of political adaptation. Its vivid element was «Kazakh-style collective farms», with colorfully expressed generic ties and contradictions, which were reflected in the party documents. The process of sovietization, the permanent violence of Kazakh steppe solved the main task - eradication of tribal bonds of Kazakh aul, formation of the Soviet identity of the Kazakh aul.

Materials and methods. The source includes materials from the archive of the President of the Republic of Kazakhstan (AP RK), where the information was extracted from the funds of the Kazakh Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) (F. 141).

Some additional materials were found in the regional archives: The State Archive of East Kazakhstan Oblast (GAVKO), the Centre for Historical Documents of Contemporary History (CIDNI) and the State Archive of Aktobe Oblast (Fy. 63). The extracted documents demonstrate the confrontation between the authorities and the people, show the administrative resource of violence and the daily reaction of the population.

The author involved archival materials of the East Kazakhstan Region Police Department. There have been archived cases of convicts in the period of collectivization and implementation of kulak operation according to order No. 00447. A part of the sources used by the author are introduced into the scientific turnover for the first time.

In the context of interdisciplinary methods of analysis of social confrontation, the author applied the following sociological concepts: rivalry, adaptation, evasion, compromise, cooperation. Reliance on the theoretical concepts of modern historical science allowed to comprehend documentary artefacts, i.e. archival materials, historical sources in the focus of interaction with the socio-cultural structures that influenced their content.

Discussion. Debates on the most problematic issues of Kazakhstan's socio-economic modernization have been highlighted in the works of both domestic and foreign historians. Especially active debates have been held on issues of starvation, nomadism, demographic losses, and personal responsibility. The issues of force activities in the period of socio-economic modernization have been assessed and analyzed on a large scale in the works of well-known foreign authors. The authors' apodictic judgments demonstrate the relationship of economic violence, with the rural population's resistance to the state.

The issues of power activities of the period of socio-economic modernization have been assessed and analyzed on a large scale in the works of internationally known authors. The authors' apodictic judgement demonstrates the conditionality of the connection of economic violence, with the confrontation of the rural

population with the state. The village found itself under the pressure of arbitrary seizure, confiscation of property and forced collective farming.

The widespread practice of state violence, identified as a product of the Stalin era [1], was sounded in propaganda rhetoric as a successful socialist attack. Bolshevism shaped a new identity without roots, lineage, or tribe. The authorities sought to create a new man of the Soviet country, without the pre-existing traditional ties, which included family, religion, complete purification from the «gloom of the past» [2]. The Kazakh mentality, which had a built-up clan-hierarchical structure, did not fit the Soviet format at all. At the same time, promoted ideology of identity markers and the special privileges associated with it, had found people willing to accept and assimilate the language of power. This version of adaptation opened wide doors for its followers to ascend the career ladder.

The authoritarian regime's focus on permanent violence in the implementation of the apparently good cause of socio-economic modernization caused a terrible catastrophe. In the 1930s, famine began in Ukraine, the Volga region, the North Caucasus and Kazakhstan. R. Kindler [3], D. Verkhoturov [4] and I. Ogayon [5] associated the causes of the famine with the Bolsheviks' large-scale experiment in Central Asia - conversion of Kazakh nomads to sedentary life, which was the main postulate of the Soviet modernization project in Kazakhstan.

The path to socialism became a disaster path. The details of this path have not yet received proper coverage in the history of Kazakhstan, including famine as the most heinous crime of Stalinism. [6] Some authors have attempted to interpret the famine as an ethnic genocide of the Kazakhs and Ukrainians, given that two peaks of famine occurred in Kazakhstan and Ukraine, resulting in mass deaths. It can be agreed with the opinion that the famine caused complete dependence of the Kazakh population on the state controlled by Moscow and led to sedentarization [7]. The political terror against the peasantry caused widespread resistance. Peasant uprisings were considered as a national resistance to Soviet

power. There appeared such terms as «basmachi», «bandits», «rebels», «otkochetschiki», etc. in the NKVD's vocabulary. Almost all the participants in the uprisings who were convicted in 1930-1933 by the PP OGPU Troika were re-deported or shot under Order No. 00447 as part of the kulak operation.

However, analysis of daily, individual adaptation and survival strategies in the new social context has not received extensive thematic attention.

Results. The study includes an analysis of two behavioral levels. They are escape and adaptation. The first level relates to destruction of structural component of Kazakh aul, social level of «former» bays, clan-rulers and so on. They had a great prestige among the Kazakh nomadic population, not only because of their wealth, but also because of their education, patronage of arts and charity. To limit their influence in the system of patrimonial relations, it was necessary to break traditional nomadic communications. As a result, the complex system of economic relations and all its subjects were destroyed [8]. They have been discriminated at the legislative level, by various detrimental measures, such as disenfranchisement, eviction, or banishment, etc.

The first action of “debaization” was taken in 1928. It can be assessed as a programme of state transformation of Kazakhstan aimed at the cultural destruction of Kazakh society [6]. On August 9, 1928, the Politburo of Kazakhstan has suggested Kazkrajkom no later than September 1, 1928 to conduct the informal registration of large cattle breeders from the indigenous population, hindering by their property and social influence socialization of aul, according to the features provided by the decision of the All-Russian Central Executive Committee to make a selection of the most vicious of them. Based on this selection, send out lists of households subject to confiscation and eviction. [9, p. 79-85]. Legislative documents determined the timing of the confiscation of kulak and Baikal farms and the number of farms subject to confiscation and expulsion.

At the joint session of the KazCIC and SNK KASSR on August 28, 1928 it was stated that

«...representatives of the property classes and former privileged estates impede the main activities of the Soviet power in aul and kishlak, conduct malicious agitation, incite ethnic and patrimonial discord, using tribal relations...». [9, p. 91]. According to the OGPU, the Bai «... used the grassroots sovaprats, through direct infiltration or promotion of their proxies, which was used in the interests of domination of the Bai part of the population, as well as the preservation of old social relations...». [10, p. 238].

Daily permanent violence forced Kazakh nomads to develop a «compliance and non-compliance strategy» [11], loyalty or disloyalty, sociologically defined as «adaptation», this is the second level. In the kolkhozes created by the Soviet authorities, tribal relations were preserved. Kazakh aul, despite the construction of collective farms, was bound by kinship relations, common moral priorities, system of values, behavioural stereotypes, i.e. the whole system of traditional institutional relations [8]. Situationally, kinship communications were transferred to the collective farm, i.e. traditional daily life appeared in a modernized package. Such a conspicuous phenomenon as the non-extinct social structures was noted by F. Goloshchekin and the OGPU leadership. Hence the remark about the past revolution, reinforced by reports of the persistence of the influence of tribal authorities in the collective farms.

The tribal ties were based on social networks; accordingly, traditional veneration, tribal memory and tribal unity were actualised under the conditions of the Soviet directorship. The authority of the nomadic elite allowed them to be elected to the aulsovet and volispolkom. They became the heads of the grassroots Soviet apparatus of power. An unexpected phenomenon of collective farm building was the generic contradictions that resulted from the policy of forced sedentarisation. The policy of sedentarization implemented by the Soviet authorities was aimed at destroying the economic base of the nomadic economy as well as the system of clan relations [5].

It is quite natural reaction of the bays and atkameners to be dissatisfied with the measures

taken by the Soviet authorities, which were destroying the regular life of the aul. A logical consequence of their discontent was anti-Soviet agitation, aimed at disintegration of collective farms, disruption of grain procurement, for migrating to China. Typical actions of aul authorities, as described by the OGPU, were reduced to Article 58 of the Criminal Code of the RSFSR, to politicization of their behavioral motives to save themselves and their loved ones. Initially, the bai «deliberately cut down their cattle» in the climactic year of 1929, when the state of emergency was at an all-time high, joined the kolkhoz. It was then that the inability to fulfil the grain procurement plan began to be regarded as a deliberate political crime against the Soviet authorities. The growing tension and action of the collective farmers was noted as carrying out «demoralizing work against the communalization of livestock and public ploughing». A frequent phenomenon was the demonstration of quitting the collective farm just before the ploughing, in spring 1930. The collective farm «Karazha Tagam», which consisted of 80 farms, collapsed in March 1930. In the same year 1930 the agitation against giving up the bread surplus was activated, which was announced at the general meeting of the aul citizens: «... no bread, bread froze...», with comments of the bays: «You will not get anything, anyway, if you do not surrender, the authorities will not be satisfied» [12, p. 16].

The poor population of the aul stated the presence of «the enormous influence of bai Manapia Baysekenov...» [13, p. 36]. And such statement was commonly used, changing the names of the bays, but the meaning did not change. Further there was a list of merits «... he has been a governor under tsarism power for five years...». Already in 1929, he was deprived of the right to vote (dispossessed), confiscated, individually taxed, and was a candidate for eviction. The latest measure saved the authority's prestige and took the aul out of the bay's sphere of influence, such bays as Manapiya Baisekenov.

The authorities provoked Kazakh population with their actions by uniting several administrative auls although they were quite far apart, they had different tribal origins. As a

result, representatives of different tribal groups joined in the same administrative unit. As a result of forced communalization, the auls competed for a place in the sun when they became part of the collective farm.

The third force in the clan confrontation was the power structures based on the principle of «divide and rule». The authorities artificially fomented discord by appointing a representative from the exact opposite clan and locality as chairman of the kolkhoz.

As a result of forced communalization, the auls competed for a place under the sun when they became part of the collective farm. In the clan confrontation, the third force was the power structures based on the principle of «divide and rule». In the clan confrontation, a third force entered the power structures according to the «divide and rule» principle. The government falsely incited discord by assigning the chairman of the collective farm from the opposite tribe and locality.

The population of one aul, in the conditions of collective farm construction, belonged to two or four different tribes. As for example one part of the aul belonged to the Barlybai tribe, the other to the Baichuzak tribe. Both tribes are descended from Kazygul. Before the revolution, all the rulers came from the family Baichuzak. When the property of the influential bey Berikbol Maldybaev of the Baichuzak tribe was confiscated, some of the cattle went to the poor people of the Barlybay tribe. Nurakhmet Maldybaev, a relative of the «offended» Bay, joined the Soviet power structure and became an investigator. The poor people of the Barlybai tribe were forced to return the cattle they had taken. The Barlybai tribe at a collective farm meeting supported the decision to evict the Maldybaevs' Bay family from the aul [14, p.2].

Conflict has occurred in the tribal opposition of the poor people. For example, more active poor people in the collective farms were unwilling to take the poor people of another tribe in tow. The Barlybayans did not want to take on the Baichuvaks. There was a division within the tribe into active and passive. The passive part of the poor people called active group the traitors (supporting the Soviet power). The active

group called passive group the kuyirshyks, who supported the Baijbaiks. As a result the tribal drama evolved into open confrontation and conflict. Archival sources demonstrated the micro-history of tribal conflicts of collective farm construction. In the process of confrontation the issues of religious identity «you are not Muslims», national identity «not even Kazakhs», since they allowed to give away their bay, and send him to eviction [14, p. 33]. The Bolsheviks attributed this type of behaviour, when the population had tribal ties as a priority, to the backwardness and uncultivation of the poor people. Their uneducated nature did not allow them to break their ties with the tribe and being bays as well.

However, sometimes the Kazakh auls were not aware of the Bolshevik ideology of «class struggle». The reason for the conflicts was the land issue. The poverty and the farm work of the Saruleni aulsovet opposed the bay of Barabaev Gaisa because his cattle was located near their wintering grounds without their consent. A mass fight broke out between the auls' residents [14, p.39].

In other auls, however, to the delight of the Soviet authorities, the poor people were actively evicting and confiscating bays. For example, about 800-900 people came to Bogusov Husain's aul to take part in the confiscation of his property. Bogusov Husain addressed the poor people who arrived in his aul: «I do not deny that my father - Bogus was a volost's governor, and exploited your labor. He received gifts from the tsarist government. But I cannot be considered a semi-feudal. I was not a governor and a lord. I was a nobody, I went to Mecca, you gave me the honorary title of a Khoja. Now you have decided to criticize me. I did not exploit anyone, I did not force you to work. I always made concessions when you need something; God is my judge, let Him judge. Finishing my word, I will say do it deliberately, I beg and persistently ask for exclusion of me from the list of evictees, because I am not harmful, I am waiting for pardon from God and you» [14, p. 23].

The road to socialism became a road of disaster [3, p. 7], destroying family ties, destroying family continuity and generational memory. At first, the initiators of family disintegration

were the Bay themselves, trying to adapt and, most importantly, to survive under the threat of eviction and confiscation. The Soviet narrative has preserved the practice of accommodation by the evicted bays. Many of them did not wait for the evictees to come to them, they sought in advance to shelter their cattle, to rewrite their property, to draw up a fictitious divorce, as did L. Baizhekin and others. Most of all they and their families were not afraid of confiscation but of eviction, loss of connection with the family land. As a result of this behaviour, the male part was subjected to eviction [14, p.2]. A new phenomenon in Kazakh steppe was divorce initiated by women. It is a kind of steppe emancipation. According to the instructions of the Chairman of the KAZCIK, divorcing wives were not subject to eviction. Moreover, they were entitled to part of the property left by the bay after the confiscation. Women with children and part of their property remained in their places of residence, which was an indication of the family's hearth and enabled them to survive. As a result, the woman kept the hearth of the family until her husband returned. In some auls, women were involved in the confiscation commission and cried with the family of the evicted bay at the time, mourning their fate in a traditional poetic style.

The collective farm incorporated tribal groups resulting in different active and passive practices of adaptation. Egalitarianism accepted only the Soviet identity, all other identification parameters were not considered, although in repressive practices they were taken as a basis. The duality and inconsistency of the behavioural motivations of the poor, was evident in the issues of bay confiscation. The involvement of the poor people in the policy of bay confiscation concealed the usual mercantile sentiments. In the case of real economic benefits from confiscation, the poor people became active. In cases where there was no economic benefit from confiscation, there was a passive, sometimes even loyal attitude towards the victim of confiscation [14, p. 34]. Confiscation served as a kind of incentive for the poor people, an opportunity to change their social status with the help of confiscated goods. In some aulsovents, when discussing the list of persons subject to confiscation and eviction, the aul's citizens tried

their best not to give up their bays. They were supported by members of party, speaking at meetings in defence of the bays. Tribal unity sometimes played a decisive role in the choice of behavior strategy, motivated the tribal solidarity of commission members, participants of meetings [5].

The presence of tribal groups in the collective farm, and their penetration into the grassroots administration was regarded by party officials as «anti-Soviet activity of bayism». Their activities were regarded as a shadow office, under the influence of which was the grassroots of the Soviet apparatus, which carried out the will of the Kazakh bayism [15, p.10]. The active position and authority of the bay top brass was manifested in the election campaign of 1925-1926. During the election period, tribal networks and Soviet slogans were used to the maximum extent; there was a political and physical battle for the aul; the latter, to the surprise of Kazkraikom, was beyond its influence [4, p. 67]. During the period of election campaigns to the grassroots organs, the rivalry of tribal groups intensified, where Kazakhs did not shy away from the usual denunciations. In the assessment of the aul, the bay, elected as the chairman of the aul council or the voli executive committee, further strengthened the status of the tribe under the Soviet regime. During the next campaigns of attack on themselves, the so-called bai activists infiltrated the collective farms. Some of them became collective farm leaders, showing loyalty and adapting to conditions alien to themselves [16, p. 50].

As aul activists they took part in the grain procurement campaigns but did not fulfil their personal plan. Their behaviour caused negative evaluation and rejection on the part of the ideological patriots of the Soviet power, who knew about their origins. The results of the «active group struggle» in the auls impressed the Soviet figures with their results, when entire electoral committees were placed under the control of clans, «deprived» people were restored in their voting rights, loyal decrees on taxation were passed and even decisions on the creation of collective farms were postponed [17].

The processes of infiltration of the Baikal elite into the collective farms were prolonged

throughout the first half of the 1930s. Documents dating from 1933-1934 suggest that both the bay and their descendants and relatives used every opportunity to obtain administrative status. The former bays, volost governors, their descendants and close relatives were members of the Bolshevik Party, held positions and created, according to the classification of the Chekists, «false collective farms» and «false TOZs». In 1935 in Makanchi district of Alma-Ata region there was a pseudo collective farm «15th Anniversary of Kazakhstan» of bays and «smugglers» [18]. During the reduction of the Soviet apparatus, they were purged from collective farms, prosecuted and fined. The «formers» tried to obtain a certificate of poor origin from the aul council using their status opportunities and the grassroots Soviet apparatus for their own purposes. Then, as quickly as possible, they dissolved into the space of Soviet Kazakhstan, and even, if possible, went into hiding outside it.

Kazakhs did not want to forget their tribal origins due to disappointment, unfulfilled Bolsheviks' promises, and constant pressure. However, the goal of socio-economic modernization was aimed at eradicating the tribal identity markers. A new «imaginary» community was created, where clan traditions and culture, clan memory, family memory frame were considered a vestige of feudalism [5]. After all, the former identification markers associated with the system of nomadic cattle breeding were superseded by the new Kazakh identity. The goal of Stalin's transformations was to create a Soviet identity, with the common name - Soviet people [6].

It is important to note the phenomenon of tribal information networks, which supplied the tribe's elite with the latest news about the events held and planned. The authority of this or that bay allowed to determine the news trend for their relatives, i.e., to influence the content of the aul information space. Traditional aul dastarkhans became a source of information, such as «confiscation began with us, the bays, then will go to you, the middle class, and will end with you, the kedei. There, in a narrow circle, playing on the ego of his relatives, the owner of the table could

say: «what collective farmers you are, you cannot dispose of your property». Evidence of the fact that the clan elite had tremendous authority, even after losing property, were the facts of hidden and open help from fellow tribesmen, relatives and even the aulsovet. The content of the material assistance included not only financial but also food, such as: «...five carcasses of meat, several cows, ...gold and silver». It is possible to note the documentary-procedural help, as for example separate bays received the approving review (characteristic) signed by the population of aul and certified by aulsovet, bays were searched for lawyers, through the person in power rendered the state support. Sympathy and support for the bays was massive, even in their places of exile [19, p. 88-89].

In 1928, along with collectivization, peasants were subjected to collection of the agricultural tax, grain procurements, self-taxation, placement of a peasant loan, eviction of the bays and kulaks, confiscation of their property, etc. There were reasons that shaped the protest movement such as political and economic disfunctioning of the system, the administrative collapse and social dissatisfaction of the population [11], the blatant arbitrariness and corrupt practices of the Soviet officials. Military resistance was the ultimate breaking point. It was a radical attempt to defend one's interests. More than 300 peasant uprisings occurred in Kazakhstan. The largest were the Abralın, Chubartau and Chingistau uprisings. Participants of the uprisings, marked as «bandits», «counter-revolutionary grouping», «armed groups», etc., due to the food crisis, were involved in the looting of cooperation, semifund, smashed aulsoviets, and demanded the restoration of the volost governors' institution [20].

Migration was one of the most popular behavioral responses of the Kazakhs at this level. On the one hand, fleeing allowed them to escape Soviet violence and. On the other hand, they avoided direct confrontation. Note that Kazakh population was not only fleeing from the permanent violence that was destroying their usual world. The first wave were the refugees, saving their lives from the persecution of the

OGPU, who were engaged in eradicating auls after uprisings. The second wave were refugees hoping to save themselves from hunger.

For the inhabitants of the aul, migration was a serious challenge. For example, the bays of the fourth aul of Stalin volost decided to migrate, after the trial of the bay Akpai Amanichev in March 1928. Bays wanted to be convinced that the policy of the Soviet authorities was really directed against them. In case of a negative court decision for them, they planned to emigrate to China immediately. As a result, forty-seven yurts, three yurts of bays, fifteen middle-aged and twenty-nine poor people migrated from Stalin volost. The OGPU cited tax policy, self-taxation, grain procurements, and the assignment of Kazakh youth to conscription stations as the reasons for the defections. The lack of explanatory work among the Kazakh population led to the spread of ridiculous rumors: «The poor were not advised to go to the collectives, as these are communes where there is no property and even the wives will be common...». [21, л. 39]. Such ridiculous rumors were a sign of fear, «a widespread epidemic of fear» [22, p. 58].

Data on people who were migrating in the 1930s has been preserved in the materials of the OGP. This information has been kept secret in the Archive of the President of Kazakhstan until quite recently. It is considered that these archive sources cannot be completely objective because in the 1930s divisions of the Political Department often « falsified» cases in the interests of party purposes. In reports of the OGPU it was often sounded information on the organization of forced migration accompanied by «a gang of armed Kazakhs». These reports stated that «migration takes place under the cover of armed gangs, both local and foreign origin and partially with the obvious assistance of the Chinese authorities to the migrants» [23, p. 179].

The intensity of the migration in February and March 1930 was reported by the 50th Zaisan border detachment. They reported unprecedented « illegal and arbitrary violations of the border». The refugees were described as a criminal people who had fled from responsibility for their criminal deeds. They «...found like-

minded people among Kazakh population in Chinese borderland and broke the border with armed assistance of the mentioned Chinese people. They attacked and committed outrage over border population, robbed them and took them to the Chinese territory».

The Kazakh population was forcibly taken to China. For example: «On February 10th, 50 bandits of Masalimov from the valley Kobuk attacked the 2nd aulsovet of Tarbagatai district through the Chagan-Abo mountain pass, seized 100 Kazakh farms and along with their cattle and property went to the Chinese territory» [24, p. 107-116]. The entire aul practically «forcibly fled». In the same manner as the report of the border detachment, sounded the remark of F.I. Goloshchekin in a letter to the first secretary of the West-Siberian regional committee R.I. Eikhe. The first leader of Kazakh autonomy believed that the migrations «...were not of the nature of starvation refugees...», it is only a way of class struggle, it is only a fact of resistance of being bay which does not want to fulfill the plans of agricultural procurement [25, p. 19].

The objectivity of fragments of oral history extracted from archival materials and archival and investigative files raises reasonable doubts. For example, it is hardly possible to «... take away thirty bays» from four auls, as well as the presence in all auls of «counter-revolutionary bays» organizations». [26, л. 158]. Its content reflects the agitation of the bays, calling for migration, as interpreted by party officials and OGPU investigators. There are quotations from the «propaganda appeals» of the bays: «Life has become impossibly difficult. The Soviet authorities started robbing us, all the bays. We must cross the border to China»; «We wish we had known earlier about such campaigns as grain procurement and confiscation - robbery of the people, otherwise we would have been able to sell our cattle and go to China in advance»; «The Soviet authorities want to completely ruin the population. The grain harvests, self-taxation, loans, and other campaigns do not give us a chance to live. Migration abroad is the only way out of the Soviet regime» [23, p. 180]. [23, л. 180]. In some speeches of the bays there was

an accusation against the authorities: «The Soviet authorities and communists, hiding under their plans, have robbed us of our bread and cattle, and then it will come to poor people. Let us better get out of the collective farm and move to China» [27, p. 56].

«The purpose of my migration to China was due to the fact that I could no longer tolerate remaining in the USSR, because I do not like the activities carried out by the Party and the Soviet authorities at all, in China I hoped to live freely, as previously engaged in farming» [28, p. 88].

«They will confiscate everyone. Do not enjoy your social status. there is no difference between poor people, a middle-class people, or a bay people. You have to get out of the country, there is only one way out, sell off your cattle, get out of the collective farms» [29, p. 135] «It is better to run abroad and feel safe from all pressures and there» [29, p. 137]; «We are going to run abroad and feel safe from all pressures and semfonds». [29, л. 137]; «...we are going to run away to China, let...gather with us, otherwise the Soviet authorities will confiscate us all and you will starve to death» [12, л. 6]; «the Soviet authorities give us no peace, let us run away 5-6 yards [12, л. 16]. The key words of the cited oral history fragments are «dislike, displeasure, patience, fleeing, hunger, situation». The choice between a relatively peaceful life and violence, was determined in favour of relatively peaceful life.

The second wave of migration should be considered as an escape from hunger.

It was a survival strategy, attempting to avoid the famine and saving their lives. «This famine was one of the deadliest in the USSR and led directly to the death of about one third of the Kazakh population and caused the emigration of several hundred thousand survivors ...». [5]. D. Verkhoturov believes that the famine was a cultural trauma: «This tragedy left a sharp chopping imprint on the Kazakh people, on their worldview and culture» [4].

The images of famine recorded in archive documents are horrifying and pitiful: «...she took the waste from her lunch to the pit and met 10 Kazakhs at the pit, who took the waste from her and immediately ate it in front of her eyes...».

[30, л.100]. The anthropological dimension of the victims of the famine does is not amenable to quantification. Only family memories have kept fragments of history.

Ogayon I. believes that the famine was the result of a political project of cruel transformation [5]. Kazakh historians call it «Goloschekin genocide» [31]. There is an opinion that the famine in Kazakhstan began earlier than in Ukraine, and it was provoked mainly by grain requisitions, mass death of cattle, which occupied the main place in the daily ration of Kazakh nomads [7]. Unfortunately, the issue of famine is increasingly acquiring a political connotation and becoming a bargaining chip for the political ambitions of newly appearing experts. The evaluation of a large-scale event is at the forefront, while a man, a victim of the famine is once again left out of the frame. The Soviet country has been gone for thirty years, but the methodological tools have not changed. Relying on closed archives, on destroyed documents in the background of sources cited by foreign authors in published editions, sounds extremely unprofessional. There are no «special folders», no specific folders where it would be written «the Kazakh famine». There is a disordered state of sources, containing snippets, excerpts, fragments about the tragic events of those days. The systematic, detailed, all-encompassing work in the archives of republican and regional significance for verification of documents can bring the result that has been waited for decades. Documents cannot remain silent for so long. They have already «shouted» about the destinies of those who died. We certainly agree with D. Verkhoturov in his assessment of the generalised nature of the materials on the history of the famine. We do not know the destiny of the people and the names of the auls that have disappeared [4]. The anthropological mosaic of famine and its historical geography await its researcher. It was the most terrible result of the modernization of the Kazakh aul. It was the most tragic experiment of accelerated economic development of the region, which was not ready for Sovietization. None of the chosen strategies of survival, not even the attempt to adapt, to integrate into the Soviet society gave any chance of survival.

Migration to a foreign land did not save people from famine. In China our tribesmen also faced famine: «In 1932-1933, as a seven-year-old boy in Xinjiang I saw crowds of hungry people in the streets of Chuguchak. I remember them as a monochrome, grey mass of living corpses: grey tattered clothes, ash-grey disheveled hair, grey transparent skin tightly covering faces and hands, burning, wandering eyes, sunken to the back of the head. Those were Kazakh refugees... They stood in a dense, swaying crowd of thousands. People were not shouting, not talking, not begging, but just holding out their hands...». [32, с.2].

Conclusion. Nowadays, we realise that the road to socialism for the Kazakh nomads has been so rapid that its echoes have been heard for several decades. Meanwhile, the toll has been so high that it has not yet been objectively assessed. The behavioural adaptation practices of Kazakh society had no structural basis. On the one hand, the tribal traditionalism was trying to solidify itself under the Sovietism, adapting to the rules of socialist society. On the other hand, the mass migration of Kazakhs to foreign lands was a response to the intensification of the forcible practices of economic modernization. The specifics of traditional culture formed adaptive behavioural levels to meet the needs of the current situation, but they could not save them from famine.

A unique phenomenon of Kazakh conformism under Sovietisation was tribalism, which combined both internal frontier confrontation and external frontier unity. Tribal relations with tribal segment authority transformed the party directives and formed « collective farms in Kazakh way», «shadow office». The aul nominees, the grassroots administration defended the tribal «ideologemes», solved the internal issues and saved the tribesmen. The political tools of the Soviet power did not need the «imaginary community» of Kazakhs. The imaginary community was destroyed by the violent modernization, which was artificially strengthened by the party officials. The historical memory, the custodians and authorities of the tribe were eradicated for the purpose of creating a new Soviet identity and a new Soviet society.

References

- 1 Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система / Н. Верт. - Москва: РОСПЭН, 2010. - 448 с.
- 2 Baberowski, J. Verschleierte Feinde. Stalinismus im sowjetischen Orient. Geschichte Und Gesellschaft. 2004. 30(1). P. 10–36. Available at: <http://www.jstor.org/stable/40186098>. (Accessed: 01.01.2021).
- 3 Киндлер Р. Сталинские кочевники в Казахстане: власть и голод в Казахстане / Р. Киндлер. - Москва: Политическая энциклопедия, 2017. - 382 с.
- 4 Верхотуров Д. Ашаршылык: история Великого голода / Д. Верхотуров. - Москва: ЛитРес, 2019. - 370 с.
- 5 Ohayon I. The Soviet State and Lineage Societies: Doctrine, Local Interactions, and Political Hybridization in Kazakhstan and Kirghizia During the 1920s and 1930s. *Central Asian Affairs*. 2016. 3(2). P. 163–191. Available at: <https://doi.org/10.1163/22142290-00302004>. Accessed: 02.01.2021).
- 6 Камерон С. Голодная степь: Голод, насилие и создание Советского Казахстана / С. Камерон. - Москва: Новое литературное обозрение, 2020. - 360 с.
- 7 Pianciola N. Ukraine and Kazakhstan: Comparing the Famines. *Contemporary European History*. 2018. 27(3). P. 440–444. doi:10.1017/S0960777318000309
- 8 Абылхожин Ж. На пике строительства Турксиба земляные работы вручную выполняли 30–40 тыс. человек [Электрон. ресурс]. – URL: <https://vlast.kz/pages/clique/load-next/?id=20076&preview=true> (дата обращения: 14.10.2020)
- 9 Государственный архив Актыбинской области (далее ГААО) Ф. 63. О. 2. Д. 106. Л. 79–85.
- 10 Специальный государственный архив Департамента полиции Восточно-Казахстанской области (далее СГА ДП ВКО) Ф. 19. О. 2. Д. 1035.
- 11 Gábor T. Rittersporn, Anguish, Anger and Folkways in Soviet Russia, (University of Pittsburgh Press, Pittsburgh, 2014, 396 p.)
- 12 СГА ДП ВКО Ф. 19. О. 12. Д. 846.
- 13 СГА ДП ВКО Ф. 19. О. 1. Д. 818.
- 14 Центр документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области (далее ЦДНИ ВКО) Ф. 3. О. 1. Св. 2. Д. 22.
- 15 ЦДНИ Ф. 3. О. 1. Св. 15. Д. 209.
- 16 СГА ДП ВКО Ф. 19. О. 2. Д. 2481.
- 17 СГА ДП ВКО Ф. 19. О. 2. Д. 2433, 3303, 3549.
- 18 СГА ДП ВКО Ф. 19. О. 2. Д. 3030.
- 19 Архив Президента Республики Казахстан (далее АП РК) Ф. 141. О. 1. Д. 3321.
- 20 СГА ДП ВКО Ф. 19. О. 2. Д. 2676.
- 21 СГА ДП ВКО Ф. 19. О. 1. Д. 1310.
- 22 Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. / Ш. Фицпатрик. - Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. - 422 с.
- 23 АП РК. Ф. 719. О. 2. Д. 126.
- 24 Государственный архив Восточно-Казахстанской области (далее ГАВКО) Ф. 788. О. 1. Д. 35.
- 25 АП РК Ф. 141. О. 1. Д. 5192.
- 26 СГА ДП ВКО Ф. 19. О. 1. Д. 1953.
- 27 СГА ДП ВКО Ф. 19. О. 2. Д. 2451.
- 28 СГА ДП ВКО Ф. 19. О. 2. Д. 2575.
- 29 СГА ДП ВКО Ф. 19. О. 2. Д. 2426.
- 30 ГАВКО Ф. 1 О. 1. Д. 78.
- 31 Абылхожин Ж. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. / Ж. Абылхожин. - Алматы: Университет «Туран», 1997. - 360 с.
- 32 Жандабекова О. В. Под грифом секретности. Откочевки казахов в Китай в период коллективизации. Реэмиграция 1928–1957 гг. Сборник документов. / О. В. Жандабекова. - Усть-Каменогорск, 1998. - 100 с.

А.С. Жанбосинова

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан, Қазақстан

Қазақ көшпенділері: социализмге жол

Аңдатпа. Мақалада XX ғасырдың 20-30-жылдарындағы Қазақстанның әлеуметтік-экономикалық жаңғырту тарихының мәселелері қарастырылады. Автор пәнаралық тәсіл әдіснамасы негізінде күштеп ұжымдастыру үрдісінің жеке көріністерін және оның зардаптарын анықтады. Ұсынылып отырған зерттеудің өзектілігі қазақ ауылын кеңестендірудің жалпы қабылданған тарихи тұжырымдамасының тұғырнамасын әзірлеу қажеттілігі, осындай ауыр зардаптардың себептерін түсіну үшін оның аймақтық ерекшелігін айқындау болып табылады. Қазақ даласындағы ұласпалы күштеудің ұшы қазақ ауылының рулық байланыстарын жоюға, қазақ ауылының кеңестік сәйкестігін қалыптастыруға бағытталды.

Социализмге жол қазақтардың әлеуметтік күнделікті өмірі мен дәстүрлі мәдениетінің құрылымдық элементтерін жойды. Қазақ халқының бейімделу үрдістері қолданылып жүрген өмір сүру стратегияларымен және конформды мінез-құлық тәжірибесімен ұштастырыла отырып, кеңестік қоғамдық тұрмыстың жаңа ережелерін негіздеді. Мақала мазмұнының негізіне мұрағат қорларының құжаттары мен материалдары бойынша қазақ көшпенділерінің бейімделу тәжірибесін талдау алынған. Автор қазақ ауылын әлеуметтік-экономикалық жаңғырту бағдарламасын жүзеге асыру жағдайында халықтың өмір сүруі мен бейімделуінің күнделікті, жеке стратегиясын көрсетеді.

Авторлық зерттеудің нәтижесі экономикалық мәжбүрлеу мен «бұрынғы» әлеуметтік қабаттың бұзылуының салдары болған екі мінез-құлық деңгейін, яғни қашу – қоныс аудару және бейімделуін талдау болып табылды. Қазақ ауылдары колхозға рулық байланыстар жүйесін, дәстүрлі құндылықтар жүйесін енгізіп, бірегей «қазақша колхоздар» құрды. Кеңес өкіметінің төменгі аппаратына сайлау науқандары рулық шайқастардың орнына айналды. Билік социалистік құрылыстың стратегиялық міндеттерін жүзеге асыру үшін ішкі рулық және ру аралық қайшылықтарды белсенді пайдаланды. Алайда, рулық құрылымдардың мәртебелік дәрежеге жіктелуі сөз тасу, азғырушылық және ымыралы материалдарды қолдану сияқты әдепсіз мінез-құлықтарды тудырды. Құжаттарда тәркілеу, жер аудару және ажырасу нәтижесінде адамдардың тағдырын, отбасының күйреу қасіретін көрсететін көптеген микротарих сақталынды. Ауызша тарихтың берілген үзінділері қазақ ауылының шет елге көшу себептерін ашады.

Қорытындыларды түйіндей келе, автор бір жағынан, рулық дәстүршілдік кеңестік негізде ынтымақтауға тырысқанын, екінші жағынан, тікелей қақтығыстан қашуға тырысқанын атап өтті. Алайда, барлық бейімделу мінез-құлық деңгейлері көшпенділерді аштықтан құтқара алмады. Қазақтардың «Қиялдағы қоғамдастығы» тек рулық қайшылықтармен емес, жаңа кеңестік бірегейлікті, жаңа кеңестік қоғамды қалыптастыру үшін кеңес мемлекетінің саяси ерік-жігерімен жойылды. Социализмге барар жолда тарихи жады өзгерді, қазақ халқының рулық жадысы жойылды.

Түйін сөздер: ұжымдастыру; бейімделу; қоныс аудару; аштық, кеңестік; көшпенділер; микротарих.

А.С. Жанбосинова

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы истории социально-экономической модернизации Казахстана 20-30-х годов XX века. На основе методологии междисциплинарного подхода автор выявила микросюжеты процесса насильственной коллективизации и ее последствий. Актуальность предложенного исследования заключается в необходимости выработки, платформы общепринятой исторической концепции советизации казахского аула, определение ее региональной специфики для понимания причин столь катастрофических последствий. Острые перманентного насилия казахской степи было направлено на искоренение родовых сетей казахского аула, формирование советской идентичности казахского аула.

Путь в социализм разрушил структурные элементы социальной повседневности и традиционной культуры казахов. Адаптационные процессы казахского народа обусловили новые правила советского

общежития, в сочетании с применяемыми стратегиями выживания и практикой конформного поведения. В основу содержания статьи положен анализ адаптационных практик казахских кочевников на документах и материалах архивных фондов. Автор показывает повседневные, индивидуальные стратегии приспособления и выживания населения, в условиях реализации программы социально-экономической модернизации казахского аула.

Результатом авторского исследования стал анализ двух поведенческих уровней: бегство – откочевка и приспособление, ставшие следствием экономического принуждения и разрушения социального слоя «бывших». Казахские аулы перенесли в колхоз сеть родовых коммуникаций, систему традиционных ценностей, сформировав уникальные «колхозы по-казахски». Избирательные кампании в низовой аппарат советской власти становились местом родовых баталий. Власть активно использовала внутриродовые и межродовые противоречия для реализации стратегических задач социалистического строительства. Однако, статусное ранжирование родовых структур спровоцировало неэтичные формы поведения, как доносы, подстрекательство, использование компрометирующих материалов. Документы сохранили множество микроисторий, в фокусе которых показаны судьбы людей, трагедия распада семьи, как результат конфискации, выселения и развода. Приведенные фрагменты устной истории раскрывают причины откочевки казахского аула,

Резюмируя итоги, автор отметила, что с одной стороны, родовая традиционность пыталась солидаризироваться под советскость, а с другой, пыталась спастись от прямого конфликта бегством. Однако все вместе взятые адаптивные поведенческие уровни не смогли спасти кочевников от голодной смерти. «Воображаемое сообщество» казахов было уничтожено не столько родовыми противоречиями, сколько политической волей советского государства, ради формирования новой советской идентичности, нового советского общества. По пути в социализм трансформировалась историческая память, уничтожалась родовая память казахского народа.

Ключевые слова: коллективизация; адаптация; откочевка; голод, советскость; кочевники; микроистория.

References

- 1 Vert N. Terror i besporiadok. Stalinizm kak sistema. [Terror and disorder. Stalinism as a system]. (ROSPEN, Moscow, 2010, 448 p.) [in Russian].
- 2 Baberowski, J. Verschleierte Feinde. Stalinismus im sowjetischen Orient. Geschichte Und Gesellschaft. 2004. 30(1). P.10-36. Available at:<http://www.jstor.org/stable/40186098>. (Accessed: 01.01.2021).
- 3 Kindler R. Stalinskie kochevniki v Kazakhstane: vlast' i golod v Kazakhstane [Stalinist Nomads in Kazakhstan: Power and Hunger in Kazakhstan] (Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, 2017, 382 p.) [in Russian].
- 4 Verkhoturov D. Asharshylyk: istoriya Velikogo goloda [Asharshylyk: the history of the Great Famine] (Litres, Moscow, 2019, 370 p.) [in Russian].
- 5 Ohayon I. The Soviet State and Lineage Societies: Doctrine, Local Interactions, and Political Hybridization in Kazakhstan and Kirghizia During the 1920s and 1930s. Central Asian Affairs. 2016. 3(2). P. 163–191. Available at:<https://doi.org/10.1163/22142290-00302004>. Accessed: 02.01.2021).
- 6 Kameron S. Golodnaya step': Golod, nasilie i sozdanie Sovetskogo Kazakhstana [The Hungry Steppe: Famine, Violence, and the Creation of Soviet Kazakhstan] (Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, 2020, 360 p.) [in Russian].
- 7 Pianciola N. Ukraine and Kazakhstan: Comparing the Famines. Contemporary European History. 2018. 27(3). P. 440-444. doi:10.1017/S0960777318000309
- 8 Abylkhozhin Zh. Na pike stroitel'stva Turksiba zemlianye raboty vruchnuiu vypolniali 30-40 tys. Chelovek [At the peak of the construction of Turksib, 30 to 40 thousand people performed manual earthworks] Available at: <https://vlast.kz/pages/cliq/load-next?id=20076&preview=true>. (Accessed: 08.01.2021). [in Russian].
- 9 Gosudarstvennyi arkhiv Aktiubinskoi oblasti (dalee GAAO) [State Archive of Aktobe Oblast] F. 63. O. 2. D. 106. L. 79-85. [in Russian].

- 10 Spetsial'nyi gosudarstvennyi arkhiv Departamenta politsii Vostochno-Kazakhstanskoi oblasti (dalee SGA DP VKO) [Special State Archive of the East Kazakhstan Oblast Police Department] F. 19. O. 2. D. 1035. [in Russian].
- 11 Gábor T. Rittersporn, Anguish, Anger and Folkways in Soviet Russia, (University of Pittsburgh Press, Pittsburgh, 2014, 396 p.)
- 12 SGA DP VKO F. 19. O. 12. D. 846. [in Russian].
- 13 SGA DP VKO F. 19. O. 1. D. 818. [in Russian].
- 14 Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Vostochno-Kazakhstanskoi oblasti [East Kazakhstan Regional Centre for Documentation of Contemporary History] (dalee TsDNI VKO) F. 3. O. 1. Sv. 2. D. 22. [in Russian].
- 15 TsDNI F. 3. O. 1. Sv. 15. D. 209. [in Russian].
- 16 SGA DP VKO F. 19. O. 2. D. 2481. [in Russian].
- 17 SGA DP VKO F. 19. O. 2. D. 2433, 3303, 3549. [in Russian].
- 18 SGA DP VKO F. 19. O. 2. D. 3030. [in Russian].
- 19 Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan (dalee AP RK) [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan] F. 141. O. 1. D. 3321. [in Russian].
- 20 SGA DP VKO F. 19. O. 2. D. 2676.
- 21 SGA DP VKO F. 19. O. 1. D. 1310.
- 22 Fitspatrik Sh. Stalinskie krest'iane. Sotsial'naia istoriia Sovetskoi Rossii v 30-e gody: derevnia [Stalin's peasants. Social History of Soviet Russia in the 30s: the Village] (ROSSPEN, Moscow, 2001, 422 p.) [in Russian].
- 23 AP RK. F. 719. O. 2. D. 126. [in Russian].
- 24 Gosudarstvennyi arkhiv Vostochno-Kazakhstanskoi oblasti (dalee GAVKO) [State Archive of East Kazakhstan Oblast] F. 788. O. 1. D. 35. [in Russian].
- 25 AP RK F. 141. O. 1. D. 5192. [in Russian].
- 26 CGA DP VKO F. 19. O. 1. D. 1953. [in Russian].
- 27 SGA DP VKO F. 19. O. 2. D. 2451. [in Russian].
- 28 SGA DP VKO F. 19. O. 2. D. 2575. [in Russian].
- 29 SGA DP VKO F. 19. O. 2. D. 2426. [in Russian].
- 30 GAVKO F. 1 O. 1. D. 78. [in Russian].
- 31 Abylkhozhin Zh. Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Kazakhstana XX vek. [Essays on the socio-economic history of Kazakhstan. XX century]. (Almaty: Universitet «Turan», 1997. 360 s.) [in Russian].
- 32 Zhandabekova O.V. Pod grifom sekretnosti. Otkochevki kazakhov v Kitai v period kollektivizatsii. Reemigratsiia 1928-1957 gg. [Under the seal of secrecy. Migration of Kazakhs to China during the period of collectivization. Re-emigration 1928-1957] (Ust'-Kamenogorsk, 1998. 100 p.) [in Russian].

Information about the author:

Zhanbossinova Albina Sovetovna – Doctor of Historical Sciences, Professor at L.N. Gumilyov Eurasian National University.

Жанбосинова Альбина Советовна – тарих ғылымдарының докторы, профессор Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті.

Е.М. Кариев¹
Д.Б. Самратова²

¹Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан
²Государственный историко-культурный заповедник-музей «Берел», с. Жамбыл, Казахстан
(E-mail: ¹eldos.05.82@gmail.com, ²samratova92@mail.ru)

Памятники археологии как исторический источник: историографический обзор

Аннотация. Как известно, материальные остатки прошлого являются одними из важнейших источников исторической науки. Также мы знаем, что не сразу вещественные памятники были включены в орбиту интересов истории, а археология признана наукой строго исторического толка – эта наука прошла долгий и сложный путь от общего свидетельства былого и искусствоведения до академической дисциплины со своей базой источников, методологией и методикой и прочими неотъемлемыми атрибутами полноценной научной единицы. Написано немало работ по истории археологии, археологической мысли и по археологическим исследованиям разного масштаба и характера, где вещественные источники по умолчанию считаются историческими, либо этот вопрос игнорируется и откровенно подчеркивается понятие «археологический источник», что однозначно является отражением сепаратных тенденций в археологии. И в реалиях текущего дня остро стоит необходимость ревизии устоявшихся взглядов и точек зрения в понимании материальных свидетельств как исторического источника и более чем очевидно, что начинать ее надо с историографии проблемы. В представленной вниманию статье рассматривается история восприятия и использования вещественных свидетельств как источника по прошлому человечества. Для полноты общего представления в статье осуществлен детальный историографический экскурс, который охватывает период с древности до современности и рассматривает факты намеренного, косвенного и контекстного использования вещественных остатков в реконструкции прошлого.

Ключевые слова: археология; материальные остатки; исторический источник; историография.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2021-134-1-63-80>

Поступила: 11.01.2021/Одобрена к опубликованию: 25.01.2021

Введение. Согласно реалиям науки текущего дня общая историография археологии нуждается в серьезной ревизии, в особенности это касается раннего периода становления науки и ее понятийного аппарата, так как многие, ставшие догмами «факты», высказанные еще в XVIII-XIX вв. основоположниками современной археологии, без какой-либо элементарной проверки механически повторяются уже на протяжении нескольких поколений.

В общем и в целом историю использования материальных остатков как информационного источника по прошлому и формирования археологической науки как таковой условно можно разделить на ряд этапов:

- древность – первые факты использования вещественных свидетельств в реконструкции событий прошлого в произведениях ранних авторов, зарождение понятия «археология»;
- средневековье – время стагнации всей науки, редкие изыскания, направленные на

поиски христианских реликвий и записки путешественников о памятниках старины;

- эпоха возрождения – подъем научных изысканий, первые коллекции и труды в рамках восприятия смысла и содержания вещественных памятников и артефактов;

- новое время – археология как часть античного искусствоведения, первые фундаментальные изыскания теоретического направления, распространение термина «археология», первые шаги в понимании археологии как исторической науки;

- новейшее время – стремительное развитие археологии, сложные теоретико-методологические разработки в понимании материальных остатков в контексте источника исторических реконструкций.

Методы. Авторское исследование опирается на методологию историографических исследований, предполагающую историографический обзор и анализ, вкуче с критикой, логическими обоснованиями, обобщениями и интерпретациями автора, на основе метода логического анализа. Основным методом исследования является историографический анализ трудов исследователей, с упором на обобщение ключевых выводов. Автор опирался на специализированные методы научного исследования, как сравнительно-исторический, историко-типологический, историко-системный, ретроспективный, что в совокупности детализировали раскрытие поставленных задач автором статьи.

Обсуждение. Впервые термин «археология» был использован в V веке до н.э., древнегреческим ученым Фукидидом – в первой книге «Истории Пелопоннесской войны», в разделе «Археология» он приводит информацию о древней истории Греции, причем, что немаловажно, наряду с данными письменных источников им используются сведения о древних строениях, памятниках погребального характера и т.д., и тут весьма интересна информация о том, что при перемещении захоронений с острова Делос, погребения, выражаясь современным археологическим языком, на основе погребального обряда

и инвентаря были идентифицированы как принадлежащие к определенной культуре или народности [1, с. 8-9]. Очевидно, что, пользуясь термином археология и используя образцы материальной культуры в качестве источника, Фукидид намного опережал свое время. Можно даже предположить, что под археологией им подразумевалась не только вербальная информация из разного рода нарративных и других источников, но и данные, которые можно получить из контекста тех или иных вещественных памятников.

Однако, как считают и пишут большинство ученых, термин «археология» был впервые применен древнегреческим ученым Платоном в IV веке до н.э. В передаче диалогов Сократа с афинским дипломатом и софистом Гиппием, последний применяет этот термин в значении повествований о былых временах [2, с. 13; 39, с. 11] (в переведенных трудах «археология» вольно заменяется «прошлым», «древностями» и т.д.), тут можно интерпретировать, что в изначальном смысле источниками археологии могли выступать любые свидетельства прошедшего времени, в данном случае устная и иная информация о минувших временах.

Касательно первенства в использовании термина «археология» – не отходя далеко от темы, заметим, что, по мнению ученых, произведение Платона «Гиппий Большой» было создано в период между 385-375 гг. до н.э. и, более того, имеются сомнения в принадлежности этого труда Платону, некоторые исследователи считают его поздним подражанием и фальсификатом [2, с. 3-6], тогда как достоверно известно, что свое произведение Фукидид написал к 400 году до н.э. [1, с. 544-545].

Практически все труды, посвященные истории археологии, отмечают следующих античных ученых, мыслителей, поэтов и др., достаточно часто употреблявших этот термин, кратко остановимся на них и мы ввиду важности их в контексте истоков понимания археологии как истории – к примеру, римский мыслитель Дионисий Галикарнасский в 7 году до н.э. написал историю Римского государства от древности до начала Пунических войн,

наименовав свое творение «Римской археологией» [3, с. 12]. Очевидно, что здесь археология понимается как свод сведений о древней истории. Древнегреческий историк Диодор Сицилийский в I в до н.э., повествуя о временах перед началом Троянской войны, обозначает их «эллинскими археологиями» [3, с. 11], т.е. под словом «археология» он понимал полумифическую древнюю историю. В вышеприведенных смыслах используют термин «археология» и другие представители античной и раннесредневековой науки и культуры – Страбон, Плутарх, Иосиф Флавий и др. [3, с. 11, 12], называя археологией все древности в обширном значении культурно-содержательного и хронологического смысла. Археология, по сути, была для них своего рода синонимом термина «история», разве что в ряде случаев маркировала немного более ранние времена.

Рассматривая историографию использования образцов материальной культуры человечества как исторических источников в контексте античного времени, в обязательном порядке необходимо сказать об «отце истории» Геродоте. В его произведении можно почерпнуть обширную информацию о тех или иных деталях материальной культуры, хозяйства и быта древних народов Евразии, из общего контекста которых им делаются определенные выводы, к примеру, о кочевом образе жизни скифов и т. д. Хотя его информация в основном базируется на устных рассказах и слухах, тем не менее, нельзя не отметить определенное использование данных о предметах в качестве источника по различным аспектам жизни и мировоззрения, примером этого может служить достаточно детальная историческая информация, основанная на монументальных памятниках Египта и Ближнего Востока, на хозяйстве и быте, погребениях и иных памятниках Месопотамии, Великой степи и других регионов Евразии. [4; 5, с. 131-140].

Если уж говорить об истоках использования практического материала в качестве информативного источника, то первыми документально зафиксированными археологическими раскопками, с целью

получения исторической информации из результатов раскопок, принято считать работы вавилонского царя Набонида (555-539 гг. до н.э.), направленные на поиск древних фундаментов, новых на его время, религиозных храмов и выявление надписей на этих фундаментах для сбора информации, в рамках обоснования законности своего правления и борьбы с вавилонской олигархией и жрецами. Хотя основное число, проведенных им раскопок, было осуществлено по политическим целям – он проводил раскопки в нововозведенных культовых комплексах, находил древние конструкции отличные от строительной системы нового храма и объявлял их нелегитимными, тем самым подрывая авторитет олигархов и жрецов и лишая их влияния [6, с. 214-217], это были работы, намного опередившие свое время – сохранились данные о ходе и результате раскопок, о содержании найденных материалов и т.д. Можно сказать, что это не просто первые в истории (документально подтвержденные) археологические раскопки, но и первая попытка использования археологического материала в качестве первичного исторического источника, даже конкретно как основы для реставрационных работ. Более того, имеются факты экспонирования полученных материалов и предметов старины из других регионов Ближнего Востока дочерью Набонида – Эннигальди-Нанной [7, с. 239, 240], т. е. можно говорить и о первом в истории музее археологии.

В этой связи попутно хотелось бы отметить и другие древние цивилизации в контексте использования материальной культуры в качестве источника информации. В текстах шумерских, хеттских, аккадских, ассирийских, древнеперсидских и древнеиндийских религиозных трактатов и административных документов имеется обширная информация о культуре, хозяйстве, быте, военном деле соседних племен и народов, взятая из наблюдений древних авторов по предметам обихода, культа и военного снаряжения, по поставляемым образцам товаров и т. п. [8, 9]. Не лишним здесь будет отметить роль этих

источников в современной археологической реконструкции, к примеру, знаменитый беxистунский памятник с письменами на эламском, вавилонском и древнеперсидском языках, с барельефами изображений сценок с людьми – облик людей, одеяния, вооружение, конское снаряжение и др., вкупе с данными клинописных текстов [10, с. 7-31], дают возможность для объективной интерпретации исторических материалов – материальных предметов и данных о них. Например, предметы конской гарнитуры и оружие, те или иные предметы костюма и отражение всего этого в повествовательной и описательной матрице древности с проецированием этого при реконструкции археологического материала.

Также хотелось бы сказать пару слов о китайских письменных источниках, содержащих историческую информацию на основе предметов материальной культуры – наряду с политической историей того или другого государства или конфедерации племен в контексте взаимоотношений с китайцами или друг с другом, весьма часто встречается информация об их хозяйстве, о распространенных видах вооружения, об обычаях и традициях, связанных с той или иной вещью или вещевым комплексом, сделанных на основе товаров получаемых от них, трофеев при боестолкновениях и предметов, полученных другими путями, другими словами, выводов, сделанных на основе материальных источников путем логических обобщений, достаточно много [11].

Вернувшись вновь к античности, отметим, что в это время прослеживается рост интереса к предметам старины и как следствие этого можно отметить ряд трудов и произведений, так или иначе опирающихся в своих исторических трактовках на вещественные материалы.

К примеру, в поэме древнегреческого поэта VIII-VII вв. до н.э. Гесиода «Труды и дни» говорится о пяти веках человечества – золотом, серебряном, медном и железном, если первые два века, по всей вероятности, навеяны поэтической идеализацией

присущей тому времени, то последние два уже вполне себе хронологически корректны с позиции современной академической науки. Весьма интересна передача Гесиода медного века как периода людей-воинов и времени абсолютного доминирования в быту и хозяйстве предметов из меди, следующий (современный ему) железный век трактуется им как тяжелые времена – эпоха всеобщего насилия и изнурительного труда [12, с. 88-91]. Информация о полном превалировании медных изделий в предшествующее время, по всей видимости, почерпнута им из все еще бытовавших в то время в различных коллекциях предметов и следствие отголосков легенд и мифов, и если учесть, что время его жизни примерно соответствует переходному периоду от эпохи бронзы к раннему железному веку, то в его труде можно увидеть и своего рода этнографические элементы – как известно современной науке, в бронзовом веке происходит смена общественного уклада в силу роста производительных сил и на первое место выходят мужчины-воины, в последующие эпохи воины, стоявшие на защите интересов племени и иных социальных объединений, превращаются в особую касту под управлением элиты. Дальнейший рост производительных сил (железо было проще и дешевле в обработке) приводит к увеличению социального неравенства, образованию рабовладельческих государств и т.д., жизнь в которых была близка описаниям древнего поэта. Несмотря на значительную волюность повествования данного произведения в нем, несомненно, присутствуют моменты трактовки вещественных источников, и в том числе в качестве маркера определенной исторической эпохи, даже учитывая то, что это деление однозначно основано на материальной ценности металла и аллегорически передает предполагаемый уровень жизни в ту или иную эпоху.

Схожая трактовка периодов истории по материальным признакам ценностного характера можно увидеть и в «Метаморфозах» римского поэта Публия Овидия Назона (Publius Ovidius Naso, примерно 43-18 гг. до н.э.), который считает, что человечество

переживает золотой, серебряный, медный и железный века [13, с. 33-35], тут опять же можно проследить сравнение уровня жизни в ту или иную эпоху с ценностью и благородством определенного металла, иными словами, два вышеприведенных сравнения более поэтично-эстетические, в отличие, к примеру, от более приземленных поздних произведений, о некоторых из которых будет сказано ниже.

Ведя речь об истоках развития системы деления истории человечества по материальным маркерам, никак не обойти вниманием труд римского философа и поэта Тита Лукреция Кара (Titus Lucretius Carus, приблизительно 99-55 гг. до н.э.) – «О природе вещей», в котором он с поразительной для своего времени точностью сформулировал фундаментальную хронологическую дифференциацию истории человечества – каменный век, медный век, железный век [14, с. 194-195], и хотя, как считают исследователи, говоря о каменном веке, поэт подразумевал простое механическое использование подручных камней, без какой-либо обработки [15, с. 16], а постулат о веках медном и железном, скорее всего, берет начало от знакомых ему произведений предшественников мыслителей и поэтов, несомненно, что им была озвучена первая культурно-историческая периодизация истории человечества, базирующаяся на практическом и на корректном, с позиции современной науки, материале. Помимо этого, необходимо отметить и некоторую, достаточно точную по современным научным меркам, информацию – о проживании людей каменного века в пещерах [14, с. 185], о важности огня в первобытном обществе [14, с. 187, 189], весьма оригинальна и не лишена логики его версия о появлении в жизни людей металла вследствие лесных пожаров, устроенных людьми для охоты [14, с. 194], также корректны его суждения о влиянии роста производительных сил на развитие материальной и духовной культур [14, с. 195-198].

Вполне вероятно, что на идеи и суждения Лукреция оказало влияние,

имевшее место в I веке до н.э. в римском государстве повальное увлечение греческими древностями и распространение практик частных антикварных коллекций, которые пополнялись в том числе и вещами из грабительских раскопок в Коринфе [16, с. 363]. Эти хищнические раскопки можно назвать одними из первых зафиксированных в истории ограблений и, несмотря на колоссальный вред историко-культурному наследию, они также являются частью истории археологии и оказали определенное влияние на формирование понятий археологического источника в контексте истории.

Результаты. Завершая обзор античности в свете темы, отметим, что в позднее античное время исследованиями археологического толка, в контексте толкования материальных остатков как исторического свидетельства, можно считать мысли греческого писателя и географа II века н.э. Павсания, который в своем сочинении «Описание Эллады», сравнивая гомеровское описание с собственными наблюдениями о материале сохранившегося в храмовых коллекциях оружия времен троянской войны, а именно копье Ахилла и меч Мемнона, утверждает о повсеместном бытовании в определенное время медных (бронзовых прим. мое) предметов вооружения [17, с. 198].

В I тыс. н.э. и в средние века, в силу варваризации и последующих религиозных ограничений, исследования археологического толка, впрочем, как и остальные отрасли науки (по крайней мере в Европе) практически сошли на нет.

Из исследований этого времени, имеющими отношения к археологическому источниковедению, разве что можно назвать работы по поиску и сбору, в том числе и при помощи раскопок христианских реликвий, в основном в период крестовых походов и властвования христиан в Константинополе [18]. Оговаривая достаточно значительную условность принадлежности определенных предметов к тем или иным религиозным персонажам, все же нужно отметить ценность этих образцов вооружения, культа и т. д. (к примеру копье Лонгина, которым был заколот

Иисус, крест на котором он был распят и мн. др.) как исторических источников по раннему и развитому средневековьям Ближнего Востока и Европы.

С поиском христианских реликвий связано и зарождение так называемой библейской археологии, которая, основываясь на данных о разного рода артефактах, образцах древней архитектуры, образа жизни и других данных из текста библии и других христианских религиозных трактатов, ставит перед собой цель полной исторической реконструкции в хронологических рамках этих писаний [19].

Можно сказать пару слов об ограблениях египетских пирамид арабским халифом аль-Маммуном в VIII-IX вв. н.э., несмотря на практически нулевую научную составляющую его деяний, на их основе в творчестве ряда арабских ученых можно почерпнуть некоторую информацию о конструкции, погребальном инвентаре и др. погребений фараонов, что тоже, с определенной натяжкой, может быть расценено как использования материальных данных в исторических реконструкциях [20, с. 31-48].

Тут важно сказать и о трудах авторов средневековья, в особенности хотелось бы отметить этот момент в контексте истории Казахстана – ряд арабских и персидских ученых и путешественников, а также представители Европы – Плано Карпини, Марко Поло и Вильгельм Рубрук - оставили ценнейшие сведения о жизни и культуре средневекового населения на территории современного Казахстана и Евразии в целом. Определенная степень их обобщений и выводов основывается на увиденных им лично явлениях, а также предметах хозяйства, быта, религии и т. п. [21-24].

Ситуация в развитии мировой археологии меняется ближе к концу средневековья, конкретно в эпоху возрождения, и связано это с популярностью в то время предметов искусства древней Греции и Рима, а именно античных статуй. Данный период условно можно назвать началом сбора и накопления первичного археологического материала, полученного путем грабительских раскопок, которые впоследствии оказали существенное

влияние на становление археологии как науки [25].

Итак, в XV-XVIII вв. в Европе повсеместное распространение получает практика грабительских раскопок, некоторые из которых впоследствии перетекали в первые научные исследования археологических памятников – это раскопки на территории римских городов Геркуланума, Помпей и Стабий, начатые в первой половине XVIII века [15, с. 13]. Это, пожалуй, одни из немногих памятников, научные изыскания на которых продолжаются по сей день и демонстрируют историю развития археологии от искусствоведческой дисциплины до академического научного направления, специализирующегося на синтезе и анализе материальных остатков в качестве исторического источника.

Неоценимый вклад в становление археологической науки и научного восприятия материальной культуры прошлого именно как исторического источника был внесен кругом европейских просветителей и ученых XV-XVIII веков, среди которых хотелось бы назвать имена Кириака Анконского – одного из первых исследователей древности античного мира и Египта, Юлия Помпония Лета – основателя «Римской академии» по изучению античной культуры, в том числе и артефактов, Георгиуса Агриколы – оставившего ряд ценных сведений о горном деле древности и каменных орудиях, Михаила Меркати, который на основании многолетних изысканий достаточно твердо обосновывает принадлежность каменных орудий и оружия к древним людям, Бернара де Монфокона – первого систематизатора античных древностей, Иоганна Иоахима Винкельмана – основоположника античной археологии и классицизма в искусствоведении, а также целой плеядой представителей науки и культуры, в той или иной степени бывших пионерами археологии [3, с. 12-21; 15, с. 10-16].

В рамках рассматриваемого временного диапазона следовало бы вернуться к термину «археология», так как после довольно долгого забвения он вновь появляется в лексиконе европейской науки во второй половине XVIII века, но в это время уже

используется как обозначение истории искусства, в основном античного времени, первый документально зафиксированный факт употребления термина «археология» в указанном смысле – это курс лекций в Геттингенском университете «Archäologie der Kunst des Altertums, insbesondere der Griechen und Römer» (Археология искусства древности, преимущественно греков и римлян), прочитанный в 1767 году немецким ученым Христином Готлибом Гейне [3, с. 25, 26]. В этом смысле термин употребляется вплоть до XIX века, пока постепенно не был сменен понятием, что археология – это наука об истории человечества, основанная на вещественных свидетельствах. Однако в первое время это также относилось сутобо к античности, и лишь со временем в орбиту интересов археологии включались так называемые христианская (библейская), восточная, первобытная археология и т. п. [3, с. 26, 27-31; 25, с. 11, 12; 26, с. 237-257]. Как считают ученые, суть того, что археология в указанное время относилась к искусствоведению, по всей вероятности, еще и в том, что долгое время материальные древности считались неидентифицируемыми, и их проще было назвать «предметами искусства античных времен» или иных древних эпох [3, с. 26]. Устранением этого и по факту началом научного отношения к вещественным предметам прошлого как к историческим источникам можно назвать изыскания скандинавских ученых – предположения, высказываемые на протяжении долгого времени, в том числе и датскими учеными, антикварами и др. (Петер Сум, Скули Торлацус, Ведел-Симонсен и Магнус Бруцелиус) [26, с. 215] о последовательности эпох в истории человечества с основой на смену преобладающего производственного материала доминанта, наконец, находят подтверждение в исследованиях Кристина Юргена Томсена – в 1836 году ученый классифицировал коллекции Копенгагенского музея, разделив все имеющиеся артефакты по материалам изготовления – каменные, бронзовые и железные [26, с. 215-221]. Несмотря на то, что периодизация, предложенная

К. Томсеном, имела много слабых мест и конечно, во многих моментах не выдерживает критики в свете современной науки, это был один из первых, обоснованных научным материалом фактов использования данных археологических памятников в качестве исторического источника. Периодизация Томсена, несмотря на серьезный скептицизм некоторых ученых, со временем стала общепринятой для всей мировой науки и во многом благодаря его соотечественнику и последователю Иенсу Якову Ворсо, который, организовав систематические раскопки курганов и поселений Скандинавии, собрал обширный археологический материал и на его основе более весомо обосновал теорию Томсена и внес ряд важнейших методических приемов по обработке данных археологических раскопок и использованию их результатов в качестве исторического источника. К примеру, зафиксировав разницу в погребальном обряде и сопроводительном вещевом комплексе захоронений, ученый создал первую в мире хронологическую шкалу памятников бронзового века. Другой датский ученый Свен Нильсон в определенной степени развил идеи Томсена и Ворса, а также на основе археологических и этнографических источников создал эволюционистскую культурно-историческую концепцию, разделив историю человечества на четыре стадии – дикость, номадизм, земледелие и цивилизация, несмотря на более чем значительную условность данной периодизации в современных условиях, это было прорывом для науки того времени [15, с. 19; 26, с. 221-227].

Система трех веков, разработанная в Скандинавии и к текущему моменту универсальная для большей части евразийского и др. континентов, не могла быть принята американской археологией, так как металлов здесь практически нет, а каменные орудия не показывают достаточных технологических отличий для дифференциации. По этой причине основным методом хронологической датировки здесь выступила стратиграфия, развитие которой в Северной Америке произошло благодаря Томасу Джефферсону,

Фредерику Вард Патнэму и Юго-Западной лаборатории классической археологии [27, с. 72].

Всеобщее признание системы трех веков и развитие археологии во второй половине XIX века шло параллельно с распространением эволюционных течений и учений, в частности – теория культурогенеза Льюиса Генри Моргана, социогенеза Иоганна Якоба Бахофена, религиогенеза Герберта Спенсера и Эдуарда Бернетта Тэйлора, и, конечно же, теория антропогенеза Чарльза Дарвина [15, с. 17]. Некоторые первые ученые-археологи, сторонники эволюционизма, поставили археологию на службу по доказательству этой теории на взаимовыгодных условиях. Здесь, параллельно затрагивая понимание и толкование термина «археология» в контексте темы раздела, хотелось бы отметить, что на рубеже XIX и XX веков, несмотря на определенное разночтение в предмете и объекте исследований, формируется представление об археологии как о науке, изучающей историю человечества по материальным остаткам, появляются многочисленные научные общества и организации археологического толка [3, с. 26-46]. Одними из первых серьезных работ по рассмотрению археологических памятников как исторических источников того периода считаются исследования французского ученого, яркого сторонника эволюционизма, Луи Лоран Габриеля де Мортилье – им создана первая в мире классификация каменного века на основе археологического материала, а именно по специфическим отличиям каменных орудий [15, с. 24, 25; 26, с. 328-334], с некоторыми изменениями и дополнениями она актуальна в мировой науке по сей день. Необходимо подчеркнуть, что огромный вклад в использование и интерпретацию археологических памятников в качестве исторических источников внесли исследования европейских ученых XIX века. Именно на основе сугубо археологического материала были созданы общеизвестные и общепринятые на сегодняшний день хроно- и иные деления каменного века и других эпох, обоснованные

исследователями по специфическим особенностям археологического материала – археологических памятников с артефактами и иными средствами жизнеобеспечения, с характерными отличиями присущими той или иной эпохе. Велика в этом заслуга таких деятелей и ученых, как Жак Буше де Кревкёр де Перт, Джон Хукхэм Фрер, Франсуа Ватар де Жуаннэ, Джон Леббок, Джон Грэхем Дуглас Кларк, Артур Джон Эванс, Анри Брейль, Чарльз Лайель, Эдуард Лартэ и мн. др. [15, с. 19-35; 26, с. 265-334, 390-453]. К примеру, считающийся одним из основателей палеолитоведения Буше де Перт пытался обосновать каменные орудия, обнаруженные им в местности Аббевиль во Франции, как источники по праистории человечества [28, с. 30-49]. Также могущий претендовать на звание одного из основоположников дописьменной археологии Джон Фрер на основании своих наблюдений залегания каменных орудий в слоях сделал ряд важных с позиции геологического и геоморфологического датирования выводов, и здесь археологические артефакты выступили в роли ключевых исторических источников [26, с. 266]. Франсуа де Жуаннэ в первой половине XIX века осуществлял опережающие свое время комплексные исследования археологических материалов палеолита – проводил химические анализы, путем экспериментов реконструировал методику исполнения каменных орудий, основываясь на различиях в технике изготовления и степени обработки, дифференцировал артефакты на ранние и поздние [26, с. 267], т.е. путем применения инновационных для своего времени методов вел научные изыскания с целью получения из археологических источников наиболее полной научной информации. Джон Леббок (в некоторых источниках Лаббок) на основе внимательного изучения археологических источников, в данном случае рассматривая технические различия каменных орудий, предложил краеугольную в современной исторической науке периодизацию – палеолит и неолит [26, с. 326]. Джон Дуглас Кларк в результате разностороннего изучения постпалеолитических материалов научно

обосновал эпоху мезолита [29], который, как считается, был выделен Ходдэром Уэстропом в 1866 г. и утвержден в науке Алленом Брауном и рядом других ученых [30, с. 19]. Тут очевидно стопроцентное использование археологических материалов в качестве безальтернативного исторического источника.

Однозначно, что каждый из вышеперечисленных ученых внес весомый вклад в изучение археологических материалов в качестве исторического источника по древним этапам человечества, в том числе по самому долгому и сложному периоду – эпохе камня.

Не менее важны для источниковедения археологии труды шведского археолога Густава Оскара Августина Монтелиуса, автора одного из самых распространенных методов исследования в археологии – типологии. Монтелиус, разделив археологические материалы на типы, проследил их эволюционную линию по мере изменения и совершенствования того или иного типа предметов, далее, сопоставив типы вещей с артефактами из других регионов земного шара, ученый получил хронологическую шкалу археологических памятников Скандинавии [31, с. 26-28], по которым практически отсутствовали какие-либо письменные данные, т. е. археологический материал здесь выступил единственным и полноценным историческим источником.

Необходимо упомянуть и ученых, которые на основе археологического материала обосновали важнейший период в истории человечества – эпоху первого металла. Венгерский ученый Ференц Аурел Пульский в 1876 году выдвигает предложение о выделении в особую эпоху времени использования человеком медной руды в качестве каменных орудий. Известный французский химик Пьер Эжен Марселен Бертло в 1889 году на основе химических анализов доказывает, что первые орудия из металла были медными. В конце XIX века итальянские археологи Луиджи Пигорини, Паоло Орси и др. для обозначения меднокаменного века вводят термин «энеолит» [32, с. 7].

Рубеж XIX и XX веков можно считать в определенной степени временем относительного единения мнений ученых и научных школ Евразии в понимании археологии как исторической науки, базирующейся на вещественных источниках. К примеру, видный немецкий археолог Эдуард Гергард считал, что археология – это основанные на монументальном знании вещественные источники (по мнению Жебелева), часть исторической науки [3, с. 27, 28]. Однако в первой половине XX века появляются разногласия и это относится, в первую очередь, к молодой советской науке – термин «археология» признается буржуазным и заменяется обозначением «история материальной культуры», хотя спустя непродолжительное время термин археология «реабилитируется» [33, с. 446-456; 34, с. 4], но в науке советских и современных постсоветских стран два вышеприведенных обозначения как синонимы используются довольно часто и по сей день. Также в первой половине двадцатого столетия в некоторых странах Европы и Америки археология начинает восприниматься как сутобо полевая дисциплина, ориентированная на практические исследования археологических памятников, и зарождается тенденция о большей компетентности в обработке ее полевых материалов истории, палеонтологии, социологии, антропологии и др. наук [34, с. 471-476]. Этот подход доминирует в современной науке некоторых стран, причины этого раскрыты в следующих главах работы.

Если в начале своего развития археологическое источниковедение носило чисто вещеведческий и нарративный характер и было временем накопления практического материала, то в XIX – начале XX вв. уже появляются первые серьезные исследования теоретического характера, ориентированные на понимание объекта и предмета археологии, места археологии в системе исторической науки и важнейших ее отраслей – источниковедения, методологии науки и пр. Первой такой серьезной работой первой половины XX века можно назвать труд С.А. Жебелева. В своем изданном в 1923 году

двухтомном труде «Введение в археологию» ученый приводит подробную и актуальную на тот момент научную информацию касательно истоков археологической науки, истории термина «археология», историографии археологических исследований в Европе и в России, раскрывает этапы и циклы развития археологии как исторической дисциплины, базирующейся на вещественных источниках, специфику предмета археологии и основные категории археологического источника. Также описываются распространенные в то время методы археологических исследований, анализируются проблемы охраны памятников, рассматриваются вопросы взаимодействия археологии с другими отраслями науки и т. д. [3]. Не менее важны в утверждении археологии в ипостаси науки, изучающей историю по материальным источникам, труды таких видных ученых российской науки XVIII – первой половины XX вв., как Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский, Борис Владимирович Фармаковский, Василий Алексеевич Городцов, Алексей Сергеевич Уваров, Артемий Владимирович Арциховский, Владислав Иосифович Равдоникас, Михаил Илларионович Артамонов и мн. др. [35].

Европейская археология XIX – первой половины XX вв. тесно связана с развитием еще одной важной отрасли исторической науки – этнологии. На начальном этапе, в XVIII веке, это показано тем, что для объяснений тех или иных аспектов древней материальной культуры делались попытки привлечения в качестве аналогий этнографических данных о жизни и быте американских и других первобытных и традиционных культур, в отмеченное время это в основном выражается в адаптации методов и фундаментальных идей этнологических школ под археологические исследования. Если говорить конкретно, то это школы эволюционизма и диффузионизма. Распространение первого течения относится к XVIII-XIX векам и связано с именами Эдварда Бернетта Тэйлора и Льюиса Генри Моргана [27, с. 73]. Ярким представителем второй школы и ученым, определившим развитие европейской археологии в первой

половине XX века, был Вир Гордон Чайлд, использовавший археологические материалы в контексте источников по социальной и экономической структуре древних обществ, и именно им, по итогам многолетнего изучения объемных археологических данных, введены в историческую науку ставшие сейчас фундаментальными в ранней истории понятия как «неолитическая революция», «урбанистическая революция» и «археологическая культура» [27, с. 79]. Несмотря на то, что теория диффузионизма, провозглашающая возникновение культурных и иных явлений в одном месте с последующим повсеместным распространением, на данный момент часто критикуется, и ученый отдавал порой чрезмерное предпочтение теории марксизма, исследования Чайлда являются ярким примером научно корректного использования первичного археологического материала в качестве полноценного исторического источника по разного рода аспектам жизни древних и средневековых культур и цивилизаций.

Также в числе пионеров восприятия археологического материала в ипостаси исторического источника в XIX – первой половине XX вв. необходимо упомянуть таких европейских ученых, как немецкие ученые Генрих Шлиман, Густав Коссина, Альфред Руст, французские ученые Вальдемар Деонна и Гастон Масперо, британские археологи Уильям Мэттью Флиндерс Питри, Говард Картер и мн. др. [26; 27, с. 48, 65-68].

На исходе первой половины XX века и в первые десятилетия второй половины в археологической науке возрастает влияние американских ученых и связано это с возникновением так называемой «новой археологии», основателями которой можно считать Джулиана Стюарда, Уолтера Тэйлора и Льюиса Бинфорда. Адепты нового течения в археологии подвергли критике сугубо «вещеведческую» и хроноидентифицирующую ориентированность археологов и призывали обращать больше внимания на изучение конкретных культурных процессов, именно по этой причине новую школу принято еще называть

«процессуальной археологией» [27, с. 84-85; 34, с. 229-307]. Это течение можно назвать новым этапом в понимании информации, полученной при помощи археологических исследований – если академическая археология тех дней (в большинстве своем и современности) ограничивалась лишь точной механической фиксацией информации с последующими достаточно обоснованными или узкоспециализированными выводами и основной целью исследований являлась датировка памятника и через нее культуры или историко-культурной общности, то новая археология предполагала более детальное изучение каждого археологического памятника с позиции системного взаимодействия человека с окружающей средой, как с природной, так и созданной им самим [34, с. 229-307], т.е., если говорить с позиции рассматриваемой в данной диссертации темы, археологические материалы должны рассматриваться не только как исторические источники, но и как источники по антропологии, социологии, культурологии и другим отраслям науки, помогающим реконструировать комплекс бытийных процессов индивида и социума в целом.

Археология XX века, по мере накопления практического материала и прогресса общенаучных методов и методологии интерпретации и систематизации комплекса данных, характеризуется развитием так называемой теоретической археологии, видным представителем которой является известный теоретик археологии Лев Самуилович Клейн. В изданной в 1978 году книге «Археологические источники» ученый пересматривает устоявшиеся на тот момент представления об археологических источниках – основной целью археологического источниковедения определяется не изучение прошлого по вещественным источникам, а тщательное изучение самого источника, который в ходе и в результате этого исследования может дать определенную информацию о прошлом. Рассматриваются транзит объективной информации от реального события до

археологического источника и как это все воспринимается исследователем. Со слов самого Клейна основные положения его книги перекликались с догмами широко распространявшегося в то время научного течения – «поведенческой археологии», представители которой были яркими противниками ранее отмеченной «новой археологии». Мнения сходились в том, что до использования археологического материала в качестве источника для реконструкции определенного исторического процесса необходимо постичь, как формировался сам источник [36, с. 15-17]. Ученым издан целый спектр теоретических трудов по археологии, проделана колоссальная работа по систематизации массива теоретических знаний археологической науки как источниковедческой дисциплины и по истории археологии [36, с. 15-39]. Более подробно научные мысли и идеи ученого, а также оценка автора, будут приведены в следующих главах.

Из числа трудов советских археологов второй половины XX века по теоретическим аспектам понимания археологического материала в контексте исторического источника и по истории археологии, наряду с трудами Л.С. Клейна, следует назвать работы Владимира Федоровича Генинга «Объект и предмет науки в археологии», «Структура археологического познания», «Археологическая теория и теоретическая археология», Юрия Николаевича Захарука «О методологии археологической науки и ее проблемах», «Археология: наука историческая или источниковедческая?», Игоря Сергеевича Каменецкого, Бориса Ильича Маршака, Якова Абрамовича Шера «Анализ археологических источников: (Возможности формализованного подхода)», Вадима Николаевича Боряза «Природа археологического источника и объект археологии как науки», Вадима Михайловича Массона «Исторические реконструкции в археологии», Бориса Александровича Рыбакова «Историзм археологии», Михаила Васильевича Аниковича. Особенно отличаются своей остротой и радикальностью

критики методологии и теоретической части археологических исследований советской и постсоветской науки работы известного советского и российского археолога Александра Александровича Формозова. Помимо указанных ученых хотелось бы отметить и исследования таких известных теоретиков советской археологии, как Герман Алексеевич Федоров-Давыдов, Юлия Леонидовна Щапова, Юрий Павлович Холюшкин, Вера Борисовна Ковалевская, Вадим Сергеевич Бочкарев, Геннадий Павлович Григорьев, Евгений Михайлович Колпаков, Сергей Александрович Васильев, Глеб Сергеевич Лебедев, Ольга Михайловна Мельникова и мн. др. [37; 38].

Такого рода исследования теоретико-методологического характера во второй половине XX века имели место и в европейской, и в американской науке. Наиболее примечательными среди них являются «Теоретическая археология» (Une Archeologie theorique) французского археолога Жан-Клода Гардена, «Аналитическая археология» (Analytical Archaeology) английского ученого Дэвида Леонарда Кларка, «Археология: теории, методы, и практика» (Archaeology: Theories, Methods, and Practice) археологов-теоретиков Эндрю Колина Ренфрю и Пола Бана, «Метод и теория в американской археологии» (Method and Theory in American Archaeology) Гордона Уилли и Филипа Филипса, «Приглашение в археологию» (Invitation to Archaeology) американского исследователя Джеймса Дитца, «Введение в праисторию: системный подход» (Introduction to prehistory: a systematic approach) американского исследователя Ирвина Роуза, «История археологической мысли» (A History of Archaeological Thought) канадского археолога Брюса Грэхэма Триггера, «Археологическое объяснение: исследовательский метод в археологии» (Archeological explanation: the scientific method in archaeology) американских археологов Пэтти Джо Уотсона, Стивена ЛеБлана и Чарльза Редмана, «Культурная история классической археологии» (Kulturgeschichte der klassischen Archäologie) немецкого

ученого Гельмута Зихтермана и мн. др. ранее указанные и использованные в иных главах данной работы труды отмеченных и других ученых, специализированные сборники, материалы конференций и пр.

Необходимо также отметить круг научных исследований, посвященных определенной категории археологических предметов или видов историко-культурного наследия, к примеру анализ керамической индустрии, древнего и средневекового костюма, зеркал и прочих образцов материальной культуры в контексте исторического источника [39-41].

Заключение. В осмыслении археологического материала в качестве исторического источника на текущий день в археологии нашей страны, ближнего и дальнего зарубежья прослеживается влияние трех научных направлений – первое из которых это собственно археология классического толка, основы которой заложены в начале XX века и основная цель которой – реконструкция прошлого при помощи археологических источников, научные нюансы и проблемы данного направления рассматриваются в следующих разделах главы; второе – это процессуальная археология, которая видит в археологическом источнике многофункциональную информационную систему, могущую дать комплекс данных по разного рода культурно-историческим процессам; и третье – это постпроцессуализм или, как его еще называют, постмодернизм в археологии, это течение состоит из нескольких традиций археологического исследования. Основная идея этого направления – это тщательное разностороннее изучение самого археологического источника и как результат получение максимально возможной объективной информации по разного рода аспектам жизни древних и средневековых культур, отличие этого учения от процессуальной археологии – здесь считают, что при реконструкции прошлого представители «новой археологии» склонны опираться на свой жизненный опыт и мышление, не пытаясь восстановить возможные культурные и др. установки того

народа или племени, оставившего изучаемые артефакты. Постпроцессуальная археология объединяет в себе такие направления, как когнитивная, феминистская, контекстная археология и неомарксизм [42].

Отметим, что на современном этапе, начиная с 90-х годов XX века теоретико-методологические исследования в археологии постсоветского пространства, в том числе и в контексте анализа археологических материалов как исторического источника, за редким исключением, стагнируют, мало дискуссий и полемик, старое поколение уходит, до недавнего времени активно

издавал исследования фундаментального характера лишь Л.С. Клейн, без активного оппонирования. В этом заключается одна из причин того, что в российской археологии, по признанию самих ученых, доминирует концепция о принадлежности археологии к источниковедению [43, с. 9].

Однозначно, что эпигонство ничего хорошего археологической науке не сулит и всем практикующим ученым-археологам в обязательном порядке необходимо обратиться к вопросам теоретико-методологического характера, хотя бы в рамках своих тем исследований.

Список литературы

- 1 Боровский Я. М. Фукидид. История. (Серия «Классики исторической мысли»). / Пер. и примеч. Г.А. Стратановского / Я. М. Боровский. - Москва: Ладомир-АСТ, 1999. - 736 с.
- 2 Платон - Полное собрание творений Платона в 15 томах. Т.IX: Гиппий Большой. Гиппий Меньший. Ион. Менексен. Клитонфонт / Платон. – Ленинград: Академия, 1924.- 144 с.
- 3 Жебелев С.А. Введение в археологию /С.А. Жебелев. – Санкт-Петербург: Наука и школа, 1923. - 199 с.
- 4 Геродот. История. (Серия «Памятники исторической мысли») / Геродот. – Ленинград: Наука, 1972. - 600 с.
- 5 Медведев А.П. Гелон Геродота: к проблеме соотношения античного нарратива и историко-археологических реалий // Межвузовский сборник научных трудов «Античный мир и археология». – Саратов, 2002. - № 11. - С. 131-140.
- 6 Белявский В.А. Вавилон легендарный и Вавилон исторический / В.А. Белявский. - Москва: Ломоносовъ, 2011. - 272 с.
- 7 Вулли Л. Ур халдеев / Л. Вулли. - Москва: Изд-во восточной литературы, 1961. - 256 с.
- 8 Крамер С. Шумеры. Первая цивилизация на Земле / С. Крамер. - Москва: Центрполиграф, 2002.- 384 с.
- 9 Афанасьева В.К., Луконин В.Г., Померанцева Н.А. Искусство Древнего Востока / В.К. Афанасьева, В.Г. Луконин, Н.А. Померанцева. – Москва: Искусство, 1976. - 375 с.
- 10 Дандамаев М.А. Иран при первых Ахеменидах / М.А. Дандамаев. – Москва: Изд-во восточной литературы. 1963. - 292 с.
- 11 Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Н.Я. Бичурин. - Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1950. - 381 с.
- 12 Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции / Н.А. Кун. - Москва: Гелеос, 2007. - 560 с.
- 13 Овидий Назон Публий. Метаморфозы / Овидий Назон Публий. - Москва: Художественная литература, 1977. - 430 с.
- 14 Лукреций Тит. О природе вещей / Лукреций Тит. - Москва: Художественная литература, 1983. - 386 с.
- 15 Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Каменный век / А.Л. Монгайт. - Москва: Наука, 1973. - 355 с.
- 16 Страбон. География в 17 книгах. (Серия «Классики науки») / Страбон. - Москва: Наука, 1964. - 944 с.
- 17 Павсаний. Описание Эллады /Павсаний. - Москва: Ладомир, 2002. - 982 с.

- 18 Яцык С. Краткая история реликвий // Онлайн журнал «Академия Арзамас». - [Электрон. ресурс]. - 2019. - URL <https://arzamas.academy/mag/421-reliq>. (дата обращения 04.05.2019).
- 19 Мерперт Н.Я. Очерки археологии библейских стран / Н.Я. Мерперт. - Москва: Б-БИ, 2000. - 355 с.
- 20 Замаровский В. Их величества пирамиды. (Серия «По следам исчезнувших культур Востока») / В. Замаровский. - Москва: Наука, 1981. - 447 с.
- 21 Абусеитова М.Х. История Казахстана в арабских источниках / М.Х. Абусеитова. - Алматы: Дайк-Пресс, 2005. - 273 с.
- 22 Абусеитова М.Х. История Казахстана в персидских источниках / М.Х. Абусеитова. - Алматы: Дайк-Пресс, 2005. - 410 с.
- 23 Кумкес С.Н. Книга Марко Поло / С.Н. Кумкес. - Москва: Гос. изд-во геогр. литературы, 1956. - 378 с.
- 24 Шастина Н.П. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Н.П. Шастина. - Москва: Гос. изд-во геогр. литературы, 1957. - 272 с.
- 25 Амальрик А.С., Монгайт А.Л. В поисках исчезнувших цивилизаций / А.С. Амальрик, А.Л. Монгайт. - Москва: Наука, 1966. - 279 с.
- 26 Клейн Л.С. История археологической мысли / Л.С. Клейн. - Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2011. - 688 с.
- 27 Фаган Б., ДеКорс К. Археология. Вначале / Б. Фаган, К. ДеКорс. - Москва: Техносфера, 2007. - 592 с.
- 28 Ларичев В.Е. Прозрение: рассказы археолога о первобытном искусстве и религиозных верованиях. - М: Политиздат, 1990. - 223 с.
- 29 Кларк Д. Доисторическая Европа. Экономический очерк. Пер. с англ. М.Б.Граковой-Свиридовой / Д. Кларк. - Москва: Изд-во иностранной лит-ры, 1953. - 332 с.
- 30 Бердникова Н.Е. Мезолит как исследовательская традиция. Часть 1. В поисках идентификации. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: геоархеология. этнология. антропология. - 2014. - Т. 8. - С. 15-30.
- 31 Амальрик А.С., Монгайт А.Л. Что такое археология / А.С. Амальрик, А.Л. Монгайт. - Москва: Просвещение, 1966. - 252 с.
- 32 Гребенюков В.И. Энеолит как понятие археологической периодизации и систематизации в отечественной историографии (до конца 80-х гг. XX века) // Вестник Нижневартского государственного гуманитарного университета, 2014. - №2. - С. 7-14.
- 33 Кудрявцев А.А. О переименовании Института истории материальной культуры в Институт археологии АН СССР в 1959 г. // КСИА. - 2019. - № 256. - С. 446-456.
- 34 Клейн Л.С. История археологической мысли / Л.С. Клейн. - Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2011. - 624 с.
- 35 Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX - первая треть XX века. - Санкт-Петербург: Нестор-История, 2010. - 316 с.
- 36 Клейн Л.С. Диалоги. Теоретическая археология и не только / Л.С. Клейн. - Санкт-Петербург: Евразия, 2018. - 368 с.
- 37 Клейн Л.С. История российской археологии. Учения, школы и личности / Л.С. Клейн. - Санкт-Петербург: Евразия, 2014. - 628 с.
- 38 Мельникова О.М. Научные школы в археологии: автореферат дисс. доктора ист. наук. - Ижевск, 2004. - 56 с.
- 39 Глушков И.Г. Керамика как исторический источник / И.Г. Глушков. - Новосибирск: Изд-во ИАИЭ СО РАН, 1996. - 328 с.
- 40 Яценко С.А. Костюм племен Пазырыкской культуры Горного Алтая как исторический источник // ВДИ, 1999—№ 3. - С. 145-170.
- 41 Тишкин А.А., Серегин Н. Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая. - Барнаул: Азбука, 2011. - 144 с.
- 42 Кузнецов О.В. Процессуализм и постпроцессуализм в современной археологической теории // Известия Лаборатории древних технологий ИрГТУ. Вып. 2. 2004. - С. 19-23.
- 43 Аникович М.В. Методология археологии и новые подходы к изучению верхнего палеолита Евразии: Избранные лекции. - Новосибирск: Изд-во НГУ, 2010. - 56 с.

Е.М. Кариев¹, Д.Б. Самратова²¹Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан²«Берел» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығы,
Қатонқарағай ауданы, Шығыс Қазақстан облысы, Қазақстан**Археологиялық ескерткіштер тарихи дереккөз ретінде: тарихнамалық шолу**

Аңдатпа. Өткен замандардың заттай қалдықтары тарих ғылымының маңызды дереккөзі екені баршаға мәлім. Сонымен қатар, «заттай ескерткіштер тарих зерттеулерінің құралы және археология тарихи ғылымдар санатына жатады» деген ұғым бірден жалпыға ортақ болмағаны белгілі - бұл ғылым өткеннің жалпы көрінісі және өнертану бөлімінен өзінің жеке зерттеу нысаны, әдіснамасы және әдістері бар дербес ғылым саласына дейінгі әкелген қиын және ұзақ жол кешті. Археологияның тарихына, археологиялық ойларға және зерттеулерге арналған біраз еңбектер жарық көрген, бірақ олардың басым бөлігінде заттай деректер даусыз тарихи деп түсініледі немесе ашық түрде «археологиялық дерек» деген ұғым алға қойылады, мұны ғылымдағы ерекшеленуге деген талпыныс деп болжауға болады. Қазіргі заманның мұқтаждықтары заттай қалдықтарды тарихи дерек ретінде қабылдау шегіндегі қалыптасқан ойларды және тұжырымдарды қайта қарау керек екендігін көрсетеді, бұл, әрине, бірінші кезекте, мәселенің тарихнамасынан басталатыны сөзсіз. Назардағы мақалада заттай деректердің адамзаттың өткен шағы бойынша дереккөз ретінде қабылдау және қолдану тарихы қарастырылуда. Аталған мәселе бойынша жалпы түсінікті қалыптастыру үшін мақалада көне заманнан қазіргі кезеңге дейінгі уақытты қамтитын және заттай деректерді өткен шақты қалпына келтірудегі тікелей, баламалы және қосымша түрде қолдануды қарастыратын кең тарихнамалық шолу жүзеге асырылуда.

Түйін сөздер: археология; заттай қалдықтар; тарихи дерек; тарихнама.

Y.M. Kariyev¹, D.B. Samratova²¹Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan²State Historical and Cultural Reserve-Museum «Berel», East kazakhstan region, Kazakhstan**Archaeological sites as a historical source: historiographical overview**

Abstract. As we know, the material objects of the past are the most important sources of historical science. Also, we are aware that material monuments were not immediately included in the orbit of interests of history. Archaeology is recognized as a field of history. It has come a long and difficult way from general evidence of the past and art history to an academic discipline with its base of sources, methodology and other inherent attributes of a full-fledged scientific unit. There are many works on the history of archaeology, archaeological thought and archaeological research of different scale and nature, where the material sources are historical, or this issue is ignored and the concept of «archaeological source» is openly emphasized. It reflects separative trends in archaeology. In the realities of the current day there is an urgent need to revise the prevailing views and perspectives in the understanding of material evidence as a historical source. It is more than obvious that it should begin with the historiography of the problem. In the present article the history of perception and use of material evidence as a source on the past of mankind is considered. For the completeness of the general presentation in the article a detailed historiographical excursus is carried out, which covers the period from antiquity to the present and considers facts of intentional, indirect, and contextual use of material remains in the reconstruction of the past.

Key words: archaeology; the material remain; historical sources; historiography.

References

- 1 Borovsky J. M. Fukidid. Istoriya. Seriya «Klassiki istoricheskoy my'sli» [History. Series «Classics of Historical Thought»] (Ladimir-AST, Moscow, 1999, 736 p.) [In Russian].

- 2 Plato. Polnoe sobranie tvorenij Platona v 15 tomakh [Plato's complete works of in 15 volumes.], (Academia, Leningrad, 1924, 144 p.) [In Russian].
- 3 Zhebelev S.A. Vvedenie v arxeologiyu [Introduction to Archaeology] (Nauka i shkola, St. Petersburg, 1923,) Part I, 199 p. [In Russian].
- 4 Gerodot. Istoriya. (Seriya «Pamyatniki istoricheskoy my`sli») [History. (Series «Monuments of Historical Thought»)]. (Nauka, Leningrad, 1972, 600 p.) [In Russian].
- 5 Medvedev A.P. Gelon Gerodota: k probleme sootnosheniya antichnogo narrativa i istoriko-arxeologicheskix realij [Gelon of Herodotus: on the Problem of correlation between the Ancient narrative and historical and archaeological realities]. Antichny`j mir i arxeologiya. [Interuniversity collection of scientific papers "Ancient world and archaeology"], 11, 131-140(2002). [In Russian].
- 6 Belyavskij V.A. Vavilon legendarny`j i Vavilon istoricheskij [Babylon is legendary, and Babylon is historical.] (Lomonosov, Moscow, 2011, 272 p.) [In Russian].
- 7 Vulli L. Ur xaldeen [Ur of the Chaldees] (Izd-vo vostochnoj literatury`, Moscow, 1961, 256 p.) [In Russian].
- 8 Kramer S. Shumery`. Pervaya civilizaciya na Zemle [The Sumerians. The first civilization on Earth] (Centropoligraf, Moscow, 2002, 384 p.) [In Russian].
- 9 Afanas`eva V.K., Lukonin V.G., Pomeranceva N.A. Iskusstvo Drevnego Vostoka. [The Art of the Ancient East] (Iskusstvo, Moscow, 1976, 375 p.) [In Russian].
- 10 Dandamaev M.A. Iran pri pervy`x Axemenidax [Iran under the first Achaemenids] (Izd-vo vostochnoj literatury`, Moscow, 1963, 292 p.) [In Russian].
- 11 Bichurin N.Ya. Sobranie svedenij o narodax, obitavshix v Srednej Azii v drevnie vremena [Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times] (Izd-vo Akademii nauk SSSR, Moscow; Leningrad, 1950, 381 p.) [In Russian].
- 12 Kun N.A. Legendy` i mify` Drevnej Grecii [Legends and myths of Ancient Greece] (Geleos, Moscow, 2007, 560 p.) [In Russian].
- 13 Ovidij Nazon Publ. Metamorfozy` [Metamorphoses] (Xudozhestvennaya literature, Moscow, 1977, 430 p.) [In Russian].
- 14 Lukrecij Tit. O prirode veshhej [On the nature of things] (Xudozhestvennaya literature, Moscow, 1983, 386 p.) [In Russian].
- 15 Mongajt A.L. Arxeologiya Zapadnoj Evropy`. Kamenny`j vek [Archaeology in Western Europe. Stone Age] (Nauka, Moscow, 1973, 355 p.) [In Russian].
- 16 Strabon. Geografiya v 17 knigax. (Seriya «Klassiki nauki») [hy in 17 books. (Series «Classics of Science»)]. Per., stat`ya i komm. G.A. Stratanovskogo [Translation, article, and comments by G. A. Stratanovsky] (Nauka, Moscow, 1964, 944 p.) [In Russian].
- 17 Pavsaniy. Opisanie E`llady` [Description of Hellas] (Ladomir, Moscow, 2002, 982 p.) [In Russian].
- 18 Yacyk S. Kratkaya istoriya relikvij [Brief history of relics]. Onlajn zhurnal «Akademiya Arzamas» [Online magazine «Academy Arzamas»]. Available at: <https://arzamas.academy/mag/421-reliq>. (Accessed 04.05.2019). [In Russian].
- 19 Merpert N.Ya. Oчерки arxeologii biblejskix stran [Essays on the archaeology of Biblical countries] (B-BI, Moscow, 2000, 355 p.) [In Russian].
- 20 Zamarovskij V. Ix velichestva piramidy`. Seriya «Po sledam ischeznuvshix kul`tur Vostoka» [Their Majesties of the pyramid. Series «In the footsteps of the vanished cultures of the East»] (Nauka, Moscow, 1981, 477 p.) [In Russian].
- 21 Abuseitova M.X. Istoriya Kazaxstana v arabskix istochnikax [History of Kazakhstan in Arabic sources], (Dajk-Press, Almaty, 2005, 273 p.) [In Russian].
- 22 Abuseitova M.X. Istoriya Kazaxstana v persidskix istochnikax [History of Kazakhstan in Persian sources] (Dajk-Press, Almaty, 2005, 410 p.) [In Russian].
- 23 Kumkes S.N. Kniga Marko Polo [The book of Marco Polo] (Gos. izd-vo geogr. literatury`, Moscow, 1956, 378 p.) [In Russian].
- 24 Puteshestviya v vostochny`e strany` Plano Karpini i Rubruka [Travel to the eastern countries of Plano Carpin and Rubruk] (Gos. izd-vo geogr. literatury`, Moscow, 1957, 272 p.) [In Russian].

- 25 Amal'rik A.S., Mongajit A.L. V poiskax ischeznuvshix civilizacij [In search of vanished civilizations] (Nauka, Moscow, 1966, 279 p.) [In Russian].
- 26 Klejn L.S. Istoriya arxeologicheskoy my'sli [History of archaeological thought] (Izd-vo SPBGU, St. Petersburg, 2011, 688 p.) [In Russian].
- 27 Fagan B., DeKors K. Arxeologiya. Vnachale [Archeology. At the beginning] (Texnosfera, Moscow, 2007, 592 p.) [In Russian].
- 28 Larichev V.E. Prozrenie: rasskazy` arxeologa o pervoby`tnom iskusstve i religiozny`x verovaniyax [Insight: stories of an archaeologist about primitive art and religious beliefs] (Politizdat, Moscow, 1990, 223 p.) [In Russian].
- 29 Klark D. Doistoricheskaya Evropa. E`konomicheskij ocherk [Prehistoric Europe. Economic essay] (Izd-vo inostrannoj lit-ry`, Moscow, 1953, 332 p.) [In Russian].
- 30 Berdnikova N.E. Mezolit kak issledovatel'skaya tradiciya. V poiskax identifikacii [Mesolithic as a research tradition. In search of identification]. Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: geoarxeologiya. e`tnologiya. Antropologiya [Irkutsk State University Reports. Series: geoarchaeology. ethnology. anthropology], Irkutsk, 15-30(2014). [In Russian].
- 31 Amal'rik A.S., Mongajit A.L. Chto takoe arxeologiya [What is archeology?] (Prosveshhenie, Moscow, 1966, 252 p.) [In Russian].
- 32 Grebenyukov V.I. E`neolit kak ponyatie arxeologicheskoy periodizacii i sistematizacii v otechestvennoj istoriografii (do konca 80-x gg. XX veka) [Eneolit as the concept of archaeological periodization and systematization in national historiography (until the end of the 80s of the XX century)]. Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta [Bulletin of Nizhnevartovsk State Humanitarian University], Nizhnevartovsk, 2, 7-14(2014). [In Russian].
- 33 Kudryavcev A.A. O pereimenovanii Instituta istorii material'noj kul'tury` v Institut arxeologii AN SSSR v 1959 g. [On the renaming of the Institute of the History of Material Culture to the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences in 1959]. Kratkie soobshheniya Instituta arxeologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology], Moscow, 256, 446-456(2019). [In Russian].
- 34 Klejn L.S. Istoriya arxeologicheskoy my'sli [History of archaeological thought]. (Izd-vo SPbGU, St. Petersburg, 2011 624 p.) [In Russian].
- 35 Platonova N.I. Istoriya arxeologicheskoy my'sli v Rossii. Vtoraya polovina XIX - pervaya tret` XX veka [History of archaeological thought in Russia. The second half of the XIX - first third of the XX century] (Nestor-Istoriya, St. Petersburg, 2010, 316 p.) [In Russian].
- 36 Klejn L.S. Dialogi. Teoreticheskaya arxeologiya i ne tol'ko [Dialogues. Theoretical archaeology and more] (Evraziya, St. Petersburg, 2018, 368 p.) [In Russian].
- 37 Klejn L.S. Istoriya rossijskoj arxeologii. Ucheniya, shkoly` i lichnosti [History of Russian archaeology. Teachings, schools, and personalities] (Evraziya, St. Petersburg, 2014, 628 p.) [In Russian].
- 38 Mel'nikova O.M. Nauchny`e shkoly` v arxeologii. PhD diss. [M. Scientific schools in archeology. PhD thesis]. Izhevsk, 2004, 56 p. [In Russian].
- 39 Glushkov I.G. Keramika kak istoricheskij istochnik [Ceramics as a historical source]. (Izd-vo IAIE` SO RAN, Novosibirsk, 1996, 328 p.) [In Russian].
- 40 Yacenko S.A. Kostyum plemen Pazyry`kskoj kul'tury` Gornogo Altaya kak istoricheskij istochnik [The costume of the tribes of the Pazyryk culture of the Altai Mountains as a historical source] Vestnik drevnej istorii [Ancient History Bulletin], Issue 3. Moscow, 1999, P. 145-170. [In Russian].
- 41 Tishkin A.A., Seregin N. N. Metallicheskie zerkala kak istochnik po drevnej i srednevekovoj istorii Altaya [Metal mirrors as a source on the ancient and medieval history of Altai] (Azbuka, Barnaul, 2011, 144 p.) [In Russian].
- 42 Kuznecov O.V. Processualizm i postprocessualizm v sovremennoj arxeologicheskoy teorii [Processualism and postprocessualism in modern archaeological theory]. Izvestiya Laboratorii drevnix tehnologij IrGTU [of Laboratory of ancient technologies of Irkutsk state technical University.], Issue 2. Irkutsk, 2004, P. 19-23. [In Russian].
- 43 Anikovich M.V. Metodologiya arxeologii i novy`e podxody` k izucheniyu verxnego paleolita Evrazii: Izbranny`e lekcii [Methodology of archeology and new approaches to the study of the Upper Paleolithic of Eurasia: Selected lectures] (Izd-vo NGU, Novosibirsk, 2010, 56 p.) [In Russian].

Сведения об авторах:

Кариев Елдос Максатович – автор для корреспонденции, докторант Ph.D. кафедры всемирной истории, историографии и источниковедения Казахского национального университета имени аль-Фараби, пр. аль-Фараби, 71, Алматы, Казахстан.

Самратова Д.Б. – научный сотрудник отдела научно-исследовательской работы Государственного историко-культурного заповедника-музея «Берел», с. Жамбыл, Катон-Карагайский район, Восточно-Казахстанская область, Казахстан.

Kariyev Yeldos Maksatovich – **Corresponding author**, Ph.D. student in World History, historiography and Source Studies, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.

Samratova D.B. – Scientific Officer of the Department of Research Work of the State Historical and Cultural Reserve-Museum «Berel», Zhambyl village, Katon-Karagay district, East Kazakhstan region, Kazakhstan.

А.Ч. Рамазанова
Д.Т. Толгамбаева

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
Нур-Султан, Казахстан
(E-mail: ramazanova.a.ch@gmail.com, dametken-kaz@mail.ru)

Философия и философы в жизни университета (к 25-летию ЕНУ имени Л.Н. Гумилева)

Аннотация. Основное содержание статьи составляет анализ функций философии, позволяющий понять значение дисциплины философии в подготовке кадров для различных сфер жизнедеятельности общества. Так же авторы показывают роль культурологии в формировании студента как личности; значение дисциплины истории и философии науки для развития исследовательских навыков, формирования собственной мировоззренческой и методологической позиции в науке и практике.

В статье затрагивается тема философов в университете, и авторы представляют доктора философских наук, профессора, академика НАН РК Абдильдина Ж.М. и доктора философских наук, профессора, академика НАН РК, писателя Гарифоллу Есим.

В статье обобщены материалы, касающиеся учебной, научной, общественно-воспитательной деятельности кафедры философии. Они демонстрируют стремление кафедры осуществлять свою деятельность в рамках Миссии Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, видение и направления его развития.

Статья подводит некоторые итоги деятельности кафедры философии, действующей со дня основания Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева.

Ключевые слова: ЕНУ имени Л.Н. Гумилева; философия; культурология; обучающийся; философы; функции философии; кафедра философии; образовательная программа; проекты.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2021-134-1-81-93>

Поступила: 15.02.2021/Одобрена к опубликованию: 12.03.2021

Введение. 2021 год – юбилейный для всей страны, для всего казахстанского народа. Это год 30-летия независимости Казахстана и год 25-летия Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, являющимся одним из ведущих университетов страны и Alma mater для многих людей из разных регионов нашей республики и евразийского пространства.

Обучение в университете – это не просто приобретение компетенций по своей профессии, но это и исключительно важный

период в формировании человека как «цельной личности», о которой писал Абай. В этом процессе значительную роль выполняет философия. Не случайно Миссия ЕНУ имени Л. Н. Гумилева «быть ведущим научным и образовательным центром евразийского региона, обеспечивающим проведение исследований и получение передовых знаний...» [1] включает в себя как философию в широком смысле этого слова положение «...подготовку кадров для развития приоритетных отраслей экономики, несущим

ответственность перед государством и обществом за результаты своей деятельности» [1].

Деятельность кафедры философии, существующей со дня основания ЕНУ имени Л. Н. Гумилева согласуется с Миссией университета и направлена на реализацию политики в области обеспечения качества образовательного процесса.

Методы исследования. Раскрытие рассматриваемой темы предполагает, прежде всего, междисциплинарный подход, следование принципам конкретности и объективности. Методами данного исследования являются анализ, обобщение, интерпретация, метод последовательно-текстуального изучения документов.

Обсуждение. Философия в университетах существует традиционно. С одной стороны, это собственно философские факультеты, специальности (сегодня – образовательные программы), с другой – как практика преподавания философии/философских дисциплин на нефилософских факультетах. Дискуссии по вопросу преподавания философии в вузах один из актуальных и дискуссионных. Данный вопрос исследуется с различных аспектов [2], в рамках данной статьи авторы ограничиваются исследованием поставленной задачи.

В Евразийском национальном университете имени Л.Н. Гумилева кафедра философии действует как выпускающая кафедра, готовящая философов и культурологов, а до образования кафедры религиоведения 26 декабря 2012 года и религиоведов. В тоже время, преподаватели кафедры ведут занятия по общему курсу философии, культурологии на уровне бакалавриата и дисциплине «История и философия науки» в магистратуре. Таким образом, учебная работа кафедры философии охватывает весь контингент обучающихся в университете.

Кафедра философии всегда осознавала свою роль в духовном становлении молодого поколения, сохранении и трансляции национальных, общечеловеческих ценностей; ее деятельность выходила за рамки учебного

процесса. Так, еще в октябре 1997 года по инициативе кафедры философии был открыт университетский лекторий «Евразия: история и современность», в котором шло публичное обсуждение актуальных проблем социальной и духовной жизни. Это были очень сложные кризисные годы, но и очень важные в становлении независимого Казахстана. Сегодня преподаватели кафедры также выходят на публичные диалоговые площадки, в СМИ, телевидение, выступают на различных платформах в интернет-пространстве [3].

Философия присутствует во всех сферах бытия человека и общества, осознает/признает это кто-либо или нет. В связи с рассмотрением роли философии в воспитании молодого поколения и формировании специалиста, хотелось бы обратить внимание на ряд документов. Так, в Законе Республики Казахстан «Об образовании» в статье 1 пункт 9–1, дано следующее определение образования: «образование – непрерывный процесс воспитания и обучения, осуществляемый в целях нравственного, интеллектуального, культурного, физического развития и формирования профессиональной компетентности» [4]. Образование неразрывно связано с воспитанием, это взаимосвязанный, взаимодополняющий и взаимоопределяющий процесс. В статье 11 Закона определены, в частности, такие задачи, как «развитие творческих, духовных и физических возможностей личности...», «воспитание гражданственности и патриотизма, любви к своей Родине...», «воспитание личности активной гражданской позицией...» [4]. В программной статье Елбасы Н. Назарбаева «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» среди ключевых направлений модернизации общественного сознания указаны и культ знания, и открытость сознания [5].

В контексте вышесказанного трудно переоценить роль философии в образовании и воспитании молодежи, выполнения ею своих функций.

Зачем нужна философия в образовательном процессе?

В поисках ответа обратимся к рассмотрению того, чем выступает философия сегодня, пройдя более чем двух с половиной тысяч лет развития.

Философия проявляется посредством способа действия, своей активности как системы знания. На протяжении истории развития философского знания сформировалось, что философия есть и мудрость, и мировоззрение, и наука. В рамках исследуемой темы нас интересует философия как мировоззрение и наука. Безусловно, это не единственная форма мировоззрения – совокупности взглядов на мир в целом и на отношение человека к этому миру. Но в отличие от мифологического, художественного, обыденного и других форм, философия связана с научной сферой, с наукой как особой формой познания мира, способа бытия человека в мире и в определенной части сама является наукой.

Философия раскрывается посредством мировоззренческих и методологических функций. Она выступает как знание о мире в целом и об отношении человека к этому миру и как комплекс принципов познания.

Среди группы мировоззренческих функций остановимся, прежде всего, на гуманистической и культурно-воспитательной, поскольку они согласуются с признанием человека, его жизни, достоинства как высшей ценности. Философия не дает абсолютную истину относительно жизни и смерти, смысла бытия человека. Однако философия способна помочь осмыслить жизнь, укрепить дух человеку.

Совокупный опыт человечества свидетельствует, что утрата мировоззренческих ориентиров приводит к трагедии человека и общества.

Проблема отчуждения – одна из важных и не теряющая своей актуальности философских проблем. К ней обращались многие философы, среди которых Альберт Швейцер, представитель гуманистической школы, выдающийся философ, богослов, врач и музыкант, лауреат Нобелевской премии.

Швейцер А. в своем творчестве рассматривал развитие цивилизации, стремился понять причины негативного в нем, выявить факторы,

ведущие к духовной деградации, оскудению личности, понять причины трагедий в истории XX века. Причины Швейцер видит в доминировании в философии (заметим, что речь идет о западноевропейской философии) технистских и сциентистских тенденций. Такая философия мало способна обосновывать и поддерживать идеалы культуры. В своем знаменитом труде «Культура и этика», написанном в 1923 году и не потерявшим актуальность в настоящее время, философ приходит к выводу: «В итоге философия так мало уделяла внимание культуре, что даже не заметила, как и сама вместе со своим временем все больше сползала к состоянию бескультурия. В час опасности страж, который должен был предупредить нас о надвигающейся беде, заснул» [6, с. 48].

Философия, которая наполнена глубоким этическим содержанием, способна предостеречь человека от саморазрушения, самоуничтожения. Швейцер провозгласил принцип благоговения перед жизнью, жизнью как таковой. В восточной философии существует принцип ахимсы – не наноси вреда живому. Эти принципы имеют различные основания, однако их гуманистический смысл глубок и, как нам представляется, очевиден, хотя и не признан всеми и, тем более говорить о его осуществлении в настоящее время не приходится. Обратим внимание, что этическое ядро казахской философии на наш взгляд, заключается в словах Абая «Адамзаттың бәрің сүй бауырым деп», в его призыве «Адам бол!», что сохраняет актуальность и сегодня.

Мировоззренческие идеи по Швейцеру, «заклучают в себе все, что мы можем думать и предполагать о смысле нашего существования и назначении человечества; они дают нашему бытию направление и сообщают ему ценность» [6, с. 74]. В этом заключается гуманистическая функция философии. Альберт Швейцер пишет: «Для общества, как и для индивида, жизнь без мировоззрения представляет собой патологическое нарушение высшего чувства ориентирования» [6, с. 73].

Философия, в силу своей специфики, учит человека мыслить не поверхностно,

стремиться проникнуть в сущность вещи, явления, выйти за рамки стереотипов, обыденного мышления. Философия учит не избегать познавательных противоречий, разрешать, преодолевать их, проявлять критичность мышления, самостоятельность, нестандартность подхода.

Неотъемлемыми элементами творческого мышления, научного поиска является не только критичность, но и самокритичность, сомнение, которое в процессе научного познания может стать убеждением. Формирование и развитие мышления есть одновременно усвоение, интернализация ценностей индивидом и, следовательно, формирование культурной личности.

Философия вырабатывает общезначимые представления о высших ценностях жизни, тем самым создавая возможность коммуникации за пределами узкой специализации. Вышесказанное относится к культурно-воспитательной функции.

Социально-аксиологическая функция формирует у человека представления о добре, справедливости, свободе, правде, общественном идеале и др.

Интерпретация и критика связаны с ориентацией на ценности, общественные идеалы. Философия выявляет расхождение между социальной действительностью и идеалом, следствием чего является критика существующей действительности. Критическая функция философии реализуется в отношении не только действительности, но и познания и самой философии. В ней отражаются сложные отношения субъекта и объекта познания и деятельности. Критически относясь к различным догмам, стереотипам, в том числе и философским, философия стремится сформировать новое мировоззрение.

Сама философия развивается и, соответственно, разрабатывает мировоззрение, которое соответствует требованию времени и в определенной степени, опережает его. В этом аспекте философия соответствует не только уровню развития науки, но и интеллектуальным

ожиданиям и требованиям людей. Философия способна продуцировать новую информацию в процессе сбора, анализа и переработки той информации, которую дает частнонаучное знание. Такая информация концентрируется в философских понятиях, общих принципах и законах, образующих целостную систему.

Наш университет ставит целью стать ведущим научно-исследовательским и образовательным центром в евразийском регионе. Это означает, что не только преподаватели, но и обучающиеся активно включены в научно-исследовательскую работу. В этом контексте стоит сказать о методологических функциях философии. Эвристическую, координирующую, интегрирующую, логико-гносеологическую функции философия выполняет по отношению к науке со стороны своего метода.

Философский метод в единстве с формально-логическим обеспечивает приращение знаний в сфере самой философии. Происходит изменение системы всеобщих категорий.

Философский метод в комплексе с общенаучными и частнонаучными методами способен помогать частным наукам в решении сложных теоретических, фундаментальных проблем, участвовать в их предвидениях.

Естественнонаучные теории формируются с использованием философских представлений о причинности, пространстве, времени и др. При этом философия воздействует на формирование новой научной теории не непосредственно, а опосредованно через частнонаучную картину мира.

Формы воздействия философии на частные науки многообразны. Содержание той или иной теории базируется на философских представлениях. В тоже время философские принципы и понятия остаются в ней, функционируют как часть, как внутренний механизм самой теории.

Роль философии в развитии частных наук значительна, особенно в отношении формирования гипотез и теорий. Философский метод действует опосредованно через частнонаучные методы и общенаучные

понятия, идеи. Так, например авторы статьи «Заметки к идее современного научно-физического подхода к единству материи и пространства и времени», пишут, в частности, об идее объединения пространства-времени и материи «в единое материальное хронометрическое многообразие с идефинитной метрикой». «Эта идея, – пишут авторы, – вытекает из того философского понимания, что пространство, время и материя едины. Нет материи – нет пространства и времени, нет пространства и времени – нет материи» [7, с.68].

Одна из важных функций философии заключается в координировании методов в процессе научного исследования. Философия также выполняет интегрирующую функцию, являясь одним из важнейших факторов объединения знания различных областей науки. Философия выступает общекультурным интегратором, объединяя различные сферы общественной жизни, уровни социальной организации и социальные структуры.

Логико-гносиологическая функция заключается в разработке самого философского метода, его нормативных принципов, а также в обосновании тех или иных понятийных и теоретических структур научного знания.

Таким образом, философия, выполняя мировоззренческие и методологические функции становится необходимой и важной в процессе образования и воспитания. Однако нельзя не сказать, что содержание философии как учебной дисциплины, профессионализм и компетентность преподавателей философии и иных философских дисциплин, являются важными факторами «принятия» философских знаний, и в ходе этого – развития навыков аналитического, критического мышления, творческого отношения к самому процессу обучения, понимания своей будущей профессии.

Безусловно, обучающийся это не «*tabula rasa*» на которую в процессе преподавания философии наносятся «письмена» (идеи, концепции, категориальный аппарат и т. п.) и которые закрепляются в сознании

человека. У него имеются определенные социо-гуманитарные знания, усвоенные им в процессе довузовского обучения, теоретических учебных дисциплин в вузе, опыт практических занятий, личный, пусть небольшой, жизненный опыт. Преподавание философии, пожалуй, более чем другие дисциплины, способствует пополнению и творческому использованию научной информации, ценностно-смысловых ориентаций человека в изменяющемся мире, формированию инновационного мышления.

Культурология, преподаваемая в нашем вузе на первых курсах, тесно связана с философией, однако они не взаимозаменяемые дисциплины. Можно поставить вопрос: что дает культурология студенту как будущему специалисту, как личности? В рамках поставленной цели отметим один из аспектов. В современном глобальном мире, с развитием цифровых технологий, интернет-пространства на становление и развитие личности большое влияние оказывают межкультурные взаимодействия представителей различных культур. И то, что называется диалогом культур возможно лишь при понимании, чувствовании культуры своего этноса, укорененности в ней и, в то же время, умении слышать другого как носителя иной культуры. Культурология выстраивает логику взаимодействия человека с культурой, которая сегодня в определенном смысле «захватывает» человека. Культурология может быть разной, но, пожалуй, самое главное – как учебная дисциплина, она должна дать практические навыки того, как ориентироваться в мире культуры, сохранить свою культурную идентичность, быть открытым миру и любить свое Отечество, сохранить свои культурные ценности.

Особо отметим дисциплину «История и философия науки», которую изучают магистранты. Здесь подчеркнем, что более углублено изучается именно философия науки, которая развивается вместе с развитием самой науки. Выдающийся философ В. С. Степин отмечает: «С отпочкованием от

философии конкретных наук возникает новый тип их взаимоотношений. С одной стороны, философия, опираясь на достижения науки, развивает свои идеи, принципы и категориальный аппарат, а с другой – она активно влияет в качестве мировоззренческо-методологической основы на процессы фундаментальных научных открытий, их интерпретацию и включение в культуру» [8, с.10].

Строгая демаркация наук о природе и наук о духе (культуре), о которой говорили неокантианцы Баденской школы и которая соответствовала в целом науке XIX века, потеряла свою актуальность в последние десятилетия XX века. В современной постнеклассической науке широко распространены идеи и методы синергетики, применяется принцип коэволюции и т. д. Степин В.С. пишет: «... в естествознании наших дней все большую роль начинают играть исследования сложных развивающихся систем, которые обладают «синергетическими характеристиками» и включают в качестве своих компонентов человека и его деятельность. Методология исследования таких объектов сближает естественнонаучное познание и гуманитарное познание, стирая жесткие границы между ними» [8, с. 10]. Освоение дисциплины «История и философия науки» дает возможность рассмотреть науку в целом как сложной культурно-исторический феномен, развить навыки аналитического мышления, поиска методологии и методов для собственного научного исследования, избежать жесткой позиции сциентизма или антисциентизма.

Кафедра философии. Видение развития нашего университета, это – «национальный исследовательский университет, базирующийся на тесной интеграции образования, науки и производства» [1]. Производство знания сегодня имеет исключительное значение, поскольку знания в самых разных формах во многом влияют на социальные процессы. Остановимся на деятельности кафедры в этом аспекте. Прежде всего отметим, что государство многое

делает для развития науки и образования. Одним из таких действенных механизмов являются конкурсы КН МОН РК на грантовое финансирование по научным и (или) научно-техническим проектам. Кафедра успешно участвует в данных конкурсах КН МОН РК начиная с 2009 года. Во всех проектах участвуют не только преподаватели кафедры, но что важно, студенты, магистранты и докторанты.

В сферу интересов философов кафедры вошли актуальные проблемы, которые соотносятся с тем, что происходит в мировой и отечественной философии, исследованиях культуры. Это проблемы теории познания, социальной философии и религиоведения, философского осмысления национальной идеи Мәңгілік Ел, проблемы идентичности и memory studies, человека, антропологии нравственности и символических образов казахской женщины, тема космоса в культурном ландшафте Казахстана, этика труда и управления в контексте модернизационного процесса в нашей стране и др.

Перед казахстанским обществом стоит задача успешной модернизации общественного сознания и преподаватели, участники научных проектов в той или иной форме выступают в публичном пространстве, читают лекции, проводят семинары и т.д.

Международное сотрудничество имеет большое значение для развития кафедры в научно-исследовательском плане. Оно осуществляется посредством участия ученых кафедры в международных научных проектах, участия зарубежных ученых в качестве консультантов в проектах кафедры, работах обучающихся над докторскими диссертациями.

Глобализационные процессы, трансформации в современной науке, существенные изменения ее социокультурного статуса, ее роли в обществе диктуют и изменения коммуникаций в науке. Они становятся более сложными, интенсивными и перед профессорско-преподавательским составом кафедры стоит задача более активного использования профессиональных коммуникаций в своей научной деятельности.

Результаты научных исследований в той или иной форме (внедрение дисциплины в ОП, темы в преподаваемых дисциплинах, тематика выпускных работ) внедряются в учебный процесс; издаются учебные пособия, монографии; публикуются статьи в журналах ККСОН и высокорейтинговых журналах за рубежом [9].

Научные конференции, проводимые в университете – это форма обмена новыми научными результатами, постановка и предложения решений актуальных проблем. Это многоплановое мероприятие, имеющее важность не только для состоявшихся ученых, но и молодых исследователей. Кафедра философии за последнее десятилетие расширила географию международного сотрудничества и при поддержке руководства университета провела ряд конференций. Традиционными стали международные конференции по актуальным проблемам мировой философии. ЕНУ им. Л.Н. Гумилева стал диалоговой площадкой для философской общественности. В своем приветственном слове на III-ей Международной научно-теоретической конференции «Актуальные проблемы мировой философии, развитие человека, его сознания, нравственности» в 2018 году ректор ЕНУ имени Л.Н. Гумилева, академик НАН РК Сыдыков Е.Б., отметив возрастающий интерес к форуму, в частности, подчеркнул, что проведение конференций способствует интересу мировой научной общественности к нашему государству, его инициативам и роли на международном уровне, к богатой культурной истории народа Казахстана [10]. Конференции были приурочены к юбилейным датам крупнейшего философа, основателя казахстанской школы диалектической логики, профессора, академика НАН РК Жабайхана Мубараковича Абдильдина. Он участник многих мировых философских конгрессов с 1968 года. «Его исследования фундаментальных философских проблем развития теоретического знания заслужили признание как в Казахстане, так и в России и занимают особое место в современной

философии» [11, с. 5]. О Ж.М. Абдильдине как философе, государственном и общественном деятеле пишут многие казахстанские ученые. Пожалуй, можно согласиться с философом Г.Г. Соловьевой, которая пишет: «Философия в действии – так можно определить позицию Жабайхана Мубараковича. И еще точнее: философия на службе национальных интересов, способствующая укреплению международного статуса родного Казахстана.» [12, с.157].

Известна его роль на посту председателя комиссии по реабилитации. Сособым чувством Ж.М. Абдильдин вспоминает о реабилитации Шакарима, возвращении творчества поэта и мыслителя в культурное наследие народа и признании исключительной роли Шакарима. Известно, что после посмертной реабилитации Шакарима Кудайбердиева в 1958 году, его произведения, тем не менее, не публиковались, несмотря на усилия Ахата Кудайбердиева и Каюма Мухамедханова. Абдильдин Ж.М., в частности, отмечает: «Наша комиссия после изучения всех документов, текстов и бесед пришла к выводу, что творчество Шакарима имеет большое значение для духовной культуры народа...» [13, с. 17]. Он говорит, что эта работа повлияла на него как на личность: «Если до этого я был просто ученым, то, занимаясь реабилитацией, я глубже понял и прочувствовал, какое негативное влияние оказала тоталитарная система на культуру и историю народа. Для меня это был важный опыт» [13, с. 18].

Выдающийся философ, на каком бы посту не находился, всегда вел и ведет преподавательскую работу. Ж.М. Абдильдин говорит: «...в конечном счете я знал, что должен вернуться в науку и образование, это моя специальность, мое призвание» [13, с. 19]. Отмечая успех в развитии ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, академик также признается: «В Евразийском университете, особенно в последние годы, у меня открылось второе дыхание, многие идеи я реализовал. Я опубликовал такие книги как: «Философия и логика Гегеля», «История философии», «Время и культура. Размышления философа»,

«Логика конкретного» и другие. Именно здесь я опубликовал целую серию работ: 10-ти томное собрание сочинений, в настоящее время у меня выходит 15 томов собрания сочинений. Отдельно опубликованы такие книги как: «Логика универсальных форм и методов познания», «Логика и теория современной демократии, и ее реализация» [13, с. 20].

В последние годы опубликованы книги о философии и философских проблемах в творчестве Абая, Ч. Валиханова, Л. Толстого, Ч. Айтматова. Ряд монографий Ж.М. Абдильдина в соавторстве с Абдильдиной Р.Ж. вышли за рубежом [н-р, см.: 14].

В мае 2017 года состоялась международная научно-практическая конференция «Адамзаттың бәрін сүй, бауырым деп...», посвященная 70-летию д. ф. н., профессора, писателя, общественного деятеля, академика НАН РК Гарифоллы Есим.

Гарифолла Есім – автор таких работ как «Хаким Абай» (2012), «Наука совести» (2008), «Кеменгер Мухтар» (2017), «Гулама-наме» (2020) и других. За трилогию «Гулама-наме» в декабре 2020 г. философу и писателю присуждена Государственная премия Республики Казахстан в области литературы и искусства имени Абая. Многие работы философа изданы за рубежом [н-р, см.:15].

Профессор Вашингтонского университета и Университета Джорджтауна (ACMCU) Р. Чарльз Веллер (R. Charles Weller) в статье «Mentorship under professor Garifolla Yessim: life lessons from a kazakh muslim scholar» рассматривая философские взгляды академика Гарифоллы Есим, подчеркивает, что они проникнуты идеями гуманизма и основаны на глубоком знании творческого наследия Абая. Р. Чарльз Веллер говорит, что в процессе общения, диалога с Гарифолла Есим он глубже понял Абая, ценность мудрости и богатства наследия великого казахского поэта и мыслителя. Автор полагает, что гуманистический взгляд Гарифоллы Есим на мировую историю, религию, диалог культур, связан с осмыслением философом трагического исторического опыта казахского народа [16].

Гарифолла Есим поставил вопрос о различении философии и Pálsara. По мнению Гарифоллы Есім, такие идеи Абая как «суық ақыл», «нұрлы ақыл», «жылы жүрек», «ыстық қайрат», описывающие концепцию «толық адам» восходят к фалсафа Аль-Фараби. Познание толық адам начинается сперва с познания Бога, затем – познания Себя и после – познание Мира. Эти три познания Абая Гарифолла Есим рассматривает как структуру pálsara и предлагает новый предмет – Ренессанс pálsara [17].

Академики Абдильдин Ж.М. и Гарифолла Есим ведут занятия, руководят научными исследованиями магистрантов и докторантов, активно публикуются, в том числе и в журналах, входящих в базу данных Scopus и Web of Science. Философы активны в публичном пространстве, в общественной жизни страны и они являются для коллектива кафедры, для молодых преподавателей, обучающихся во многом примером умения мыслить, работать, развивать себя как личность и проявлять свою гражданскую позицию.

Качественный состав кафедры философии позволяет успешно выполнять учебную, научную, общественно-воспитательную деятельность, готовить профессионалов по общеобразовательным программам «Философия» и «Культурология» на уровне бакалавриата, магистратуры и докторантуры [3]. Студенты бакалавриата получают фундаментальную подготовку по социо-гуманитарным, философским и культурологическим дисциплинам, приобретают навыки педагогической, научно-исследовательской и организационной деятельности. Они проходят различные виды практик, что позволяет закреплять профессиональные, общепрофессиональные компетенции, демонстрировать и развивать личностные компетенции, проявлять самостоятельность мышления, демонстрировать креативность и критичность мышления, ответственность за результаты своей работы.

На кафедре действует философско-культурологический клуб «АДАМ-ЗАТ»,

традиционно в третий четверг ноября отмечается Всемирный день философии, объявленный Всемирной организацией ЮНЕСКО в 2005 году. Студенты кафедры активно участвуют в ежегодной Международной научной конференции студентов и молодых ученых «Наука и образование» в ЕНУ им. Л. Н. Гумилева и иных межвузовских научных конференциях, предметных олимпиадах, ежегодном Республиканском конкурсе научно-исследовательских работ студентов и др. Наши студенты становятся победителями, занимают призовые места. Так, в 2018 году студенты-философы командой «Адам-зат» заняли 1-е место по итогам предметной олимпиады по философии, проходившей в КазНУ имени Аль-Фараби и уже в 2019 году олимпиада состоялась на базе ЕНУ имени Л. Н. Гумилева. Здесь команда философов заняла 2 и 3 места. В 2020 году команда культурологов «След» заняла 1 место на предметной олимпиаде, проходившей в Павлодарском государственном университете им. С. Торайгырова.

Студенты с 2014 года принимают участие в Республиканском конкурсе научно-исследовательских работ и становятся его победителями. В 2020 г. студенты 3 курса заняли призовые места в Республиканском конкурсе научно-исследовательских работ по культурологии (Кенжебекова А.) и философии (Абилханов Э., Тугелбай А.).

С 2007 года кафедра ведет подготовку магистров. Выпускники ЕНУ им. Л. Н. Гумилева и других вузов имеют возможность продолжить свое образование по ОП «Философия» и «Культурология». Содержание программ базируется на новых научных и методических разработках как преподавателей кафедры, так и в области философского и культурологического знания в целом, необходимых для подготовки современных высококонкурентных кадров. Обучение в магистратуре предполагает прохождение практик, в том числе и за рубежом. Научно-исследовательская работа магистрантов отражается в публикациях

материалов конференций, журналах. Магистранты проявляют активную жизненную позицию как молодые исследователи и граждане страны.

Третий уровень подготовки специалистов – это PhD докторантура. По философии докторантура открыта в 2013 году, по культурологии – в 2015 г.

Значительное внимание кафедра уделяет темам выпускных работ с точки зрения их актуальности, а также корреляции с программными документами в сфере духовного развития народа, восстановления, сохранения и трансляции ценностей материального и нематериального культурного наследия. Выполнение и защита выпускной работы демонстрирует компетенции, приобретенные обучающимися в стенах университета.

Выпускники кафедры философии востребованы в сфере образования, общественных и государственных институтах, научно-исследовательских и аналитических центрах, иных учреждениях.

Результаты. Философия является необходимым компонентом в образовательном процессе в силу выполнения ею мировоззренческих и методологических функций. Студенты, изучающие философию, способны использовать полученные знания для формирования мировоззренческой позиции. Философия имеет важное значение для развития навыков мышления, необходимых как в научно-исследовательской работе, так и в повседневной жизни.

Культурология показывает многообразие и ценность культур, тем самым способствует развитию толерантной личности, открытости ее сознания. Такая личность способна вступать в подлинный диалог с носителями иных культур, понимать культурные процессы конкретного общества и современного глобального мира.

Освоение дисциплины «История и философия науки» дает возможность рассмотреть науку в целом как сложной культурно-исторический феномен, развить способность к критическому анализу и

оценки научных достижений, навыки аналитического мышления, осуществлять научно-исследовательскую деятельность в соответствующей профессиональной сфере. Следовать принципам этоса науки.

Качественный состав кафедры, на которой работают академики НАН РК Абдильдин Ж.М. и Гарифолла Есим, позволяет готовить конкурентноспособных выпускников по образовательным программам «Философия» и «Культурология» на уровне бакалавриата, магистратуры и докторантуры.

Заключение. Научно-исследовательская деятельность кафедры, расширение между-народного сотрудничества способствуют развитию вуза как национального исследовательского университета. Перед

кафедрой стоит задача дальнейшего расширения научных коммуникаций, повышения своего профессионального уровня.

Кафедра философии, существующая со дня основания ЕНУ имени Л.Н. Гумилева, в преподавании философии, культурологии (уровень бакалавриата), истории и философии науки (уровень магистратуры) на всех ОП университета, реализуя ОП «Философия» и «Культурология» (уровни бакалавриата, магистратуры, докторантуры), осуществляя научно-исследовательскую деятельность следует Миссии и Видению университета и направлена на реализацию Политики в области обеспечения качества образовательного процесса.

Список литературы

- 1 Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева. [Электрон. ресурс]. – 2021. – URL: <https://www.enu.kz/ru/o-enu/osnovopolagayushchie-dokumenty/> (дата обращения 01.02. 2021)
- 2 Кондратьева С.Б. Преподавание философии в вузе: проблемы, прогнозы, перспективы. // Знание, понимание, умение. – 2018. – № 4. – С.122-131. [Электронный ресурс]. – 2018. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prepodavanie-filosofii-v-vuze-problemy-prognozy-perspektivy> (дата обращения 03.02.2021). DOI 10.17805/zpu.2018.4.12
- 3 Кафедра философии. [Электрон. ресурс]. – 2021. – URL: <https://fsn.enu.kz/subpage/kafedra-filosofii> (дата обращения 01.02.2021)
- 4 Закон Республики Казахстан. Об образовании (с изменениями и дополнениями по состоянию на 08.01.2021 г.) [Электрон. ресурс]. – 2021. – URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30118747 (дата обращения 10.02. 2021)
- 5 Назарбаев Н. А. Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания [Электрон. ресурс]. – 2021. – URL: https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya (дата обращения 26.01. 2021)
- 6 Швейцер А. Культура и этика/ А. Швейцер. - Москва: Прогресс, 1992. - 576 с.
- 7 Арынгазин К.М., Архипов В.В., Кудусов А.С. Заметки к идее современного научно-физического подхода к единству материи и пространства-времени. // Актуальные проблемы мировой философии, развитие человека, его сознания, нравственности: Мат-лы III Междунар. науч.-теорет. конф. (16-17 февраля 2018 г., Астана, Казахстан) в 2-х тт. – Астана: изд-во ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2018. - 218 с. - Т.1. - С. 67-79
- 8 Степин В.С. История и философия науки: Учебник для аспирантов и соискателей учёной степени кандидата наук. - Москва: Академический проект, 2011. - 423 с.
- 9 Научная деятельность кафедры философии [Электрон. ресурс]. – 2021. – URL: <https://fsn.enu.kz/subpage/nauchnaya-deyatelnost-kaf-fil> (дата обращения 10.02.2021)
- 10 Абдильдина Р., Толгамбаева Д. III-я Международная научно-теоретическая конференция «Актуальные проблемы мировой философии, развитие человека, его сознания, нравственности» // Эл-Фараби. – 2018. – № 1 (61). - С.161-167
- 11 Жабайхану Мубараквичу Абдильдину 85 // Вопросы философии. - 2018. - № 2. - С. 5

- 12 Соловьева Г. Послесловие к юбилею. В философии еще много тайн// *Эл-Фараби*. - 2018, № 1 (61). - С.168-173
- 13 Медеуова К., Сандыбаева У., Рыскулбекова Д. Наука и научное сообщество Казахстана: взгляд философа (интервью с академиком НАН РК Жабайханом Мубараквичем Абдильдиным в канун его 85-летия)// *Актуальные проблемы мировой философии, развитие человека, его сознания, нравственности: Мат-лы III Междунар. науч.-теорет. конф. (16-17 февраля 2018 г., Астана, Казахстан)* в 2-х тт. – Астана: изд-во ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2018. - 218 с. - Т.1. - С. 10-20
- 14 Abdildin C., Abdildina R. *Hümanist Bir Düşünür: Abay*, (Dergah Yayınları, İstanbul, 2020, 219 p.)
- 15 Garifolla Yessim. *The Agony of Socialism: Kazakh Memoirs of the Soviet Past* Paperback (Asia Research Associates, Los Angeles, 2017, 166 p.)
- 16 Чарльз Р. У. Mentorship under professor Garifolla Yessim: life lessons from a kazakh muslim scholar // *Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің Хабаршысы. Тарихи ғылымдар. Философия. Дінтану» сериясы*. - 2019. - № 1. - С. 77-79
- 17 Есім Ғ. Пәлсапа ренессансы // *Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің Хабаршысы. Тарихи ғылымдар. Философия. Дінтану» сериясы*. - 2019. - № 1. - С. 70-76

А.Ч. Рамазанова, Д.Т. Толғамбаева

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан, Қазақстан

Философия және Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінде философтар

Аңдатпа. Мақаланың негізгі мазмұны – қоғамның әртүрлі салалары үшін мамандар даярлауда философия пәнінің маңыздылығын түсінуге мүмкіндік беретін философия қызметтерін талдау. Сонымен қатар, авторлар студенттің тұлға ретінде қалыптасуындағы мәдениеттанудың рөлін; ғылым философиясы мен тарихының зерттеу дағдыларын дамыту үшін маңыздылығын, ғылым мен практикада өзіндік дүниетанымдық және әдіснамалық ұстанымның қалыптасуына тоқталады.

Мақалада университеттегі философтар тақырыбы қозғалады, авторлар философия ғылымының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі Ж.М. Әбділдин және философия ғылымының докторы, профессор ҚР ҰҒА академигі, жазушы Ғарифолла Есімді ұсынады.

Мақалада философия кафедрасының білім беру, ғылыми, қоғамдық-тәрбиелік қызметіне қатысты материалдар жинақталған. Бұл кафедраның өз қызметін Л.Н. Гумилев ат. ЕҰУ-нің Миссиясына сәйкес жүзеге асыруға деген ұмтылысын және даму бағытын ұстануды көрсетеді.

Мақалада Л.Н. Гумилев ат. ЕҰУ-не 25-жыл толуына орай, оның негізі қаланғаннан бері қызмет атқарып келе жатқан кафедраның кейбір қорытындылары жасалды.

Түйін сөздер: Л.Н. Гумилев ат. ЕҰУ; философия; мәдениеттану; білім алушы; философтар; философия қызметтері; философия кафедрасы; білім беру бағдарламасы; жобалар.

A.Ch. Ramazanova, D.T. Tolgambayeva

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan

Philosophy and philosophers in L.N. Gumilyov Eurasian National University's life

Abstract. The article is aimed to analyze the philosophy's functions, which makes it possible to understand the importance of philosophy discipline in staff training for various spheres of life in society. The authors also show the role of cultural studies in the formation of a student's personality, the importance historical and philosophical sciences for the development of research skills, the formation of their own worldview and methodological position in science and practice.

The article considers well-known philosophers of L.N. Gumilyov Eurasian National University. The authors describe contribution of such academicians as Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the National

Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan Zh.M. Abdildin and the Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, writer Garifolla Esim.

The article summarizes the materials relating to teaching, research, social and educational activities of Philosophy Department. They show desire of department to carry out its activities within the mission of L.N. Gumilyov Eurasian National University, the vision and direction of its development.

The article summarizes some of the results of the activities of Philosophy Department, operating since the founding of L.N. Gumilyov Eurasian National University

Key words: L.N. Gumilyov Eurasian National University; philosophy; cultural studies; a learner; philosophers; functions of philosophy; department of philosophy; educational program; projects.

References

- 1 Evraziskij natsionalnyj universitet imeni L.N. Gumilyova [L.N. Gumilyov Eurasian National University]. Available at: <https://www.enu.kz/ru/o-enu/osnovopolagayushchie-dokumenty/> [in Russian]. (Accessed 01.02.2021).
- 2 Kondratyeva V.S. Prepodavanie filosofii v vuze: problemy, prognozy, perspektivy [Teaching philosophy at the university: problems, forecasts, prospects], Znanie, ponimanie, umenie [Knowledge, understanding, skill], 4 122-131(2018). doi 10.17805/zpu.2018.4.12. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/prepodavanie-filosofii-v-vuze-problemy-prognozy-perspektivy> [in Russian]. (Accessed 03.02.2021).
- 3 Kafedra filosofii [Department of Philosophy]. Available at: <https://fsn.enu.kz/subpage/kafedra-filosofii> [in Russian]. (Accessed 01.02. 2021)
- 4 Zakon Respubliki Kazakhstan Ob obrazovanii [Education Law of the Republic of Kazakhstan], s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 08.01.2021 g. [with changes and additions as of 08.01.2021] Available at: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30118747 [in Russian]. (Accessed 10.02. 2021).
- 5 Nazarbayev N.A. Vzgl'yad v budushje: modernizatsiya obshchestvennogo soznaniya [Looking into the future: modernization of public consciousness] Available at: https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzgl'yad-v-budushchee-modernizatsiya-obshchestvennogo-soznaniya [in Russian]. (Accessed 26.01. 2021).
- 6 Schweitzer A. Kultura i etika. Blagogoveniye pered zhiznyu [Culture and ethics. Reverence for life] (Progress, Moscow, 1992). [in Russian].
- 7 Aryngazin K.M., Arhipov V.V., Kudusov A.S. zametri k idée sovremennogo nauchno-fizicheskogo podhoda k edinstvu materii i prostranstva-vremeni [Notes on the idea of a modern scientific-physical approach to the unity of matter and space-time], Aktualnye problem mirivoi filosofii, razvitie cheloveka, ego soznaniya, nraivstvennosti [Actual problems of word philosophy, the development of human, his consciousness, morality], materialy III mezhdunar. nauchno-teoret. konf. [Materials of the III Intern.scientific-theoretician conf.]. Astana, 2018, P. 67-70. [in Russian].
- 8 Stepin V.S. Istoriya i filosofiya nauki [History and philosophy of science], uchebnik dlya aspirantov i soiskatelei uchenoi stepeni kandidata nauk [Textbook for graduate students and candidates for the degree of candidate of sciences] (Academic prospect, Moscow, 2011). [in Russian].
- 9 Nauchnaya deyatel'nost kafedry filosofii [Scientific activity of Department of Philosophy] Available at: <https://fsn.enu.kz/subpage/nauchnaya-deyatelnost-kaf-fil> [in Russian]. (Accessed 10.02.2021).
- 10 Abdildina R., Tolgambayeva D. III-ya Mezhdunarodnaya nauchno-teoreticheskaya konferentsiya [Materials of the III Intern.scientific-theoretician conf.], "Aktualnye problem mirovoi filosofii, razvitie cheloveka, ego soznaniya, nraivstvennosti. Al-Farabi" [Actual problems of word philosophy, the development of human, his consciousness, morality. Al-Farabi]. Astana, 2018, P. 161-167. [in Russian].
- 11 Zhabaihanu Mubarakovichu Abdildinu 85 [Zhabaykhan Mubarakovich Abdildin 85], Voprosy filosofii [Philosophy questions]. 2, 5 (2018). [in Russian].
- 12 Solovyova G. Posleslovie k yubileyu [Afterword to the anniversary], V filosofii eshye mnogo tain. Al-Farabi [There are still many secrets in philosophy. Al-Farabi]. 1 (61), 168-173(2018). [in Russian].
- 13 Medeuova K., Sandubayeva U., Ryskulbekova D. Nauka i nauchnoe soobshchestvo Kazakhstana: vzglyad filosofa [Science and the scientific community of Kazakhstan: a philosopher's view, materialy III mezhdunar. nauchno-teoret. konf. [Materials of the III Intern.scientific-theoretician conf.]. Astana, 2018, P. 10-20. [in Russian].

- 14 Abdildin C., Abdildina R. Hümanist Bir Düşünür: Abay, (Dergah Yayınları, İstanbul, 2020, 219 p.) [in Turkish]
- 15 Garifolla Yessim. The Agony of Socialism: Kazakh Memoirs of the Soviet Past Paperback (Asia Research Associates, Los Angeles, 2017, 166 p.)
- 16 Charles R.U. Mentorship under professor Garifolla Yessim: life lessons from a kazakh muslim scholar. Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. 1, 77-79 (2019).
- 17 Yessim G. Pálsapa renesansy [Renaissance of philosophy], Vestnik Evrazijskogo nacional'noho universiteta imeni L.N. Gumileva [Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University]. 1, 70-76 (2019). [in Kazakh].

Сведения об авторах:

Рамазанова Адия Чапаевна – магистр философии, старший преподаватель кафедры философии, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан.

Толгамбаева Даметкен Турлыбаевна – **автор для корреспонденции**, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан.

Ramazanova Adia Chapayevna – Master of Philosophy, Senior Lecturer, Department of Philosophy of L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan.

Tolgambayeva Dametken Turlybayevna – **Corresponding author**, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Philosophy of L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan.

Ә.Б. Сактаганова¹Е.Е. Сайлаубай²Н.Д. Четин³^{1,2}Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан, Қазақстан³Ахи Эвран атындағы Қыршехир университеті, Қыршехир, Түркия(E-mail: ¹e-saktaganova@mail.ru, ²alashorda100@mail.ru, ³nursulu@mail.ru)

Заңгер С. Қадырбаевтың қоғамдық және құқықтық қызметі

Аңдатпа. Мақалада көпшілікке беймәлім, алайда қазақ халқының көрнекті өкілдерінің бірі – заңгер, аудармашы Сейдәзім Құлмұхамедұлы Қадырбаевтың патша өкіметі тұсындағы оқыған оқу орындары мен оқу үлгерімі және мұғалімдік мамандықты бітіргендігіне қарамастан алғашқы қызметін заң саласында аудармашылықтан бастауының себептері, қарастырылып отырылған кезеңдегі қазақ халқының дәстүрлі өмір салтын өзгеріске ұшыратқан қоғамда орын алған жағдайлармен байланыстырыла отырылып қарастырылады. Қызмет барысында сатылап көтерілуі де мұрағат деректерімен дәйектеле отырылып зерттелген. Сонымен қатар, тақырыптың зерттелу деңгейіне мән беріліп Сейдәзім Қадырбаевтың өмірі мен қоғамдық-саяси қызметіне қатысты азды-көпті мәліметтер беретін ғылыми әдебиеттерге шолу жасалды. Ресейлік және отандық ғылыми әдебиеттердегі көптеген мәліметтер мен ресейлік және отандық мұрағаттардан алынған деректерге салыстырыла отырып, талдау жасалды. Талдау нәтижелері Сейдәзім Құлмұхамедұлы Қадырбаевтың өмірбаянынан көпке мәлім емес фактілерді анықтап, жүйелеуге мүмкіндік берді. Сондай-ақ, қазақ зиялыларымен достық, ағалық байланыста болуы, оның одан әрі дамып жетілуінің негізі болғандығы және ХХ ғасырдың басында, империяда саяси белсенділіктің оянуы кезінде яғни революция және азаматтық соғыс кезеңінде ол халықтың саяси және азаматтық мүдделерін қорғауға бағытталған саяси күштермен ынтымақтастық жасауына ықпал еткені де нықтыланды. Мақалада Қадырбаевтың Алаш – Орда саяси ұйымының белсенді қайраткері ретіндегі қызметіне және арнайы заң білімінің болмағандығына қарамастан ол заң саласында сатылап көтерілуі, өзін сауатты, білікті қызметкер ретінде таныта білуі, сонымен қатар, заң саласына қажетті көмекші құралдар жазып бірнеше заңдарды орыс тілінен қазақшаға тәржімалап, оларды қазақ елінің тұрмыс салтына бейімдей отырып жазу арқылы сауатсыз халықты құқықтық қорғауға қосқан үлесі және Қазақстанның заңтану ғылымын кәсіби деңгейде зерделеген, соның ішінде, алғашқылардың бірі болып құқық теориясының мәселелерін кәсіби деңгейде талдаудан өткізіп, құқықтану бағытында бірнеше еңбектерді қазақшаға тәржімалаған қайраткерлердің бірі ретінде де баға берілді.

Түйін сөздер: аудармашы; хатшы; наркомюст; заңгер; сот жүйесі; Алашорда; интеллигенция; титулды аға кеңесші.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2021-134-1-94-106>

Поступила: 15.01.2021/Одобрена к опубликованию: 15.03.2021

Кіріспе. XX ғасырдың басында қалыптасқан қоғамдық-саяси ахуал қазақ даласына үлкен өзгерістер әкелді. Көшпелі қазақ қоғамы ғасырлар бойы қалыптасқан дәстүрлері мен шаруашылық жүргізу ерекшеліктерінен ажырап, жағдайлары қиындай түсті. Осы кезеңде қазақ интеллигенциясы өздерінің саяси бағыттарын айқын көрсетіп, белсенділік танытты. XX ғасыр басындағы қазақ зиялыларының үлкен бөлігі гимназия мен прогимназиялардың, медициналық училищелер мен курстардың, мұғалімдер даярлайтын семинариялардың түлектерінен тұрды. Олар дәрігерлік, фельдшерлік, мұғалімдік кәсіпте, байланыс және банк қызметінде, газет пен журнал редакцияларында, баспаханаларда, переселен және басқа мемлекеттік мекемелерде жұмыс істеді. Зиялылар тарихын зерттеуші маман профессор В.К. Григорьевтің есебі бойынша, бұл топтағы ұлттық интеллигенцияның саны 700 шамасында.

Бұл топтың қатарында Ахмет Байтұрсынұлы, Міржақып Дулатұлы, Елдес Омаров, Мырзағазы Есболов, Телжан Шонанов, Сейдәзім Қадірбаев, Жұмағали Тілеулин, Мағжан Жұмабаев, Жүсіпбек Аймауытов, Сұлтанмахмұт Торайғыров, Омар Қарашев, Сағындық Досжанов, Отыншы Әлжанов сияқты және басқа көптеген белгілі қайраткерлер болды [1, 48 б.].

Ұлттық саяси топтың алдында экономикалық әлеуметтік жағдайы төмен, қараңғы, өзінің осы ауыр күйін түсінуден алыс тұрған қарапайым халықтың сауатын ашып, саяси белсенділігін көтеріп, сол арқылы мүмкін болғанша оны өз тағдырын өзі өзгерте алатындай күйге жеткізу сияқты өте күрделі міндеттер тұрды.

Өртүрлі әлеуметтік топтар өкілдерінен құралған қазақ интеллигенттерінің бір бөлігі ресейлік университеттерде білім алған болса, енді бір тобы училищелерде оқыған болатын. Алайда олар қандай оқу орындарын бітіргендіктеріне қарамастан, түрлі мемлекеттік қызметтерде жұмыс жасай жүріп қоғамдық саяси жұмыстармен де айналысты. Аталған кезеңдегі, қазақ интеллигенциясы

өкілдерінің бірі – Сейдәзім Құлмұхамедұлы Қадырбаев болатын.

Торғай өлкесінен шыққан Сейдәзім Құлмұхамедұлы Қадырбаев қазақ тарихында өз орнын ала алмай келген тұлғаның бірі. Оның өмірі, қоғамдық – саяси, құқықтық саладағы қызметі Қазақ елінің жарқын болашағына арналды. Туған халқының мүддесі үшін адал қызмет етіп, сол жолда құрбан болса да, ұзақ жылдар бойы ұлтына меймәлім болып келген Сейдәзім Қадырбаевтың өмірі мен қоғамдық – саяси қызметін тарихи тұрғыдан зерттеу қазіргі заман талабы қажет етіп отырған мәселе деп білеміз. Сейдәзім Қадырбаевтай санаулы азаматтың өмірі, еңбек жолы туралы осы кезге дейін толыққанды дәйекті сөздің айтылмауы, жазылмауы осы ізденісімізге негіз болды. Тақырыптың тарихи – танымдық маңызы осындай өзектілігімен ерекшеленеді.

Сондай-ақ, үстіміздегі жылдың 5 қаңтарында президентіміз Қасым-Жомарт Тоқаевтың «Тәуелсіздік бәрінен қымбат» атты мақаласында айтып өткеніндей «Біз кезінде елге қызмет етудің озық үлгісін көрсеткен Алаш қайраткерлерінен тағлым аламыз. Олар өткен ғасырдың басында тәуелсіздік идеяларын халық арасында дәріптеуге зор еңбек сіңіріп, азаттық жолында құрбан болды... Тәуелсіздік мерейтой аясында осындай біртуар тұлғаларды еске алып, олардың мұрасын жастарымызға және бүкіл әлемге пашетуіміз керек... Алашарыстарының асыл мұрасын игеру жалғаса беруге тиіс.» - деген сөздердің өзі Алаш қайраткерлері мен олардың шығармашылық мұраларын зерттеу үнемі өзекті болып қала беретіндігін көрсетеді [2, 2 б.].

Зерттеу әдістері. Зерттеу жұмысының деректік базасы болып, мұрағаттарда сақталған құжаттар мен арнайы басылымдарда жарияланған материалдар табылды. Атап айтар болсақ, Ресей Федерациясының Орынбор қаласындағы Орталық мемлекеттік мұрағаты қорларының материалдары, Воронеж қаласындағы Воронеж облыстық қоғамдық-саяси тарих мұрағаты мен Алматы қаласындағы Орталық мемлекеттік мұрағат және Алматы қаласындағы Президенттік

мұрағат пен Қостанай облыстық мемлекеттік мұрағаты қорларындағы алаш қозғалысы мен С. Қадырбаевтың өмірі мен қызметіне қатысты жеке істермен жұмыс жасалды.

Жұмыстың әдіснамалық негізін, объективтілік, жүйелілік, дәйектілік, нақтылық, салыстырмалық сияқты ғылыми-тарихи танымның негізгі принциптері құрады. Зерттеу жұмысының тақырыбы жеке тұлғаның өмірі мен қоғамдық саяси қызметіне бағытталғандықтан, оның жеке көзқарастарын баяндау барысында тарихи микроанализ әдістері қолданылса, сонымен қатар, жеке тұлғаның қайраткерлік көзқарасының қалыптасуына әсер еткен қоғамдық мәселелерді баяндау барысында макроанализ жасау әдістері де кеңінен қолданылды.

Талқылау. Сейдәзім Құлмұхамедұлы Қадырбаев заңгер, аудармашы, саяси қайраткер, алайда зерттелмеген ақтаңдақтар қатарында. С. Қадырбаев туралы және оның аудармалары мен заң саласындағы кітаптары төте жазумен жазылғандықтан және біздің елімізде емес, шет жерлердегі мұрағаттарда сақталғандықтан, оның көптеген еңбектері бізге әлі күнге дейін беймәлім болып отыр.

1980 жылдардың соңы мен 1990 жылдардың басында Алаш зиялылары жаппай ақталып, жеке тұлғалардың өмірі мен қоғамдық саяси қызметі, ғылыми-шығармашылық мұралары туралы зерттеулер көптеп жариялана бастады. Дегенмен, ондай шығармалардың арасында С. Қадырбаевқа қатысты жазылғандары аз болды.

Сейдәзім Қадырбаев тұлғасы туралы зерттеулер естелік жазбаларда, жалпы Алаш пен Алашорда тарихы туралы еңбектерде, зиялылар туралы жалпылама тізімдерде, анықтамалық мазмұндағы басылымдарда бір-екі жолмен ғана кездеседі. Атап айтар болсақ: Н. Мартыненконың «Алаш-Орда: Сборник документов» атты еңбегінде, 1-2 сәуір аралығында Орынбор қаласында болып өткен Торғай облысы қазақтарының съезінде С. Қадырбаевтың хатшылыққа сайланғандығы және сондай-ақ, бүкіл қырғыз халқын біріктіру, оның мұқтаждықтарын анықтау және талқылау мақсатында, жалпы түркі

сьезін шақыруды қажет деп тауып, арнайы ұйымдастыру бюросын құруған. Аталған бюро құрамына сайланғандар ішінде Сейдәзім Қадырбаевта бар. Оларға съезд бағдарламасын әзірлеу және съездің шақырылу орны мен уақытын анықтау тапсырылған. Сондай-ақ, жалпы мұсылмандық мәселелерді шешуге қатысу үшін Торғай облысынан 1-8 мамырда Мәскеуде өтетін жалпы мұсылман съезіне 4 делегат іс сапарға жіберілген, солардың бірі С. Қадырбаев деп берілген [3, 21-120 б.].

М. Қойгелдиевтің «Алаш қозғалысы» атты еңбегінде Қадырбаевқа қатысты Н. Мартыненконың кітабында аталған деректерден өзге, «Қазақ» газетінің жанынан құрылған «Еркін дала» ұйымын құрушылар арасында аты аталса, сонымен қатар, қазақ зиялыларының халққа жолдаған хат авторларының бірі ретінде де бірнеше рет есімі аталады [4, 112-433 б.].

Е. Тілешов және Д. Қамзабекұлының «Алаш қозғалысы. Энциклопедиялық анықтамалық» еңбегінде 244-245 беттерде Сейдәзім Қадырбаевтың қысқаша өмірбаяны ғана берілген [5, 244-245 б.].

М. Ескендірұлының (Әбдешев) «Алаш Орда» министрлері» атты кітабында Қадырбаев Сейдәзім мүшелікке кандидаттар деген тізімде 11 болып тұр және 1885-1938 жылдары өмір сүрген, торғайлық, заңгер деген ғана жазбалар кездеседі [6, 6 бет.].

Т. Жұртбайдың «Ұраным-Алаш!...» атты еңбегінде Сейдәзім Қадырбаевты Алаш қайраткерлерінің белді мүшелерінің бірі ретінде сипаттайтын және Міржақып Дулатовқа бағытталған тергеу сұрақтарында аты жиі аталатындығы жөнінде де тың көптеген деректер берілген [7, 24-438 бб; 8, 17-447 бб].

Б. Әбдіғалиұлының «Торғай көтерілісі. 1916-1917 жж.» атты еңбегінде «Торғай һәм Ырғыз үйезінің халқына» атты А. Байтұрсынов, М. Дулатұлы, М. Тұнғаншин және С. Қадырбаевтардың халыққа жолдаған хаты берілген [9, 86 б]. Ал «Алаш әскері. 1918-1920 жж.» атты еңбегінде С. Қадырбаевтың қысқаша өмірбаяны мен жалпы алаш қозғалысы тарихын баяндайтын еңбектерде

кездесетін кейбір мәліметтер берілгенін [10, 52-286 бб] көруге болады. Жалпы көп деректің арасынан Қадырбаевтың ара-тұра есімі кездескенімен, оған қатысты молынан қамтылған, хронологиялық жағынан жүйеленген дерекнамалар көзге ілікпейді.

Сейдәзім Құлмағамбетұлы Қадырбаев тарих қалтарысында қалып, қазақ тарихында өз орнын ала алмай келген тұлғаның бірі. Сондықтан біз бұл зерттеуімізде жаңа тарихи мәліметтер мен қолжетімді мұрағат көздерін негізге алатын боламыз. Сондай-ақ, Сейдәзім Қадырбаев туралы азды-көпті зерттеулерді де пайдаланамыз.

Сейдәзім Қадырбаевтың өмірбаяны мен қоғамдық-саяси қызметін толығырақ таныстыру мақсатында автор жүйелі зерттеу жұмысын жүргізуге негіз болатын, бұрын соңды жарияланбаған, тың мұрағат деректерін ғылыми айналымға енгізді. Нақты С. Қадырбаев шығармашылығы бойынша анықталған материалдарды талдау, еуропа – кеңестік стандартпен дайындалған қазақ интеллигенциясының, реформаланушы азаматтық қоғамның маңызды факторлары болып табылатын әлеуметтік-құқықтық сала мен ғылым және білімді дамытудағы, әлеуеттік мүмкіндіктері туралы, логикалық тұжырым жасауға мүмкіндік берді.

Қазақ зиялысы, заңгер, аудармашы, Алаш қозғалысының, Алаш партиясының, Алаш үкіметінің белсенді мүшесі Сейдәзім Құлмұхамедұлы Қадырбаевтың халықтың келешегі үшін жанпида өмір кешкен, ұлт алдындағы перзенттік борышын орындаған азаматтық позициясы, өз елінің демократиялық құқықтарын қорғау жолындағы қайраткерлігі, ел басына күн туған тарихи шешуші сәттердегі ұлт, халық мүддесін қорғауға қосқан үлесі – оның ғұмырнамасын, тұлғалық бейнесін ашу арқылы зерделенеді.

Нәтижелер. XIX ғасырдың аяғы мен XX ғасырдың басында өмір сүріп, қазақ елінің тарихында елге елеулі еңбек сіңірген, ұлт мүддесі үшін қызмет еткен айтулы тұлғалардың бірі Сейдәзім Қадырбаев.

Сейдәзім Қадырбаевтың тұлға ретінде қалыптасып дамуы Ресей империясы,

кейіннен оның тікелей жалғасы болып табылатын Кеңес өкіметінің қазақ жерін түгелімен бағындырып, бұрынғы қоғамдық-саяси жүйенің күйреп, ел ішінде бірлік идеясы құлдырып, өзара алауыздықтар өршіп тұрған кезеңмен тұспа-тұс келді.

Ашып айтар болсақ, XX ғасырда Қазақстан толықтай Ресей империясының бодандығында болды. Әкімшілік-басқарушылық және сот-құқықтық реформалар қазақ қоғамының қалыптасқан экономикалық және мәдени өмірін өзгертті. 1914 жылы басталған бірінші дүние жүзілік соғыс зардаптары да, әсіресе, қара халыққа үлкен ауыртпалықтар әкелуімен қатар, шенеуніктер тарапынан сауатсыз қазақ халқының құқығы тапталып, түрлі зорлық-зомбылықтар да жасалды. Патша өкіметінің қазақ жерін бағындыруға және билей түсуге бағытталған саясаты тек біржақты жауынгерлік күш көрсетумен ғана шектелмей, мәдени-ағартушылық бағыт арқылы қолдау көрсеткендей сыңай танытып, империя мүддесін көздейтін білім беру орындарын ашу арқылы да жүзеге асырылды. Себебі өлкелерде үкіметтің ықпалын арттыру мақсатында ұлттық кадрлардың әлеуметтік секторда қажеттілігі туындады. Жаңа білім беру моделі арқылы, сол халықтың өз ішінен білімді және сауатты азаматтарды даярлап, оларды халықты еркін басқару бағытында өз мақсаттарына пайдалануды көздеді. Осындай мақсатта құрылған білім ордаларының бірінде оқыған қазақ жастарының бірі С. Қадырбаев болатын.

С. Қадырбаев 1899-1901 жылдар аралығында Торғайдағы екі жылдық орыс-қазақ училищесінде оқып, білім алған. Училищені үздік бағамен тамамдаған Сейдәзім Қадырбаев сол жылы одан әрі білімін жетілдіру мақсатында Орынбор қаласындағы Орынбор қырғыз мұғалімдер мектебіне оқуға түседі. Аталған оқу орнында Торғай облыстық басқармасының қазыналық есебінен оқыған. Алайда С. Қадырбаев 1905 жылы мұғалімдік оқуын бітіргеннен кейін, үлгілі тәртібі мен жоғары оқу үлгерімі және сол кезеңдегі жоғары сұранысқа ие болған орыс тілін жоғары деңгейде меңгергендігі

себепті, алғашқы жұмыс жолын мұғалімдіктен емес, Орынбор қырғыз мұғалімдер мектебінің инспекторы Андрусевичтің берген мінездемесі мен ұсынысы негізінде Орынбор аймақтық сотында аудармашылықтан бастаған.

Ұсыныстың мектеп инспекторы Андрусевичтің өзінен берілгендігіне байланысты Сейдәзім Құлмұхамедұлы Қадырбаев Орынбор қырғыз мұғалімдер мектебін бітіргеннен кейін, 6 жыл қырғыз бастауыш мектебінде мұғалім болып қызмет істеу және аталған оқу орнында Торғай облыстық басқармасының қазыналық есебінен оқығандығы себепті 360 сом қаржыны қайтару міндеттемесінен босатылған [11, 6 б.; 12, 150-151 б.]. Мұрағат деректеріне талдау жасау арқылы, С. Қадырбаевтың жоғарыда аталған екі білім беру ордаларында да білім үздігі ғана болып қоймай, үлгілі тәртібімен және тілді игеру деңгеймен де көзге түскендігін көруге болады.

XIX - XX ғасырлар тоғысында қазақстандық студенттер империяның барлық оқу орындарында түрлі мамандықтарда оқыған. Алайда қазақ жастары арасында заң мамандығына деген қызығушылық басым болған. Бұл қызығушылықтың өсуіне әсер кеткен маңызды себептердің бірі дәстүрлі әдет-ғұрып құқығының қолданыстан ығыстырылып, орнына қара халық үшін түсініксіз болып саналған, әрі орлардың өмір сүру салтына бейімделіп жасалынбаған империялық сот жүйесінің енуі еді. Сондай-ақ, көп жұрттың оқымаған қараңғылығының салдарынан жаңадан енгізілген сот жүйесін түсінбеудің яғни құқықтық сауатсыздықтың салдарынан көпшіліктің құқықтары тапталып, қоғамда көптеген әділетсіздіктердің орын алуы да қазақ жастарының заң саласына деген бет бұрысына ықпал жасады деген, тұжырым жасауға толық негіз бар.

Мұғалімдік мамандықты игергендігіне қарамастан, сондай қызығушылықпен өмір сүрген қазақ жастарының бірі - Сейдәзім Қадырбаевтың да қызмет жолы патшалық Ресейдің сот органдарында аудармашылық қызметтен басталып, кейін сот саласында түрлі қызметтер жасаумен жалғасын табуына,

сонымен қатар, қазақтың дәстүрлі құқығының орнына империялық жалпыға бірдей заңдық жүйе енгізілген кезеңде, оқыған, орыс тілін жақсы меңгерген қазақ жастары, басқаушы аппараттың тарапынан жоғары сұрасына ие болғандығыда әсер етсе керек.

Орынбор облысының мемлекеттік мұрағатынан табылған Сейдәзім Қадырбаевтың жеке ісі нақты алғаш жұмысқа орналасқан кезеңінен бастап, яғни 1905 жылдың 28 шілдесі мен 1918 жылдың 14 қыркүйек аралығын толық қамтыған.

Орынбор генерал губернаторлығына қарасты, Торғай облысының әкімшілік қарамағындағы Торғай уезінің тумасы Қадырбаевтың еңбек жолын толығырақ қарастыратын болсақ: Орынбор мұрағатынан табылған жеке ісінің 5 бетінде Сейдәзім Қадырбаевтың Орынбор аймақтық сотының төрағасына жазған аймақтық соттағы аудармашылық бос жұмыс орнына жұмысқа қабылдауын сұрап жазған өтініші тіркелген. Сонымен қатар, аталған құжаттың 6 бетінде, Орынбор қырғыз мұғалімдер мектебінің инспекторы Андрусевичтің 4 тамыз 1905 жылы Орынбор аймақтық сотының төрағасына жазған Сейдазым Қадырбаевтың адамгершілік қасиеттері туралы төмендегі толық мәтіндегі: «Вслѣдствіе отношенія отъ 28 іюля за №1174 честь имью сообщить, что окончившій въ нынѣшнемъ году курсъ ввѣренной мнѣ школы Сейдазымъ Кадирбаевъ, будучи въ школѣ 1-ымъ ученикомъ, былъ отличнаго поведенія, прекрасно усвоилъ себѣ какъ русскій яз., на которомъ изъясняется вполнѣ свободно и правильно, такъ и другіе предметы, преподаваемые въ школѣ; выработалъ твердыня, честныя убѣжденія и прекрасный характеръ, съ добрыми нравственными качествами; проникнуть уваженіемъ и любовью къ русской гражданственности и высокимъ патріотизмомъ. А посему могу его рекомендовать на должность переводчика при Окружномъ Судѣ, но считаю нужнымъ сообщить, что Кадирбаевъ, какъ получившій воспитаніе въ школѣ на счетъ Тургайскаго Областного Правленія, обязанъ службой въ Тургайской Области въ должности учителя

начального училища и отъ Областного Правленія зависить освободить его отъ возврата денегъ за полученное образованіе, в суммъ 360 руб. Документы Кадирбаева, а именно: свидѣтельство на званіе учителя за № 305, свидѣтельство объ окончаніи курса въ Тургайскомъ 2-х классномъ учил. за № 55, медицинское свидѣтельство за № 76 и удостовѣреніе о лѣтахъ за № 349 при семъ прилагаю и о полученіи ихъ покорнѣйше прошу увѣдомить меня» - деп жазған мінездемесі негізінде, Сейдәзім Қадырбаевтың Орынбор аудандық соты төрағасының 1905 жылғы 5 тамыздағы №26 бұйрығымен 3 санаттағы канцеляриялық қызметкерлер бөліміне 1905 жылдың 20 тамызынан бастап сот аудармашысының түзетушісі міндетін атқарушысы ретінде жұмысқа қабылданғандығы жөніндегі бұйрық Орынбор мұрағатынан табылған жеке ісінің 9 бетінде тіркелген.

Жоғарыда аталған мұрағат ісінің 8 бетінде Торғай уезінің №2 дәрігерлік бөлімшесі дәрігерінің С. Қадырбаевтың денсаулығы жөнінде берген анықтама куәлігі, 10 бетте Сейдәзім Құлмұхамедұлын жұмысқа қабылдану алдында берген ант беру отырысының хаттамасы мен екі беттік орыс және төте жазумен жазылған, «Клятвенное обѣщаніе» атты құжат тіркелген. Ант беру Орынбор соборный мешітінде Г. Давлетшиннің ұйымдастырумен өткізілген.

Жоғарда аталған істің 14-бетінде, 1907 жылдың 23 ақпанында Қадырбаевтың ауырып қалуы себепті лауазымдық міндеттерін орындай алмайтындығы жөніндегі есебі берілсе, 15 бетте Сейдәзімнің «инфлюэнцеймен» (тұмау) сырқаттанып қалуына байланысты дәрігердің берген анықтамасы тіркелген.

Одан әрі, азаматтық бөліміндегі ең жоғарғы №84 бұйрықпен 1907 жылғы 17 желтоқсандағы Орынбор аудандық сотының аудармашысы Кадирбаевқа 1907 жылдың 20 тамыздан бастап жоғары еңбек өтілі бар колледж тіркеушілігіне ауыстыру туралы шешім шығарылады. Аудармашылық қызметтегі жалақысы 300 рубльді, асханалық-150 рубль,

пәтерақысы-150 рубль, барлығы 600 рубльді құрады.

1908 жылдың 17 сәуірінде Орынбор аймақтық сотының төрағасына жазған Сейдәзім Құлмұхамедұлы пара-тифпен (іш сүзегі) сырқаттанып қалғандығы жөніндегі рапорты, аталған істің 29 бетінде тағыда тіркелсе, 31 бетте 1908 жылдың 12 мамырында «Іш сүзегімен ұзақ мерзімге ауырып қалуым салдарынан, қазіргі уақытта маляриямен (безгекпен) ауырып жүрмін. Күш-қуатым азаюы себепті және дәрігерлер осындай әлсіздіктің кесірінен өкпе туберкулезінің пайда болу қаупі де бар екендігін, ескертті» дей отырып, денсаулығы мен күшін қалыпқа келтіру үшін екі ай жайлауда қымыз ішіп, таза ауамен демалу керектігін ескертті дей келе, екі айлық демалысқа сұранады. 32 бетте дәрігердің берген анықтамасыда тігілген.

Орынбор аймақтық соты төрағасының 1908 жылғы 7 шілдедегі бұйрығымен ол қазылар алқасы сотының аудармашысы болып бекітілді. Бұл қызметтегі жалақысы 450 рубльді, асханалық-225 рубль, пәтерақысы-225 рубль, барлығы 900 рубльді құрады.

Сот төрағасының 1908 жылғы 9 тамыздағы № 41 бұйрығына сәйкес уақытша 11-21 тамыз аралығында аймақтық соттың кассасын басқару міндеті сеніп тапсырылған.

1909 жылдың 9 шілдесіндегі сот төрағаның №25 бұйрығымен 15 шілде мен 1 қыркүйек аралығында аймақтық соттың кассасын басқару және сот ғимаратының қараушысы қызметтерін уақытша атқару міндеттері жүктелген.

1910 жылғы 30 сәуірдегі №21 бұйрығымен ол сот отырысында хатшы міндеттерін орындау үшін соттың қылмыстық бөліміне жіберілген.

Мұрағат деректеріне мұқият зер салып талдау барысында, 1910 жылы 1 тамыз бен 1 қыркүйек аралығында 1910 жылдың 31 шілдедегі №47 бұйрығымен аймақтық соттың кассасын басқару қызметін уақытша атқару міндеттері үшінші мәрте сеніп тапсырылғандығын және негізгі аудармашылық қызметімен қатар өзгеде қосымша жұмыстардың жүктеліп

отырғандығын анықтай отырып, Сейдәзім Қадырбаевтың еңбек жолының алғашқы жылдарынан бастап-ақ, жақсы қырларынан көзге түсіп, басшылық тарапынан оның қызмет барысындағы адалдығы мен еңбекқорлығы жоғары бағаланғандығын аңғаруға болады.

1910 жылғы 28 қыркүйектегі азаматтық ведомство бойынша ең жоғары №66 бұйрықпен атқарған қызмет жылдары үшін жоғары губерниялық хатшы шені берілді. Ал 1911 жылдың 28 наурызында Сейдәзім Құлмухамедұлы Қадырбаев осы күнге дейін ешқандай рұқсат құжатының болмауына байланысты Орынбор аймақтық сот төрағасынан жедел түрде мерзімсіз паспорттық кітапшаны беруіңізді сұраймын деген білдірмесі 39 бетте тіркеліп, оған жауап ретінде 40 бетте Орынбор аймақтық сотының төрағасымен мерзімсіз паспорттық кітапша 29 наурыз 1911 жылы беріледі.

1911 жылы 15 қазаннан бастап Орынбор аймақтық сотында аудармашылықтан №50 өкімімен уездік соттың қылмыстық бөлімінің хатшылық қызметіне тағайындалуы жөніндегі бітімгер соттың рапорты 42 бетте тіркелген. Осы қызметтегі жалақысы 1500 рубльді құрағандығында көруге болады.

1913 жылдың 19 ақпанында Сот мекемесінің жарғысы негізінде №14 бұйрықпен 1913 жылдың 21 ақпанынан бастап хатшы қызметіне тағайындалды және осы мұрағат құжатының 43 бетінде Жоғарғы бұйрық негізінде 1913 жылдың 21 ақпанында Орынбор аймақтық сотының губерниялық хатшысы С.Қ. Қадырбаевқа Романовтар әулетінің 300 жылдық мерейтойына орай қола төс белгісімен марапатталып, тағып жүруге рұқсат берілгендігі туралы куәлігі тіркелген. Қола төс белгімен марапатталуы Қадырбаевтың өз ісінің білікті маман ретінде жоғары бағаланғандығының тағы бір дәлелі болып табылады.

1913 жылдың 19 шілдесінде С.Қ. Қадырбаевтың Орынбор аймақтық төрағасына жазған білдірмесінде дәрігер Мышкинаның медициналық анықтамасын ұсына отырып, 23 шілдеден 23 тамыз аралығына берілген еңбек демалысы денсаулығын қалпына

келтіруге жеткіліксіз болуына байланысты 1 қыркүйекке дейін ұзартуды сұраған.

1914 жылғы 9 маусымдағы азаматтық ведомство бойынша ең жоғары №41 бұйрықпен еңбек сіңірген жылдары үшін коллеждік аға хатшы болып бекітілді. Мұрағат деректерін талдау барысында Қадырбаевтың бірнеше мәрте сырқаттанып, ұзақ уақыт ем қабылдағанына қарамастан, одан әрі жұмысын жалғастырып қана қоймай, қызмет бабында жоғарылап көтерілгендігін де көруге болады.

Орынбор округтік сотының қылмыстық бөлімшесінің хатшысы Сейдазым Құлмухамедұлы Қадырбаев 1916 жылдың 20 тамызынан бастап №93 бұйрықпен еңбек сіңірген жылдары үшін титулды аға кеңесші лауазымына ауыстырылды [11, 45 б.].

1917 жылы Ресейде болған ақпан революциясының нәтижесінде, бірнеше ғасырға созылған патша үкіметінің билігі құлап, оның орнына буржуазиялық-демократиялық республика орнады. 1917 жылғы Ақпан төңкерісін, сол кезде А. Байтұрсынов жазғандай, «қырғыздар оны дұрыс түсінді және қуанышпен қарсы алды, өйткені, біріншіден, төңкеріс оларды патша үкіметінің қысымшылығынан және зорлық – зомбылығынан босатты, екіншіден, олардың өз армандарын жүзеге асыруға - өз бетінше басқаруға деген үмітін нығайтты» деп жазса [13, 24 б.], ал Ә. Бөкейханов Минскіден Қазақстанға 1917 жылдың 16 наурызында зор ықыласпен жолдаған жеделхатында: «Ресейдің барлық халықтары үшін еркіндік, теңдік, бауырластық күні туды» деп жазылған болатын [14, 190-199 б.]. Бұл ақпан революциясы Ресей империясының барлық саяси жүйесіне тән дағдарыстың заңды нәтижесі еді. Осылайша ұзақ уақытқа созылған Ресей империясының отарлық езгісі жойылып, билік Уақытша үкімет қолына көшті. Қазақ даласындағы 1916 жылғы ұлт-азаттық көтеріліске қатысқандарды жазалау процесі жүріп, патшаның 25 маусым жарлығына қарсы шыққандарды түрмеге қамап, өлім жазасына кесіп, қатаң жаза қолданып, ұлттық намысты аяққа таптап,

қорлық-зорлықтың күшейіп жатқан кезінде патшаның тақтан түсуін «бұратана» атанған халықтар зор қуанышпен қарсы алды.

1917 жылы наурыз айының 10 бастап облыс, уез, болыс және ауылдарда ескі құлаған үкіметтің орнына жаңа Уақытша үкіметтің басқару орындары қалыптаса бастайды. Бүкіл Ресей сияқты Қазақстанда да ол билік орындары алғашқы кезеңде Азаматтық комитеттер есебінде пайда болды. Үкімет билігін қолына алаған Уақытша үкімет қазақ интеллигенция өкілдерін қызметке тартты. Осылайша автократия құлағаннан кейін ұлт – азаттық қозғалыстың өкілдері, қазақ қоғам қайраткерлері, бірінші кезекте «Алаш» партиясының көшбасшылары (мысалы А. Байтұрсынов, А. Бірімжанов, С. Досжанов, М. Дулатов, С. Қадырбаев, А. Қозбағаров, Р. Марсеков, М. Тынышбаев, М. Шоқаев), Уақытша үкіметтің жергілікті органдарының құрамына енді [15, 42-44 б]. Сонымен, ескі патшалық билік жойылып, оның орнына жаңа билік келгенімен қазақ қоғамының талап-тілектерінің тағыда ескерусіз қалуы әбден мүмкін еді. Соған байланысты Азаматтық комитеттерімен бір мезгілде облыстық, уездік және болыстық деңгейде Қазақ комитеттері өмірге келе бастайды. Қазақ комитеттерінің өкілдері облыстық және уездік Азаматтық комитеттерінің атқару органдарына мүше болып енеді.

Қазақкомитеттеріұлт-азаттыққозғалыстың Ақпан революциясынан кейінгі кезеңдегі даму нәтижесі, оның өзінің түпкі, негізгі мақсаты – мемлекеттік еркіндікке ұмтылысының табиғи көрінісі, ұлттық мемлекет болуға жасаған алғашқы қадамы болатын.

Наурыз айының ортасына қарай Торғай облыстық Азаматтық комитеті құрылып, оның құрамына енгендердің арасында А. Байтұрсынов, Н. Бегімбетов, М. Тұнғанчин және С. Қадырбаев бар еді. Комитет Торғай облысы азаматтарына үндеу жолдап, онда жергілікті жерде тәртіп сақтау қажеттігін, соғысты жеңіске жеткенге дейін жүргізу үшін үкіметке көмек беру керектігін айтып, «сословиелік, таптық, партиялық және діни қырқысуға» шек қоюға шақырды. Құжатта

тез арада өз араларынан уездік, аудандық, болыстық, селолық және ауылдық Азаматтық комитеттер сайлап, жергілікті жерде тәртіп және тыныштық орнатуға үндеу бар еді [16, 19-19об-п].

ҚР ОММ-ның 1541-қоры 1-тізімдеме 3201-ісінің 38-39 беттеріндегі «1917 жылдан кейін деген кестеде: «1917 жылдың наурыз-шілдеайларындаОрынбордаТорғайоблыстық азаматтық атқару комитетінің мүшесі болдым» - деген жауабы ҚР Президенттік мұрағаты деректерінде айтылған деректі одан әрі нақтылай түседі.

1917 жылдың 1 сәуірінен 7 мамырға дейінгі аралықта Ұлт зиялыларының бастауымен жер-жерлерде облыстық қазақ съездері болып өтеді. Бұл съездердің барлығыда Уақытша үкіметтен үлкен үміт күтіп, сенім артты. Облыстық қазақ съездерін бастап берген 1-2 сәуір аралығында Орынбор қаласында болып өткен Торғай облысы қазақтарының съезі еді.

Съезге барлығы 300-ден астам адам қатынасты. Съезд жұмысы негізінен А. Байтұрсынов, С. Қадырбаев, У. Танашев, О. Алмасов сияқты Алаш қозғалысының алдыңғы қатарлы қайраткерлерінің ықпалымен өтті. Мәжіліс төрағалығына Ахмет Байтұрсынов, орынбасарлығына 1-ші Мемлекеттік Думаның мүшесі А. Кәлменов пен У. Танашев, хатшылығына С. Қадырбаев, О. Алмасов, Ш. Бекмұхамедов сайланды.

Съезге жаңа ғана Торғай облысының комиссары қызметінде бекітілген Ә. Бөкейханов та қатынасады. Бұл «Қазақ» тілшісі Имам Әлімбеков тура атап көрсеткендей «қазақтың орыс қол астына кіргеннен бері зор қалыпта құрылған тұңғыш съезі»еді [17, 41-351 б.]

Съезджаңатәртіпжайыжәнебұрыннанкеле жатқан қазақтың ең өзекті дін, жер мәселесін, земство туралы, оқу, сот тағы сол сияқты барлығы 13 мәселені қарап, олар бойынша қаулы қабылдады. Қаралған мәселелердің бірі оқу ісі жөнінде «жалпы міндетті оқуды съезд аса қажет көргеннен кейін, қазірге бастауыш мектептерді көбейтуге қаулы» етіп, «100 үйге бір мектептен кем болмасын, оқу ана тілінде болсын һәм әйел-еркек балалар бірге оқысын»

деп көрсетті. Сондай-ақ, съезде аса маңызды екі саяси мәселе бойынша комиссия құрғанын айта кеткен жөн. Олардың біріне патшаның 1916 жылғы 25 маусымдағы «бұратана» халықтардан қара жұмысқа адам алу жөніндегі жарлығына қарсы шығып, патша үкіметінің абақтысында азап шегіп жатқандарды босату және 1916 жылғы көтеріліс кезінде басқа елдерге қашып немесе босып кеткендерді, қара жұмысқа алынғандарды еліне қайтару мәселесі жүктелсе, екіншісіне жалпы қазақ съезін дайындау міндеті тапсырылды. Съезд жалпы қазақ съезінде қаралатын мәселелерді дайындауға, орнын һәм уақытын лайықтап, жұртқа хабар беруге айрықша бюро құрып, оның ағзалары етіп Ә. Бөкейхановты, А. Байтұрсынұлын, М. Дулатұлын, С. Қадірбаевты, Ғ. Есенғұловты, И. Әлімбаевты, Е. Тұрмұхамедовты және К. Тұрымовты бекітеді.

Съезд Торғай облыстық атқару комитетін сайлап, оның төрағалығына заңгер Ткаченконы, оған орынбасарлыққа С. Қадірбаевты, мүшелікке басқалармен бірге А. Байтұрсынұлын, М. Дулатұлын және Н. Бегімбетовты бекітеді [4, 304-324 б.].

Одан кейінгі уақытта жоғарыда аталған ҚР ОММ-нан алынған «Народный комиссариат юстиции Кир ССР. Стол учета личного состава» атты С. Қадырбаевтың жеке ісінің «Личный листок ответственного работника» деп аталатын өз қолымен толтырылған құжаттан көріп отырғанымыздай, 1917 жылғы 14 мамырдағы Әділет министрлігінің ведомствосының бұйрығымен Торғай уезінің бітімгер судьясы болып тағайындалып, 1917 жылдың қараша айына дейінгі аралықта Торғайда бітімгер сот лауазымында болды. Орынбор округтік соты бөлімшесінің 1917 жылғы 22 желтоқсандағы жалпы жиналысының шешімімен Торғай облыстық комиссарының көмекшісі болып тағайындалуына байланысты бітімгер судьяның міндеттерін атқарудан босатылды [11, 71 б.].

Қарастырылып отырған кезеңдегі Сейдәзім Қадырбаевтың қоғамдық-саяси қызметіне қатысты «Ситуацию усугубило и

то обстоятельство, что в конце июля – начале августа 1918 г. в Кустанае и Омске произошло несколько конфликтов на национальной почве между русскими и казахами, инициаторами и участниками которых стали видные алашордынцы, в том числе член Акмолинского областного киргизского исполнительного комитета Е.И. Итбаев и депутат Всероссийского учредительного собрания, член военного совета Алаш-Орды С.К. Кадирбаев» деген деректе кездеседі [18, 110-113 б.].

Жоғарыда баяндалған деректен, қарастырылып отырған кезеңде Сейдәзім Қадырбаевтың мемлекеттік маңызы бар саяси істі жауапкершілікпен атқара алатын сенімді мемлекеттік қызметкер ретінде танылғанын көруге болады.

Сонымен қатар, жоғарыда аталған құжатта, 1917 жылдың қараша айынан 1919 жылға дейін Алаш орданың Торғайдағы әскери бөлімінің мүшесі болғандығын, екі жыл алашордашылар қатарында ұлттық мемлекетті құру жолында белсенді қайраткерлік танытқанын да ашық жазған.

Сейдәзім Қадырбаевтың білікті заңгер ретінде ширатылып, әрі тұлға ретінде қоғамдық-саяси көзқарасының қалыптасуына біріншіден, заңсаласында қызмет жасай жүріп, сол заманда қазақ даласында қолданылған нормативтік-құқықтық құжаттар, құқықтық нормалар, оларды қолдану актілері мен тергеу және сот ісін жүргізу практикасын өз көзімен көріп, біліп, іс жүзінде тәжірибе жинақтауы әсер етсе, екіншіден, бастапқыда өз замандастары, әрі ауылдастары, қазақ зиялылары Міржақып Дулатов пен Ахмет Байтұрсыновтармен және кейіннен басқа да белгілі қоғам қайраткерлерімен жақын қарым қатынаста болып, ұлттық мемлекет құру жолындағы ортақ мақсатты жүзеге асыру жолындағы қызметтері ықпал етті. РФ. Воронеж қаласындағы «Воронеж облыстық мемлекеттік қоғамдық-саяси тарихы мұрағатынан» алынған Қадырбаевтың тергеу ісінен алынған мына бір дерек «Перечисленных выше бывших членов буржуазного-националистической организации «Алаш-Орда» имел личные

связи до моего ареста с Байтурсуновым Ахмедом, Дулатовым Мирякубом, Омаровым Елдес, Ермековым Алимханом и Шонановым Тельманом, с которыми проживал и работали городах Оренбург, Кызылорда и Алма-Ата» -деген мәліметтерді талдау барысында, жоғарыдағы жасалған тұжырымды одан әрі нақтылай түсетіндігін көруге болады [19, 8 б.]. Қадырбаев қазақ зиялыларының бірі ретінде Ақпан төңкерісінен кейін жаңа қоғамдық өзгеріске белсене араласып, өз ұлтының өмірін түбегейлі өзгертуге, жақсартуға талпынды.

Президентіміз Қасым-Жомарт Тоқаевтың «Тәуелсіздік бәрінен қымбат» атты мақаласындағы мына бір жолдар біздің ойымызды одан әрі толықтырып растай түсетіндей: «Ең ғажайып ерліктер Отанға шексіз сүйіспеншіліктен туындайтыны сөзсіз. Шын отансүйгіштік дегеніміз – жалаң ұран тастау емес, еліңе, халқыңа қызмет көрсету. Адам баласы дүниеге патриот болып келмейді. Ол білім мен тәрбие алып, әлеуметтік ортамен араласып, азаматтық болмысын қалыптастыру кезінде патриотқа айналады. Өзінің жеке мақсат-мүдделері қоғам игілігімен үндесіп, елінің дамуына елеулі үлес қосып жатқанын жан-жүрегімен сезінген адам нағыз бақытқа кенеледі» [2, 3 б.].

Қорытынды. Сейдәзім Қадырбаев көп өмір сүрмесе де, бар өмірін басқа да көптеген қазақ интеллигенциясының өкілдері сияқты, халқына риясыз қызмет етіп, қазақ қоғамының эволюциясына айтарлықтай үлес қосуға арнады. Оның азаматтық ұстанымдары Алаш қозғалысы тұсында ғана көрініс таппай, Кеңес үкіметі орнағаннан кейін де өз жалғасын тапты. Қадырбаев қазақ халқының құқықтық сауаттылығын көтеру мақсатында, кеңес үкіметі тұсында да өзінің заң саласындағы

қызметін жалғастыра жүріп, шала сауатты заңгерлер үшін бірнеше көмекші құралдар жазып бірнеше заңдарды орыс тілінен қазақшаға тәржімалап, оларды қазақ елінің тұрмыс-салтына бейімдей отырып жазған. Атап айтар болсақ; «Қылмыс заңы», «Ақы заңы», «Жер заңы», «Нотариат туралы заң, ереже, нұсқаулар», «Ақылы істерді жүргізу заңы» және «Неке, үй-іші және қамқорлық туралы заң» атты еңбектері [20, 360 б; 21].

Әрбір адам өз заманының саяси қатынастары мен саяси жүйесінің бір мүшесі дейтін болсақ, онда оқымаған қараңғылықтың салдарынан құқығы тапталған қазақ қоғамына оң әсер етуге талпынған Сейдәзім Қадырбаевтың дәл осындай еңбектерді жазуының себебі әрбір адамның, әсіресе, айтулы әлеуметтік тұлғаның болмысы мен оның шығармашылығы өз заманынан тыс болмайтындығынан. Ондай тұлғалардың сол дәуірдегі қоғам дамуына белгілі бір деңгейде ықпал етіп, өзіндік өзгерістер енгізуіде тарихи заңдылық.

Жоғарыда атап өтілгендей, сот жүйесінде төменгі сатыдан бастап түрлі қызметтер атқару барысында тәжірибе жүзінде жинаған білімі болмаса, арнайы заң оқу орнын тамамдамағанына қарамастан қызмет бабында сатылап көтерілуі яғни аудармашылық қызметтен Наркомюстта бөлім меңгерушісі деңгейіне дейін жеткенді, біріншіден, Сейдәзім Құлмұхамедұлы Қадырбаевтың халқымның қайтсем құқықтық сауаттылығын көтеремін деген тынымсыз ізденістерінің негізінде жинақтаған мол тәжірибесі мен білімінің негізінде десек, екіншіден, қызмет бабындағы жоғары жауапкершілігі мен қажырлы еңбегінің арқасында деп тұжырым жасауға болады.

Әдебиеттер тізімі

- 1 Григорьев В.К., Шаповрев Ю. Фрагменты времени. О чем не говорили. / В.К. Григорьев, Ю. Шаповрев. - Алма-ата: Жалын, 1990. - 48 с.
- 2 Тоқаев Қ.К. Тәуелсіздік бәрінен қымбат / Қ.К. Тоқаев // Егемен Қазақстан. - 2021. - №2. - Б. 2.
- 3 Мартыненко Н. Алаш-Орда: сборник документов / Н. Мартыненко. - Алма-ата: Айқап, 1992. - 120 с.
- 4 Қойгелдиев М. Алаш қозғалысы / М. Қойгелдиев. - Алматы: Мектеп, 2008. - Б. 433.

- 5 Тілешов Е., Қамзабекұлы Д. Алаш қозғалысы. Энциклопедиялық анықтамалық. / Е. Тілешов, Д. Қамзабекұлы. - Алматы: Сардар, 2014. - Б. 528.
- 6 Ескендірұлы М. «Алаш Орда» министрлері / М. Ескендірұлы. - Алматы: 2008. - 114 б.
- 7 Жұртбай Т. Ж. Ұраным-Алаш! / Т.Ж. Жұртбай. - Алматы: Ел-шежіре, 2008. - 438 б.
- 8 Жұртбай Т. Ж. Ұраным-Алаш! : 2 том. / Т.Ж. Жұртбай. - Алматы: Ел-шежіре, 2011. - 447 б.
- 9 Әбдіғалиұлы Б. Торғай көтерілісі: 1916-1917 жж. / Б.Әбдіғалиұлы. - Астана: Фолиант, 2016. – 86 б.
- 10 Әбдіғалиұлы Б. Алаш әскері. 1918-1920 жж. / Б. Әбдіғалиұлы. - Астана: Қазақстан Республикасы Президенті жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институты, 2017. - 286 б.
- 11 Государственный архив Оренбургской области (далее ГАОО) Ф. 57. О. 1. Д. 275. 6-14, 31-45 -71 л.
- 12 Сактаганова Э.Б., Четин Н.Д. Заңгер Сейдәзім Қадырбаев өмірінің кейбір сәттері туралы тарихи деректер // Әл-Фараби ат. ҚазҰУ хабаршысы. Тарих сериясы. -2020. - №3(98). - Б. 156.
- 13 Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш. / Д.А. Аманжолова. - Москва: ИЦ. Россия молодая, 1994. – 213 с.
- 14 Тулепбаев Б. Алаш // История национальных политических партий России: Матер. Междунар. конф., - Москва, 1996. - С. 408.
- 15 Легкий Д.М. Казахские политические деятели в 1917 году: от февраля до октября // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. Сер. Ист. - 2017. - №22. -151 с.
- 16 Қазақстан Республикасының президенттік мұрағаты (әрі қарай ҚР ПМ), Қ. 811. Т. 20. Іс. 137. 19-19об-п.
- 17 Қазақ ұлт-азаттық қозғалысы: Қазақ съездері. Құжаттар мен материалдар жинағы. - Алматы: Ел-шежіре, 2007. – Т. 4. - Б. 352.
- 18 Шишкин В.И. Взаимоотношения Алаш-Орды и Временного Сибирского правительства // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки - 2011. - № 4 (96). С. 318.
- 19 Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее ГАО-ПИ ВО) Ф. 9353. О. 2. Д. 16483. 8 л.
- 20 Дулатова Г., Иманбаева С. Міржақып Дулатұлы: Көсемсөз, әдеби-сын және зерттеу мақалалары: 5-томдық шығармалар жинағы. Т.3 / Г.Дулатова, С. Иманбаева. - Алматы: Мектеп, 2003. - 360 б.
- 21 Тоқтарбай Е.Н. Қайта оралған қайраткер. [Электрон.ресурс] - 2021. -URL: <https://turkystan.kz/article/89605> (Қолданылған күні: 10.02.21)

Э.Б. Сактаганова¹, Е.Е. Сайлаубай², Н.Д. Четин³

^{1,2} Евразийский национальный университет им. Л.Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

³ Киршехирский университет имени Ахи Эврана, Киршехир, Турция

Общественная и правовая деятельность юриста С. Кадырбаева

Аннотация. В данной статье рассматриваются деятельность юриста, переводчика Сейдазыма Кулмухамедулы Кадырбаева, годы его обучения в учебных заведениях во времена царского правительства, успеваемость. Несмотря на то, что Кадырбаев получил педагогическое образование, свою трудовую деятельность он начал с должности переводчика в правовой системе. И это не случайно, так в тот период претерпевал изменения традиционный образ жизни казахского народа. Его продвижение по службе исследовано при помощи архивных данных. Был произведен обзор научной литературы для более подробного изучения общественно-политической жизни и деятельности Сейдазыма Кадырбаева. Произведен сравнительный анализ сведений из архивов и научной литературы России и Казахстана. В результате анализа выявлены неизвестные общественности факты из жизни Сейдазыма Кадырбаева, которые были, которые также дали возможность для систематизации работы. В свою очередь было выявлено, что дружба с казахской интеллигенцией была основой для его дальнейшего развития и сотрудничества с политическими силами, направленными на защиту политических и гражданских интересов народа в начале XX века, в период возрождения политической активности в империи. В статье оцениваются роль Кадырбаева как активного члена политической организации «Алаш – Орда» и его способность продви-

гаться в правовом поле, проявлять себя как грамотного и квалифицированного сотрудника, несмотря на отсутствие специальных юридических знаний. Сейдазым Кадырбаев внес свой вклад в правовую защиту неграмотного населения, переведя несколько законов с русского на казахский язык и приспособив их к казахскому образу жизни. Также он осуществил перевод на казахский язык нескольких работ в области юриспруденции.

Ключевые слова: переводчик; секретарь; наркомюст; юрист; судебная система; Алашорда; интеллигенция; титульный старший советник.

E.B. Saktaganova¹, E.E. Sailaubai², N.D. Chetin³

^{1,2} L. N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan

³ Ahi Evran Kirsehir University, Kirsehir, Turkey

Public and legal activities of a lawyer S. Kadyrbaev

Abstract. This article examines activities of a lawyer, translator Seidazym Kulmukhameduly Kadyrbaev and his training and academic performance under the tsarist government. He received a pedagogical education but began his career as a translator in the legal system. And this is no accident, as at that time the traditional way of life of the Kazakh people was undergoing changes. His career advancement was studied with the help of archival data. A review of the scientific literature was made for a more detailed study of the topic of the socio-political life and Seidazym Kadyrbaev's activities. There was carried out a comparative analysis of information from archives and scientific literature of Russia and Kazakhstan. The results of the analysis reveal facts from Seidazym Kadyrbaev's life that have been unknown to the public. It was also revealed that friendship with Kazakh intelligence was the basis for his further development and cooperation with political forces aimed at protecting the political and civil interests of the people at the beginning of the XX century, during the revival of political activity in the empire. The article assesses S. Kadyrbaev's role as an active member of the political organization «Alash-Orda» and his ability to advance in the legal field, to be a competent and qualified employee, despite the lack of special legal knowledge. Seidazym Kadyrbaev contributed to the legal protection of the illiterate population by translating several laws from Russian into Kazakh and adapting them to the Kazakh way of life. He also translated into Kazakh several works in the field of jurisprudence.

Key words: translator; secretary; people's Commissariat of Justice; lawyer; the judicial system; Alashorda; intelligentsia; senior advisor.

References

- 1 Grigoriev V.K., Shaporev Y. *Fragmenty vremeni. O chem ne govoriли*. / V.K. Grigoriev, Y. Shaporev. [Fragments of time. What they did not talk about] (Jalyn, Alma-Ata, 1990, 48 p.) [in Russian].
- 2 Kasym-Jomart Tokaev. *Tauelsizdik barinen kymbat* [Independence is the most precious thing] Newspaper «Egemen Kazakhstan», 2, 2(2021) [in Kazakh].
- 3 Martynenko N. *Alash-Orda: sb. Documentov* [Alash-Orda: collection of documents] (Aikap. Alma-ata, 1992, 120 p.) [in Russian].
- 4 Koigeldiyev M. *Alash kozgalysy* [Alash movement] (Mektep, Almaty, 2008, 433 p.) [in Kazakh].
- 5 Tleshev E., Kamzabekuly D. *Alash. Kozgalysy. Encyklopedialyk anyktamalyk* [Alash movement. Encyclopedic Guide] (Sardar, Almaty, 2014, 528 p.) [in Kazakh].
- 6 Eskendiruly M. «Alash-Orda» ministirleri [Ministers of «Alash-Orda»] (Almaty, 2008, 114 p.) [in Kazakh].
- 7 Jurtbai T.J. *Uranym-Alash!* [The motto is Alash!] (El-shejire, Almaty, 2008, 438 p.) [in Kazakh].
- 8 Jurtbai T.J. *Uranym-Alash! : 2 tom.* [The motto is Alash! V. 2] (El-shejire, Almaty, 2011, 447 p.) [in Kazakh].
- 9 Abdigaliuly B. *Torgai koterilisi : 1916-1917 jj. Kujattar. makalalar* [Torgai uprising 1916-1917] (Foliant, Astana, 2016. 86 p.) [in Kazakh].

- 10 Abdigaliuly B. Alash askeri. 1918-1920 jj.[Alash army. 1918-1920] (Kazakstan Respublikasy Prezidenti janyndagy Kazakstan strategialyk zertteuler instituty, Astana, 2017. 286 p.) [in Kazakh].
- 11 Centralnyi gosudarstvennyi arhiv Orenburgskoi oblasti (dalee GAOO) [Central State Archives of the Orenburg Region (further GAOO)] F. 57. O. 1. D. 275. 6-14, 31-45 -71 L. [in Russian].
- 12 Saktaganova E.B., Chetin N.D. Zanger Seidazim Kadyrbaev omirinin keibir satteri turaly tarihi derekter. [Lawyer Seidazim Kadyrbaev is a historical figure about some lines of his life] Al-Farabi KazUU habarshysy. Tarih seriasy [Al-Farabi Kazakh National University journal. History series] Almaty, 3(98) 156(2020) [in Kazakh].
- 13 Amanjolyva D.A. Kazahski avtonomizm i Rossia. Istoria dvijenja Alash. [Kazakh autonomy and Russia. History of the Alash movement] (IC. Rossia molodaia, Moscow, 1994. 213 p.). [in Russian].
- 14 Tulepbaev B. Alash. Istoria nacionalnyh politicheskikh partii Rossii. [History of the national political parties of Russia] Material Mejdunarod. konf., [Mater. International Conf.] Moscow, 1996. P. 408 [in Russian].
- 15 Legkii D.M. Kazahskie politicheskie deiateli v 1917 godu: ot fevralia do oktiabria [Kazakh Politicians in 1917: February to October] Vestn. Hakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova. Ser. Ist. [Bulletin of N.F. Katanov Khakass State University. Ser. History] 2017. № 22. P. 151 [in Russian].
- 16 Kazakhstan Respublikasynyn prezidenttik muragaty (ari karai KR PM) [Presidential archive of the Republic of Kazakhstan] F. 811. O. 20. D. 137. 19-19ob L. [in Kazakh].
- 17 Kazak ult-azattyk kozgalysy : Kazak siezderi. Kujattar men materialdar jinagy [The Kazakh national liberation movement] 2007. Vol. 4. P. 352 [in Kazakh].
- 18 Shishkin V.I. Vzaimootnoshenia Alash-Ordy i Vremennogo Sibirskogo pravitelstva. [The relationship between the Alash Orda and the Provisional Siberian Government] Izvestia Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki [News of the Ural State University. Ser. 2, Humanities.] 2011. № 4 (96). P. 318 [in Russian].
- 19 Gosudarstvennyi arhiv obshestvenno-politicheskoi istorii Voronejskoi oblysti (further GAOPI) [State Archive of Social and Political History of the Voronezh Region] F. 9353. O. 2. D. 16483. 8 L. [in Russian].
- 20 Dulatova G., Imanbaeva S. Mirjakyp Dulatuly: Kosemsoz, adebi-syn jane zertteu makalalary: 5-tomdyk shygarmalar jinagy. T.3 [Foreword, literary criticism and research articles] (Mektep, Almaty, 2003. 360 p.) [in Kazakh].
- 21 Toktarbai E.N. Kaita oralgan kairatker [The returned activist] Available at: <https://turkystan.kz/article/89605>[in Kazakh] (Accessed 10.02.21)

Авторлар туралы мәлімет:

Сактаганова Эльмира Балтабаевна – Корреспонденция үшін автор, тарих мамандығының 3 курс докторанты, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан, Қазақстан.

Сайлаубай Ерлан Ерназарович – «Абай академиясы» зерттеу институтының директоры, Қазақстан тарихы кафедрасының доценті, тарих ғылымдарының кандидаты, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан, Қазақстан.

Четин Н.Д. – Ph.D., профессор, халықаралық қатынастар кафедрасының меңгерушісі, Кыршехир Ахи Эвран университеті, Кыршехир, Түркия.

Saktaganova Elmira Baltabaevna – Corresponding author, The 3rd Ph.D. doctoral student in History. L.N. Gumilyov Eurasian National University. Nur-Sultan, Kazakhstan.

Sailaubai Yerlan Yernazarovich – Director of the Research Institute «Abai Academy», Associate Professor of the Department of History of Kazakhstan, Candidate of Historical Sciences. L.N. Gumilyov Eurasian National University. Nur-Sultan, Kazakhstan.

Chetin N.D. – Ph.D., professor. Head of the Department of International Relations. Kirsehir Ahi Evran University. Turkey, Kirsehir.

Г.Ж. Султангазы

Университет КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева, Нур-Султан, Казахстан
(E-mail: g_sultangazy@kazguu.kz)

Город и интеллигенция рубежа XIX–XX вв. (историографический аспект)

Аннотация. Формирование и становление интеллигенции как политической и творческой силы происходило не без влияния городской среды. Интегрирование казахских интеллектуалов в городское пространство привело к качественным изменениям как самого города, так и интеллигенции и его поведенческих паттернов. Исследование факторов влияния городского пространства на развитие социальных групп и институтов, а именно на качественные характеристики национальной интеллигенции, процессы их адаптации к городской среде – важная задача гуманитарных наук, в том числе и исторической. Современная казахстанская историография находится в парадигме освоения результатов европейской и российской урбан-истории.

В настоящей статье будет освещена историографическая ситуация в данном направлении с точки зрения развития городской проблематики. Предпринята попытка историографического обобщения по теме взаимовлияния города и казахской интеллигенции рубежа XIX–XX вв. Город, являясь полифункциональным пространством, где происходит генерация идей и инноваций, меняет не только ландшафт, но и мировосприятие в целом. Деятельность национальной интеллигенции определила развитие Казахстана если не в практическом, то концептуальном смысле. На сегодняшний день казахстанская историография представлена отдельными исследованиями по истории города, интеллигенции, казачества и купечества. В то же время недостаточно трудов, которые рассматривали бы население Казахстана и город как единый сложный организм, находящийся в перманентном взаимодействии и взаимовлиянии, фокусируемые на истории повседневности. Одним из методов настоящего исследования выступил историко-генетический, позволяющий рассмотреть проблематику в ее развитии и выявить закономерности. Применение историко-сравнительного метода обнаружило отличия в развитии казахстанской историографии. Комплексное изучение городской среды в историческом разрезе позволяет понять природу изменений, в которых находилось общество и государство, а также мотивы и устремления казахских интеллектуалов. Одним из результатов стало выявление общих закономерностей советской и казахстанской историографии, так как в них город и интеллигенция, являясь объектами исследования, не рассматривались в тесной связи и взаимовлиянии. Обозначенная проблематика не получила должного внимания со стороны исследователей как советского, так и современного периодов.

Ключевые слова: казахстанская историография; российская историография, национальная интеллигенция; деятельность национальной интеллигенции, город; городская среда; городское пространство, общественная деятельность; урбан-история; повседневная история.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2021-134-1-107-119>Поступила: 08.02.2021 /Одобрена к опубликованию: 10.03.2021

Введение. Город и городская среда, являясь полифункциональным пространством, играют важную роль в развитии общественных процессов. Комплексное изучение городской среды в историческом разрезе позволяет понять природу изменений, в которых находилось общество и государство и определить возможные сценарии их взаимодействия и перспектив развития. Трансформация и формирование новых социальных категорий, профессиональных направленностей, как правило, происходят ввиду высокой энергетики города. Он стал той необходимой средой, где происходила активация социальной и экономической жизни общества, либо создавались новые активности. Национальная интеллигенция имела возможность реализовать себя как политическая и творческая сила именно в городе, где уже существовала или создавалась так называемая инфраструктура, способствующая социальным и иным преобразованиям.

Исследование факторов влияния городского пространства на развитие социальных групп и институтов, а именно на их формирование, процессы адаптации к городской среде - важная задача современных гуманитарных наук.

Историческая урбанистика помогает определить мотивы человеческой активности, которая, взаимодействуя с городской средой, ведет к качественным изменениям как самого города, так и личности и его поведенческих паттернов.

Современный город является не просто активной экономической единицей, но прежде всего пространством, имеющим потенциал к обеспечению условий для качественного прорыва в различных сферах общественной и экономической жизни. Стоит отметить, что на рубеже XIX–XX вв. в городских пространствах Казахстана выделились общеимперские изменения – от конструктивных до разрушительных. По нашим изысканиям следует, что город с его высокой концентрацией населения значительно повлиял на пути решения казахской интеллигенции, изменил

функционал казачества и создал импульс для формирования казахской буржуазии. Поверхностный взгляд на города Казахстана в начале XX века говорит о формировании среды, готовой прежде всего к эволюционному развитию событий. Однако 1917 год изменил ситуацию, и городское сообщество вовлекается в череду радикальных потрясений.

В данной статье предпринята попытка историографического обобщения по теме взаимовлияния города и казахской интеллигенции рубежа XIX–XX вв. Город, являясь полифункциональным пространством, где происходит генерация идей и инноваций, меняет не только ландшафт, но и мировосприятие в целом. Деятельность национальной интеллигенции, связанная не только с творчеством, но прежде всего с общественной активностью определила развитие Казахстана если не в практическом, то в концептуальном смысле. Комплексное изучение городской среды в историческом разрезе позволяет понять природу изменений, в которых находилось общество и государство, а также мотивы и устремления казахских интеллектуалов, то, насколько город с его активной позицией может трансформировать или полностью поменять принципиальные мировоззренческие установки различных категорий населения и прежде всего интеллигенции.

Города Казахстана представляют собой уникальные образования с отчетливо выраженным функционалом. Это касается и городов с тысячелетней историей (южная часть Казахстана), и городов, возникших в результате русского продвижения в Степь. Однако широта географического охвата и временного диапазона позволяют выделить общие закономерности и принципиальные отличия, обусловленные, прежде всего, ландшафтными и цивилизационными особенностями.

Исследование внешней среды, в контексте которой происходит взаимовлияние и взаимодействие различных субъектов, является важным аспектом. В нашем случае внешней средой является город с присущей ему сложной системой взаимосвязей,

комплексом институций, имеющих влияние на качественные характеристики интеллектуалов. Однако стоит отметить, что процесс влияния будет совместным.

Методы исследования. Город как объект научного исследования изучался с различных позиций. Прежде всего появилась историческая проблематика, в соответствии с которой исследовалась история происхождения города, механизмы развития и функции города в политической, экономической и культурных системах. Жизнь и деятельность казахских интеллектуалов рубежа XIX–XX веков в последние десятилетия является одним из самых изучаемых направлений в казахстанской исторической науке.

В настоящее время появилось достаточное количество работ по обозначенной тематике, тем не менее, отдельные аспекты деятельности национальной интеллигенции требует актуализации и формирования новых дискурсов. Так, в последнее время историческая персоналистика стала популярным жанром, что позволяет выявить общие черты и специфические тактические линии в поведении отдельно взятых казахских интеллигентов [1].

Одним из методов настоящего исследования выступил историко-генетический, позволяющий рассмотреть проблематику в ее развитии и выявить закономерности. Применение историко-сравнительного метода обнаружило отличия в развитии казахстанской историографии.

Доступность архивных источников позволяет шире и глубже взглянуть на проблему существования казахской интеллигенции в конкретных исторических условиях. Однако цельность образа интеллигенции будет полной, если мы сможем отойти от традиционного взгляда на ее функции и роли, выраженных преимущественно в политической борьбе.

Обсуждение. Урбан-история как научное направление находится в стадии становления на постсоветском пространстве, в том числе и в Казахстане. Тем не менее российские исследователи городов и городской истории к

настоящему моменту смогли заложить основы для развития исторической урбанистики. Успешными в этом направлении, помимо московской и петербургской школ, являются краснодарская, дагестанская и сибирская. По признанию самих российских исследователей, региональные исследования находятся в рамках краеведческого направления [1, 4, 25]. Тем не менее уже существуют дискуссионные площадки и фундаментальные работы в этом направлении.

Сообщество городских историков стало складываться примерно в 70-е годы XX века на основе традиций, заложенных учеными рубежа XVIII–XIX вв. Сегодня историческая урбанистика как научное направление достаточно развито в западной историографии, в США, Великобритании и других странах, где сформировалось направление Urban history. Среди знаковых работ, которые определили основные концепты урбанистических исследований, выделяются работы Джейн Джекобс «Смерть и жизнь больших американских городов», М.Вебера, К.Линча и др. [2] В целом западными исследователями было сформировано проблемное поле и дискурс, прежде всего рассматривающий город как сложный многоуровневый организм, где создаются условия для не менее сложной коммуникации и взаимодействия. Город одновременно изучается как пространство архитектуры, место локации органов власти и их взаимодействия и влияния на человека с обозначением важности индивида в городской среде. На сегодняшний день казахстанская историография представлена отдельными исследованиями по истории города, интеллигенции, казачества и купечества. В то же время недостаточно трудов, которые рассматривали бы население Казахстана и город как единый сложный организм, находящийся в перманентном взаимодействии и взаимовлиянии, фокусируемый на истории повседневности. Многие работы акцентируют внимание на политических процессах, протекавших в городской среде, незаслуженно обходя вниманием «маленького человека», существование которого определяла облик

городского пространства. Вместе с тем ключевые события обозначенного периода разворачивались главным образом в городской среде. Город представлял собой катализатор идей и активностей и задавал устремления и направления развития общества и государства. В настоящее время сформировался солидный блок научных работ, отражающих не только экономическую, но политическую роль городских центров. Подъем городской культуры в XVIII–XIX веках будет связан с процессами колонизации, активным строительством крепостей и на их основе формированием городских центров. Изучение специфики городов-крепостей стало интенсивным в последние десятилетия, однако они не выходят за рамки краеведческого формата. Авторами преимущественно использовался дискриптивный метод, не раскрывающий глубинные процессы существования города. Краеведческая нацеленность большей части работ стала сдерживающим фактором для формирования не только полноценного направления, но и понимания смысла и функции города в историческом и культурологическом разрезе. Однако данный факт не должен умалять значимость вышеобозначенного историографического пласта. Потому как в центре внимания ученых чаще всего стоят крупные мегаполисы, нежели провинциальные небольшие города. Тогда как исследование малых городов дает возможность изучить историю, процессы в более полном объеме (есть возможность использовать данные переписи для охвата или выборки всего населения). В работах казахстанских ученых город рассматривается с позиций города как центра культуры либо в контексте истории архитектуры.

Современная городская история в Казахстане находится в парадигме освоения объема западной литературы, методов и подходов изучения, с одной стороны, и преодоления историческим сообществом определенных стереотипов, сдерживающих развитие данного направления.

Во-первых, распространённое мнение, что степь и город понятия взаимоисключающие

на долгое время сделали данную тему непривлекательной для исследователей. Во-вторых, казахстанские города рубежа XIX–XX вв. представляли собой города неклассического типа, и были скорее центрами для размещения административных единиц. В-третьих, неравномерность городов и городских поселений не позволяли выявить универсальные принципы их развития.

На наш взгляд, исследование внешней среды, в контексте которой происходит взаимовлияние и взаимодействие различных субъектов, является важной задачей.

Результаты. Методологические подходы рубежа XX–XXI вв. в освещении городской тематики, основанные на фундаментальных разработках еще советского периода, не теряют своей актуальности и сегодня. В этом направлении ценность представляют работы Э.Сайко, Л.Репиной и др., также постсоветский период в свет выходит издание «Город как социокультурное явление исторического процесса», где были собраны публикации ведущих ученых, чьи работы появились на стыке политической трансформации, неизбежно ведущей и к качественным изменениям в научной жизни [3, 20 стр.]. Так, Э.Сайко считает, что город обеспечивает рост творческих возможностей субъектов через активное взаимопроникновение и предлагает рассматривать «процесс урбанизации как постоянной составной становления и развития исторически определенной социальности (разделенного общества)» [3, 23 стр.]. Поддерживает тезис Э.Сайко и другой видный ученый культуролог А.Ахиезер, который считает, что урбанизация преобразует/трансформирует «человека из субъекта микроареала, охватывающего одну деревню, одну общину, в субъекта непрерывно расширяющегося макроареала [3, 23 стр.]».

Достаточно перспективным представляется развитие российской городской истории. Не потеряла своей актуальности городская историография советского периода, представленная работами Анохиной Л. А., Анциферова Н. П., Рабинович М. Г., Межевич М. Н. и др. [4]. Сегодня проблематика вопроса интересна ученым ввиду

междисциплинарности и многообразия подходов [5]. Уникальным отличием последних работ является нацеленность на изучение провинциальных городов в контексте истории повседневности. Сегодня уже можно отметить несколько школ, и они главным образом локализируются помимо Москвы и Петербурга, в Сибири, Кубани и Закавказье [6]. Особого внимания заслуживает учебник «Историческая урбанистика: теория и практика», подготовленный коллективом авторов Южного федерального университета, изданный в 2014 году [7]. Авторами предпринята попытка дать системную картину урбанизации. Городская среда раскрывается через описание многоаспектной деятельности города, способного к самоорганизации. Главными тезисами являются следующие: во-первых, город, городская среда и эволюционные процессы являются одновременно причиной и итогом институциональных и функциональных изменений, в которых пребывает город. Во-вторых, город рассматривается как социальная городская организация и культурологическая среда, формируемая полифункциональным ее назначением. Несомненным плюсом труда является его системность. В работе обозначены главные проблемы урбанистского направления: историческое развитие городов, городская среда как центр реализации российских модернизационных практик, проблемы управления, культурное развитие и т. д.

В контексте нашего исследования интересна статья Ковшовой Е., Автор на основе эмпирических исследований, используя приемы математической статистики, доказывает прямую связь двух явлений [8, 154–158 стр.]. Объектом анализа стала интеллигенция, изменение ее морального сознания в период с 2003 по 2012 год. Ковшова Е. считает, что процессы урбанизации приводят к преобладанию предметных контактов над личностными. Одновременно происходит снижение роли традиционных связей. Однако в статье отражен только один аспект: как городская среда со всей сложной совокупностью инфраструктур влияет на

горожанина, но не прослеживается влияние человека на городскую среду.

Влияние исторических факторов на развитие современных городов является предметом исследования российского ученого И. Агеева [9, 79–84 стр.]. Он рассматривает «городское пространство как совокупность исторически обусловленных полей и сценариев взаимодействия социальных и экономических субъектов». По мнению И. Агеева, конструирование образа и структуры города происходит под воздействием экономических и социальных процессов, а не является результатом только деятельности исторических деятелей. Так, к примеру, идея и практика социального равенства привела к архитектурному единообразию и к стандартизации в целом. Политический фактор имеет свою силу влияния на развитие городской среды, допустим, российский город конца XX и XXI вв. развивался под влиянием двух сменяющихся политических режимов и т. д.

Иную позицию в данном вопросе занимает Е.Самойлова, по ее мнению, ключевую роль в урбан-процессах, особенно в провинциальных городах, играла местная интеллигенция [10, 149 стр.]. Из ее числа формировалась так называемая «инициативная группа с системой духовных потребностей и интересов». Ее деятельность, обусловленная данным набором, определяла облик города. Однако автор признает, что ресурсы интеллигенции были ограничены, а отставание провинциальных городов от центральных было существенным.

Еще одна интересная позиция высказана коллективом авторов, Т.Нефедовой и др., в вопросе взаимодействия города и интеллигенции. По их мнению, город воспринимался столичными представителями интеллигентской прослойки как «царство несвободы» [11, 154 стр.].

Городская среда в их понимании — это имперская бюрократия, государственный прессинг на индивидуальность, что тормозило культурное развитие и привело к особому типу взаимодействия столиц и интеллектуалов. Появился тренд на «дезурбанизацию» и отрицание символов и содержания городской

культуры, которая создавалась огромной машиной имперских архитектурных решений.

Освоение новых территорий и развитие городов национальных окраин Российской империи стало темой исследования В. И. Дятлова и К. В. Григоричева [12, 573 стр.]. Иркутские ученые выдвинули тезис об «этнизации городских пространств». Однако термин этнизации требует уточнения. По мнению авторов, при освоении новых территорий имела значение «способность переселенца к хозяйственному освоению «новых», «пустых» земель». Авторы объясняют этничность следующим образом: «зачастую этническое определение понимается, прежде всего, в расширительном смысле как обозначение подданства/гражданства, общей культуры и во вторую очередь, происхождения». Работа иркутских ученых интересна в связи с тем, что алгоритм создания казахстанских городов на рубеже XIX–XX вв. очень схож с южносибирскими. Мы имеем дело с теми же сословными категориями и этническими группами, объединенными колониальными мероприятиями.

Нельзя не отметить, что историческая урбанистика как научное направление получило развитие в регионах - Сибирь, Кубань, Кавказ и т. д. - что не случайно, так как города в имперских регионах являлись центрами культурных преобразований и задавали ориентиры для развития всего региона.

Так, бурятские ученые выпустили монографию «Город и село в постсоветской Бурятии», в которой авторы изучили процессы трансформации бурятской этничности в сельской и городской среде [13]. В контексте нашего исследования интересны выводы авторов по данной проблематике. Казахи, будучи кочевым этносом, адаптировались к городской среде длительное время, исключение составляла национальная интеллигенция.

В контексте нашего исследования важно изучение города как сложной системы культурных коммуникаций, влияющей на функциональные изменения различных социальных категорий. Западная

историография рассматривает город именно в таком формате.

Тем не менее городская тематика являлась предметом исследований как в советский, так и в настоящий периоды. Проблема развития казахстанского города в системе Российской империи является очень привлекательной в формирующейся исторической урбанистике Казахстана. Отдельного упоминания заслуживают работы Ж.К. Касымбаева, Н. В. Алексеенко, К.М. Туманшина, Г.А. Алпыспаевой и др. [14]. Исследования этих ученых сыграли существенную роль в фундировании урбан-истории Казахстана. Одним из немногих успешных исключений являлась международная конференция «Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы», прошедшая в Алматы в 2004 г. [15]. Вместе с тем большинство научных трудов по истории казахстанских городов эпохи Российской империи сосредотачивается на тематике социально-экономического развития, в то время как исследовательские поля городской демографии, средового пространства, градостроительства, культуры и семантических отношений не были полноценно разработаны [16].

Абсолютно новым направлением для казахстанской историографии является изучение города в контексте повседневности. Через применение данного подхода актуализируются роль и значимость больших слоев населения, без которого существование города и движения исторических процессов невозможны. Ранними работами, написанными в данном ключе, являются труды карагандинских ученых, где предпринята попытка анализа сложного взаимодействия и взаимовлияния города и горожан. В данном аспекте следует отметить труды исследователей Абдрахмановой К., Сактагановой З., Козыбаевой М., [17]. Новое понимание города и городской среды внесли результаты проекта «Актуальные практики памяти: концептуализация прошлого и конструирование идентичности в современной культуре Казахстана» под руководством К. Медеуовой, где городское

пространство рассматривается с позиций постмодернизма и урбан-антропологии [18].

Таким образом, казахстанская городская историография имеет определенный наработанный базис, но при этом нуждается в формировании проблемного поля, с учетом сформировавшегося дискурса в городских исследованиях.

Сегодня важно изучение городов дореволюционного Казахстана в контексте фронтирных исследований. Объектами исследования становятся города двух групп: города, возникшие на юге Казахстана, но прошедшие трансформацию в силу политических факторов, и города, появление которых стало результатом продвижения России. Фронтир может быть определен административной удаленностью (от центральной власти, сосредоточенной в Петербурге), а также качественным и количественным составом населения: так, население северных приграничных городов преимущественно было заселено пришлым населением, а южные - коренным. Соответственно, инфраструктура города, социальные институты, общественные договоренности, ведущие к общественному порядку, были новыми или находились в состоянии становления. Вместе с этим происходило формирование и трансформация общественных отношений, что и является типичными характеристиками фронта. Изучение города в контексте пространства жизни, трудовой деятельности, социальной адаптации и круга факторов, влиявших на общественные предпочтения рубежа XIX-XX вв., будут включены в круг вопросов предстоящего исследования. Становится очевидным, что из поля зрения выпала история «обычных» людей, человека без имени, но без которого не совершаются ключевые события.

Доступность источников и историографии настоящего периода позволяют шире и глубже взглянуть на проблему существования казахского либерализма в конкретных исторических условиях. Но результаты историографии не дают полной целостной картины, и, соответственно, создается

ощущение, что мы еще находимся в так называемой «парадигме освоения сырых архивных материалов». Между тем есть работы, которые являются для многих исследователей ориентирами, к ним относятся труды М.Койгельдиева, К.Нурпеисова, Т.Омарбекова, Д.Аманжоловой и др., чьи результаты определили научное направление «алашоведение» [1]. Ими был обозначен круг проблем: формирование политических принципов и платформы будущей партии, взаимоотношения с политическими силами края и империи, попытка объективного анализа сильных и слабых сторон движения.

В целях комплексного понимания истории казахской интеллигенции важны труды не только политологического и юридического характера, где предметом исследования выступают природа и эволюция казахского либерализма, возникновение политических платформ, правовой анализ содержательной части программ. Названные факторы рассматриваются в конкретном историческом времени, в которых существовала и действовала партия. Это помогает взглянуть на один и тот же предмет с разных сторон и понять смысловое значение действий как лидеров, так и всего движения. К таковым работам относятся труды К.Жиренчина, Е.Абенова, К.Котова и др. [19].

Казахская либеральная интеллигенция как функционально значимая категория казахского общества сформировалась на рубеже XIX — начала XX веков. Ее представителями, как уже было отмечено выше, стали выпускники высших и средних учебных заведений Российской империи. Численность казахской интеллигенции и сегодня является предметом научных изысканий [20]. В исторической литературе имеются разные сведения о количестве студентов-казахов, обучавшихся в Императорском Казанском университете. Б. Кенжетасов называет цифру 37, причем 20 из них успешно завершили учебу [21, 35 стр.] В новом издании Истории Казахстана говорится о 25 казахах, из них 16 человек обучались на юридическом факультете, остальные на медицинском [22, 74 стр.] Еще ранее попытку

подсчета студентов-инородцев предприняла С. Михайлова. Однако она называет всего несколько фамилий [23, 343 стр]. Подсчет усложняется тем, что графа «национальность» отсутствовала. О наличии инородцев можно было узнать в графе «вероисповедание», но мусульманами были не только казахи. В целом они представляли собой незначительную в количественном отношении группу, что не мешало ей сыграть важную роль в формировании мировоззрения общества того периода.

Нижеприведенные данные отражают студенческую жизнь конца XIX — начала XX вв.: «Студенты, приехавшие учиться в Казань после гимназий Поволжья, Уфы, Оренбурга, Сибири, Астрахани и других городов Восточного региона Российского государства, тратили на лекции и практические занятия 8–10 часов. Основным средством пополнения интеллектуального багажа было чтение (87, 81 проц.)» [21, 35–36 стр]. Среди авторов, мировоззрение которых разделяют студенты юридического факультета, на первом месте - К.Маркс (17 процентов); самые популярные публицисты Петров - 12,2 процентов, Амфитеатров - 11,7 процентов, Г.Плеханов, А.Луначарский - 4,3 процента. Среди самых читаемых писателей: Андреев - 22,8 процента, М.Горький - 22,5 процента, А.Чехов - 13,2 процентов, Л.Толстой - 8,8 процентов, Н. Короленко - 9,2 процентов. 63 процента опрошенных или 2/3 от общего количества респондентов заявили о своей приверженности социалистическим идеям. Сторонниками модных идей выступили и казахи-студенты: один социал-демократ, другой социалист [21, 37 стр.]. Большинство студентов посещали различные кружки, имевшиеся в университете. Также студенты участвовали в работе Общества археологии, истории и этнологии [21, 35 стр.].

Университеты, помимо основных образовательных функций, играли роль политических центров. Здесь студенты непосредственно определяли свою политическую и общественную позицию. Представители национальных окраин создавали своеобразные землячества.

Как правило, казахи поступали либо на медицинский факультет, либо на юридический. Причем на юридический факультет казахи стали приниматься после 1873 года. Такое положение дел С.Михайлова объясняет следующим образом. В университете могли учиться только выпускники 1-ой Казанской гимназии. Особые правила 1836 года устанавливали возможность приема и обучения медицинским наукам в Казанском университете 20 воспитанникам из мусульман Оренбургской губернии, которые предварительно должны были окончить курс в 1-ой Казанской гимназии. В 1849 году было подтверждено, что эти лица могут обучаться только на медицинском факультете [23]. Лишь Уставом 1863 г. разрешалось поступать в Казанский университет мусульманам, прошедшим курс любой гимназии. Но только через 10 лет это разрешение стало осуществляться на практике. Тем мусульманам из Оренбурга, кто не мог заниматься на медицинском факультете, было разрешено переводиться на любой другой.

Не исключено, что в российской историографии несколько преувеличена роль российской и западной мысли в становлении казахских интеллектуалов [24, 42–48 стр]. Но она не была доминирующей, так как в недрах казахского этноса перманентно существовали идеи социальной справедливости и свободы человека при его подчиненности родовым принципам. Не думаем, что идеи французской революции являются исключительно продуктом западной цивилизации. Они скорее имеют универсальную природу и этносы естественным образом стремятся достичь определенного идеала соотношения свободы индивида и власти, которая по определению имеет насильственную природу.

Длительное проживание в контактной зоне смежных национальных культур, приобщение к элитному образованию в российских вузах дореволюционного времени, личное стремление к доминанте в обществе с целью достижения независимого существования, искреннее желание процветания собственному этносу предопределили творческую активность казахской

интеллигенции, закономерно перешедшей в фазу политической деятельности.

Очевидно, что российские вузы стали первым этапом в формировании политических и правовых взглядов казахской интеллигенции и стали тем механизмом, который раскрыл в них талант общественных деятелей и лидерский потенциал.

Таким образом, казахстанская городская историография имеет определенный наработанный базис, но при этом нуждается в формировании проблемного поля, с учетом сформировавшегося дискурса в городских исследованиях.

Заключение. Взаимодействие и взаимовлияние города и интеллигенции является одним из актуальных направлений в гуманитарных науках, позволяющих объективно оценить значимость и историческую роль интеллигенции как социально активной прослойки. Формирование и становление интеллигенции как политической и творческой силы происходило не без влияния городской среды. Интегрирование казахских интеллектуалов

в городское пространство привело к качественным изменениям как самого города, так и интеллигенции и его поведенческих паттернов. Одним из результатов стало выявление общих закономерностей советской и казахстанской историографии, так, город и интеллигенция, являясь объектами исследования, не рассматривались в тесной связи и взаимовлиянии. Обозначенная проблематика не получила должного внимания со стороны исследователей как советского, так современного периодов.

Комплексное изучение городской среды в историческом разрезе позволяет понять природу изменений, в которых находилось общество и государство, а также мотивы и устремления казахских интеллектуалов.

Статья подготовлена в рамках реализации грантового исследования на тему «Культурная среда исторического города: трансформация казахстанского урбан-пространства рубежа XIX–XX вв.».

Договор № 266 на реализацию научных, научно-технических проектов по грантовому финансированию.

Список литературы

- 1 Койгельдиев М. Қазақ демократиялық интеллигенциясының 1905–1917 жылдардағы қоғамдық-саяси қызметі. Тарих ғылымдарының докторы ғылыми дәрежесін алу үшін дайындалған диссертация. – Алматы, 1994. – 320 с.
- 2 Мамраева А. К. «Общественно-политическое развитие Казахстана начала XX века и А. Букейханов: Диссертация на соиск. уч. степени канд. историч. наук. – Алматы, 1996. – 11 с.
- 3 Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов /Д. Джекобс. - Москва: Новое издательство, 2011. - 460 с.
- 4 Сайко Э. В. Город как социокультурное явление исторического процесса / Э. В. Сайко. - Москва: Наука, 1995. - 351 с.
- 5 Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. На примере городов Калуга, Елец, Ефремов / Л. А. Анохина. - Москва: Наука, 1977. - 360 с.
- 6 Рабинович М. Г. Очерки русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт /М. Г. Рабинович. - Москва: Наука, 1978. - 328 с.
- 7 Мастеница Е.Н. Культурное пространство города как предмет исследования и объект познания: междисциплинарный подход // Петербургские исследования: сборник научных статей. -2011. - № 3. - С. 128–147
- 8 Карлова О. А., Копцева Н.П. Новое будущее Сибири: ожидания, вызовы, решения. - Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. - 508 с.
- 9 Попова Н.А., Пономарева М.А., Малыхин К.Г, Смагина С.М., Штомпель Л.А., Галич Ж.В., Ермашов Х.Ю., Ермишина А.В., Аверьянов А.В Историческая урбанистика: теория и практика: учебник для вузов. / Н.А. Попова, М.А. Пономарева, К.Г. Малыхин, С.М. Смагина, Л.А. Штомпель, Ж.В. Галич, Х.Ю.

Ермашов, А.В. Ермишина, А.В. Аверьянов. - Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2014. - 320 с.

10 Ковшова Е.С. Урбанизация и моральное сознание в России: 2000-е годы (социологический аспект) Материал подготовлен в рамках проекта № 023-Ф Программы стратегического развития ПГПУ. // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология - 2014. - № 25 (354). - С. 154–158.

11 Агеев И.А. Методологический ресурс исторической урбанистики в современных исследованиях городских пространств. // Вестник Томского государственного университета. - 2014. - № 385. - С. 79–84

12 Самойлова Е.В. Роль интеллигенции в развитии социокультурного пространства губернских городов западной Сибири во второй половине XIX века. // Известия Челябинского научного центра. - 2006. - № 4 (34). - С. 149

13 Нефедова Т. Г., Николаева У. Г., Покровский Н.Е. Интеллигенция в пространстве внегородской России. // Социологические исследования № 12, - 2016. - С. 154

14 Дятлов В. Григоричев К. Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества / В. Дятлов. - Иркутск: Оттиск, 2013. - 624 с.

15 Амоглонова Д.Д., Башаров И. П., Бюраева Ю.Г., Варнавский П.К., Куклина В.В., Нанзатов Б.З., Содномпилова М.М., Шагланова О.А. Город и село в постсоветской Бурятии: социально-антропологические очерки / Д.Д. Амоглонова, И.П. Ю.Г. Башаров, Бюраева, П.К. Варнавский, В.В. Куклина, Б.З. Нанзатов, М.М. Содномпилова, О.А. Шагланова. - Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2009. - 220 с.

16 Касымбаев Ж.К. Города Восточного Казахстана в 1861–1917 гг.: (социально-экономический аспект) / Ж. К. Касымбаев. - Алма-Ата: Наука, 1990. - 184 с.

17 Алексеенко Н. В. Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение, состав, 1870–1914 гг.) / Н.В. Алексеенко. - Алма-Ата: Наука, 1981. - 112 с.

18 Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути: научное издание. АН Институт Археологии им. А. Х. Маргулана / К.М. Байпаков. - Алматы, 1998. - 216 с.

19 Алимбай Н. Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы. Материалы международной конференции. - Алматы: Дайк пресс, 2004. - С. 185–193

20 Горячева А. А. Основание и развитие города Верного (Алма-Ата). 1854–1900: Автореф. ... канд. истор. наук. - Москва, - 1952. - 413 с.

21 Сактаганова З.Г. Экономическая модернизация Казахстана. 1946–1970 гг. Монография. — 3-е изд. — Караганда: Издательство КарГУ, 2017. — 365 с.

22 Медеуова К.А. Практики и места памяти в Казахстане / К.А. Медеуова. – Астана: ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, 2017. - 320 с.

23 Жиренчин К.А. Политическое развитие Казахстана в XIX–XX вв / К.А. Жиренчин. Алматы: Наука, 1996. - 486 с.

24 Кенжетаяв Б. Казанские учебные заведения и процесс формирования казахской интеллигенции / Б. Кенжетаяв. – Казань: ПиФ, 1998. - 87 с.

25 Асылбеков М.Х., Алдажуманов К.С., Байпаков К.М. История Казахстана с древнейших времен до наших дней в пяти томах / М.Х.Асылбеков, К.С.Алдажуманов, К.М.Байпаков. -Алматы: Атамұра, 2010. - 768 с.

26 Михайлова С. Казанский Университет и развитие духовной культуры. -Казань.1991.-359 с.

27 Коробейников А. Западные философские концепции во взглядах и деятельности казахской интеллигенции в позднейимперский период (1905–1917 гг.) // Запад и Восток; философия, религия и культура. - Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество. -2016. - С.42-48.

28 Стась И. Урбан-история на юге России: взгляд из Сибири // Новое прошлое. - 2017, № 3.

Г.Ж. Сұлтанғазы

М.С. Нарикбаев атындағы ҚАЗГЮУ Университеті, Нұр-Сұлтан, Қазақстан

XIX–XX ғғ. шегіндегі қала және зиялы қауым (тарихнамалық аспект)

Аңдатпа. Зиялы қауымның саяси және шығармашылық күш ретінде құрылуы мен қалыптасуы қалалық ортаның ықпалынсыз болған жоқ. Қазақ зиялыларының қала кеңістігіне интеграциялануы қаланың өзінің де, интеллигенцияның да және оның мінез-құлық үлгілерінің де нәтижелі өзгерістеріне

әкелді. Әлеуметтік топтар мен институттардың дамуына қалалық кеңістіктің әсер ету факторларын, атап айтқанда, ұлттық зиялы қауымның сапалық сипаттамаларын, олардың қалалық ортаға бейімделу процестерін зерттеу гуманитарлық ғылымдардың, оның ішінде, тарихи ғылымның маңызды міндеті болып табылады. Қазіргі заманауи қазақстандық тарихнама еуропалық және ресейлік урбан тарихының нәтижелерін игеру парадигмасында тұр. Бұл мақалада қалалық мәселелерді дамыту тұрғысынан осы бағыттағы тарихнамалық жағдай қамтылады. Бұл мақалада XIX-XX ғғ. шегіндегі қаланың және қазақ зиялыларының өзара әсері тақырыбы бойынша тарихнамалық жинақтау әрекеті жасалған. Қала идеялар мен инновациялар туындайтын көп функционалды кеңістік бола отырып, көріністі ғана емес, сонымен бірге, дүниені қабылдауды да өзгертеді. Ұлттық интеллигенцияның шығармашылықпен ғана емес, ең алдымен, қоғамдық белсенділікпен байланысты қызметі Қазақстанның дамуын практикалық болмаса, тұжырымдамалық тұрғыдан анықтады. Бүгінгі таңда қазақстандық тарихнама қаланың, зиялы қауымның, казактардың және көпестердің тарихы бойынша жеке зерттеулерде ұсынылған. Сонымен қатар, Қазақстан халқы мен қаланы күнделікті өмір тарихына бағытталған тұрақты өзара іс-қимыл мен өзара ықпалдастықтағы біртұтас күрделі дүние ретінде қарастыратын еңбектер жеткіліксіз. Тарихи-генетикалық зерттеу әдісі аталған мәселенің дамуындағы проблемаларды қарастыруға және заңдылықтарды анықтауға мүмкіндік береді. Тарихи-салыстырмалы әдісті қолдану қазақстандық тарихнаманың дамуындағы айырмашылықтарды көрсетті. Тарихи тұрғыдан қалалық ортаны кешенді зерттеу қоғам мен мемлекетте болған өзгерістердің табиғатын, сондай-ақ, қазақ зиялыларының уәждері мен ұмтылыстарын түсінуге мүмкіндік береді. Нәтижелердің бірі кеңестік және қазақстандық тарихнаманың ортақ заңдылықтарын анықтау болды, себебі бұл тақырыптар аясында қала мен зиялы қауым зерттеу нысандары бола отырып, тығыз байланыста және өзара ықпалдастық аясында қарастырылмаған. Көрсетілген мәселелерге кеңестік және қазіргі кезеңдегі зерттеушілер тарапынан тиісті назар аударылмады.

Түйін сөздер: Қазақстан тарихнамасы; Ресей тарихнамасы, ұлттық интеллигенция; ұлттық интеллигенция қызметі, қала; қалалық орта; қалалық кеңістік, қоғамдық қызмет, урбан - тарих, күнделікті тарих.

G. Zh. Sultangazy

M. Narikbayev KAZGUU University, Kazakhstan, Nur Sultan.

City and intelligentsia during the XIX-XX centuries. (historiographic aspect)

Abstract. The formation and development of the intelligence as a political and creative force could not exist without the influence of the urban environment. The integration of Kazakh intellectuals into the urban space has led to qualitative changes in such aspects as city, intelligence, and its behavioral patterns. The study of the factors of influence of urban space on the development of social groups and institutions, namely on the qualitative characteristics of the national intelligentsia, the processes of their adaptation to the urban environment is an important task of the humanities, including the historical one. Modern Kazakhstani historiography is in the paradigm of assimilating the results of European and Russian urban history. This article will highlight the historiographic situation in this direction from the point of view of the development of urban issues. The article attempts to analyze the phenomenon the mutual influence of the city and the Kazakh intelligentsia at the turn of the XIX-XX centuries by the principles of historiographic generalization. The city, being a multifunctional space where ideas and innovations are generated, changes not only the landscape, but also the world perception in general. The activities of the national intelligentsia are associated not only with creativity, but primarily with public activity, and determined the development of Kazakhstan in conceptual framework. Today, Kazakhstani historiography is represented by separate studies on the history of the city, intelligentsia, Cossacks, and merchants. At the same time, there are not enough research papers that would consider the population of Kazakhstan and the city as a single complex body, which is in permanent interaction and mutual influence, focusing on the history of everyday life. One of the methods of this study was the historical and genetic one, which allows us to consider the problems in its development and identify patterns. The use of the historical-comparative method revealed differences in the development of Kazakhstani historiography. A comprehensive study of the urban environment in the historical context allows us to understand the nature of the changes in which society and the state existed, as well as the motives and aspirations of Kazakh intellectuals. One of the results was the identification of common patterns of Soviet and Kazakh historiography, where the city and the intelligentsia are the objects of research and are not considered in close connection and mutual influence. The designated problems did not receive due attention from researchers of both the Soviet and modern periods.

Key words: Kazakh historiography; Russian historiography, national intelligentsia; activities of the national intelligentsia, city; urban environment; urban space, public activity, urban history, history of the everyday.

References

- 1 Kojgel'diev M. Kazak demokratiyalık intelligenciyasynyn 1905-1917 zhyldardagy qogamdyq-sayasi kyzmeti. Tarih gylymdarynyn doktory gylymi darezhesin alu ushin dajyndalghan dissertaciya. [Socio-political activity of the Kazakh Democratic intelligentsia in 1905-1917. Dissertation for the degree of Doctor of historical sciences.] (Almaty, 1994, 320 p.) [in Kazakh].
- 2 Mamraeva A. Obshchestvenno-politicheskoe razvitie Kazahstana XX veka i A. Bukejhanov. [Socio-political development of Kazakhstan of the twentieth century and A. Bukeikhanov.] Dissertaciya na soisk. uch. stepeni kand. istorich. Nauk [Dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences] (Almaty, 1996, 11 p.) [in Russian].
- 3 Dzhekobs D. Smert' i zhizn' bol'shih amerikanskikh gorodov [The Death and Life of Great American Cities] (Novoe izdatel'stvo, Moscow, 2011, 460 p.) [in Russian].
- 4 Saiko E. V. Gorod kak sociokul'turnoe yavlenie istoricheskogo processa. [The city as a socio-cultural phenomenon of the historical process] (Nauka, Moscow, 1995, 351 p.) [in Russian].
- 5 Anohina L.A., Shmeleva M.N. Byt gorodskogo naseleniya srednej polosy RSFSR v proshlom i nastoyashchem. Na primere gorodov Kaluga, Elec, [The life of the urban population of the middle zone of the RSFSR in the past and present. On the example of the cities of Kaluga Efremov] (Nauka, Moscow, 1977, 360 p.) [in Russian].
- 6 Rabinovich M.G. ocherki russkogo feodal'nogo goroda. Gorozhane, ih obshchestvennyj i domashnij byt [Essays on Russian feudal town. Townspeople, their social and domestic life] (Nauka, Moscow, 1978, 328 p.) [in Russian].
- 7 Mastenitsa E.N. Kul'turnoe prostranstvo goroda kak predmet issledovaniya i ob'ekt poznaniya: mezhdisciplinarnyj podhod [Cultural Space of the City as a Subject of Research and the Object of Cognition: an Interdisciplinary Approach] Peterburgskie issledovaniya: sbornik nauchnyh statej [St. Petersburg Studies: a collection of scientific articles]. -2011. - № 3. - P. 128-147 [in Russian].
- 8 Karlova O. A., Koptseva N.P. Novoe budushchee Sibiri: ozhidaniya, vyzovy, resheniya [The New Future of Siberia: Expectations, Challenges, Solutions] (Siberian Federal University, Krasnoyarsk, 2013, 508 p.) [in Russian].
- 9 Popova N.A., Ponomareva M.A., Malyhin K.G., Smagina S.M., SHtompel' L.A., Galich ZH.V., Ermashov H.YU., Ermishina A.V., Aver'yanov A.V. Istoricheskaya urbanistika: teoriya i praktika: uchebnik dlya vuzov [Historical urbanistics: theory and practice: textbook for universities.] (yuhnyj federal'nyj universitet, Rostov-na Donu, 2014, 320 p.) [in Russian].
- 10 Kovshova E.S. Urbanizaciya i moral'noe soznanie v rossii: 2000-e gody (sociologicheskij aspekt) Material podgotovlen v ramkah proekta № 023-F Programmy strategicheskogo razvitiya PGPU. // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Kul'turologiya - 2014. - № 25 (354). - S. 154-158. [in Russian].
- 11 Ageev I.A. Metodologicheskij resurs istoricheskoy urbanistiki v sovremennyh issledovaniyah gorodskih prostranstv [Methodological resource of historical urbanism in modern studies of urban spaces] Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]. - 2014. - № 385. - P. 79-84 [in Russian].
- 12 Samoilova E.V. Rol' intelligencii v razvitii sociokul'turnogo prostranstva gubernskih gorodov zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine XX veka. [The role of intellectuals in the development of socio-cultural space of the provincial cities of Western Siberia in the second half of the 19th century]. Izvestiya CHelyabinskogo nauchnogo centra [Proceedings of the Chelyabinsk Scientific Center]. - 2006.-№ 4 (34). - P. 149 [in Russian].
- 13 Nefedova T. G., Nikolaeva U. G., Pokrovskiy N.E. Intelligenciya v prostranstve vnegorodskoj Rossii [Intellectuals in the Space of Out-of-town Russia]. Sociologicheskie issledovaniya № 12 [Sociological Studies № 12] - 2016. - P. 154 [in Russian].
- 14 Dyatlov V. Grigorichev K. Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoj Rossii: migracii, prostranstva, soobshchestva [Resettlement society of Asian Russia: migrations, spaces, communities] (Otitisk, 2013, Irkutsk, 624 p.) [in Russian].
- 15 Amogolonova D.D., Basharov I.P., Byuraeva Y.G., Varnavskiy P.K., Kuklina V.V., Nanzatov B.Z., Sodnompilova M.M., Shaglanova O.A. Gorod i selo v postsovetsoj Buryatii: social'no-antropologicheskie

ocherki [Town and Village in Post-Soviet Buryatia: Socioanthropological Essays] (BSC SB RAS, Ulan-Ude, 2009, 220 p.) [in Russian].

16 Kasyimbaev J.K. Goroda Vostochnogo Kazakhstana v 1861–1917 g.: (social'no- ekonomicheskij aspekt) [Cities of East Kazakhstan in 1861-1917: (socio-economic aspect)] (Nauka, Alma-Ata, 1990, 184 p.) [in Russian].

17 Alexeenko N. V. Naselenie dorevolucionnogo Kazakhstana (chislennost', razmeshchenie, sostav, 1870-1914 gg.) [The population of pre-revolutionary Kazakhstan (number, placement, composition, 1870-1914)] (Nauka, Alma-Ata, 1981, 112 p.) [in Russian].

18 Baipakov K.M. Srednevekovye goroda Kazakhstana na Velikom SHelkovom puti: nauchnoe izdanie. [Medieval cities of Kazakhstan on the Great Silk Road: scientific publication]. (Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, Almaty, 1998, 216 p.) [in Russian].

19 Alimbay N. Urbanizaciya i nomadizm v Central'noj Azii: istoriya i problemy. [Urbanization and Nomadism in Central Asia: History and Problems] Materialy mezhdunarodnoj konferencii [Materials of the International Conference]. (Dike Press, Almaty, 2004, pp. 185-193) [in Russian].

20 Goryacheva A.A. Osnovanie i razvitie goroda Vernogo (Alma-Ata). 1854–1900 [foundation and development of the city of Vernyi (Alma-Ata). 1854-1900] Avtoref. ... kand. istor. Nauk [The a. diss. Candidate of Historical Sciences]. (Moscow, 1952, 413 p.) [in Russian].

21 Saktaganova Z.G. Ekonomicheskaya modernizaciya Kazakhstana. 1946–1970 gg. [Economic Modernization of Kazakhstan. 1946-1970] Monografiya. — 3-e izd. [Monograph. - 3rd ed.] (Karaganda State University Press, Karaganda, 2017, 365 p.) [in Russian].

22 Medeuova K.A. Praktiki i mesta pamyati v Kazakhstane [Practices and places of memory in Kazakhstan] (L. N. Gumilyov ENU, Astana, 2017, 320 p.) [in Russian].

23 Zhirenchin, K.A. Politicheskoe razvitie Kazakhstana v XIX-XX vv [Political development of Kazakhstan in the XIX-XX centuries] (Nauka, Almaty, 1996, 486 p.) [in Russian].

24 Kenzhetaev B. Kazanskije uchebnye zavedeniya i process formirovaniya kazahskoj intelligencii [Kazan educational institutions and the process of formation of Kazakh intelligentsia] PiF, Kazan, 1998, 87 p.) [in Russian].

25 Asylbekov M.H., Aldazhumanov K.S., Baipakov K.M. Istoriya Kazakhstana s drevnejshih vremen do nashih dnei v pyati tomah [History of Kazakhstan from the most ancient times to our days in five volumes] (Atamura, Almaty, 2010, 768 p.) [in Russian].

26 Mikhailova S. Kazanskij Universitet i razvitie duhovnoj kul'tury. XX vek [Kazan University and the development of spiritual culture. XXth century] (Kazan, 1991, 359 p.) [in Russian].

27 Korobeinikov A. Zapadnye filosofskie koncepcii vo vzglyadah i deyatel'nosti kazahskoj intelligencii v pozdneimperskij period (1905–1917 gg.) [Western philosophical concepts in views and activity of Kazakh intelligentsia in late imperial period (1905-1917)] Zapad i Vostok; filosofiya, religiya i kul'tura [West and East; philosophy, religion, and culture] St. Petersburg Philosophical Society, St. Petersburg, 2016. -P. 42-48[in Russian].

28 Stas I. Urban-istoriya na yuge Rossii: vzglyad iz Sibiri [Urban History in the South of Russia: a View from Siberia] Novoe proshloe [The New Past]. - 2017, № 3. [in Russian].

Сведения об авторе:

Султангазы Гулмира Жолмагамбеткызы – кандидат исторических наук, доцент, Университет КАЗ-ГЮУ имени М.С.Нарикбаева, Нур-Султан, Казахстан.

Sultangazy Gulmira Zholmagambetkyzy – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. M. Narikbayev KAZGUU University. Kazakhstan, Nur Sultan.

С. Шамахай
М. Саркулова

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан, Қазақстан
(E-mail: sh.saira@mail.ru, manifa.s@mail.ru)

Академик салған ақиқи жол

Аңдатпа. Халықтың болашақ тағдырына байланысты көп мәселелер ең бірінші зиялылар қауымында, университеттер мінбелерінде қызу талданып, сарапталады. Осы тұрғыдан алсақ, еліміздің ірі университеттерінің бірі, қазіргі таңда құрылғанына 25 жыл толып отырған Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің, оның ішінде философия кафедрасының орны ерекше.

Философия бүгінгі адамзат ойлау мәдениетіне, еліміздің қоғамдық келбетіне сыни қарау, білім алушылардың рухани көкжиегін кеңейту және ұлттық сана-сезім, рухани жаңғыру жолында ерекше маңызға ие. Жоғарғы және кәсіби оқу орындарында оқылатын әлеуметтік – гуманитарлық пәндердің төресі болған философия университетіміздің ірге тасы қалағаннан бері кафедралық ұжым арқылы білім алушы жастардың өсіп-өркендеуіне өз үлесін қосып келеді.

Әлеуметтік ғылымдар факультетіндегі ҚР ҰҒА үш академигі Абдильдин Ж.М., Ғарифолла Есім, Нурманбетова Д.Н. үшеуі де философия кафедрасында қызмет етеді. Аталмыш үш академикпен қатар, жиырма шақты доктор, ғылым кандидаттарының, жұмыс жасауынан-ақ бұл кафедраның әлеуетінің жоғарылығын, кәсіби біліктілігінің биіктігін біле беруге болады. Қазіргі таңда бұл кафедраны философия ғылымдарының докторы, профессор Медеуова Кульшат Агибаевна басқарып отыр. Бұл мақалада айтпағымыз, Философия кафедрасының профессорлық-оқытушылық құрамының ұстанған жүйесі және академик, ойшыл, жазушы, ұстаз және қоғам қайраткері, философия ғылымдарының докторы, ҚР ҰҒА академигі Ғарифолла Есімнің жаңа бастамалары мен тың көзқарастағы қызметінің мән-маңызы туралы болып табылады.

Философия кафедрасы 2013 жылдан бері академик Ғарифолла Есімнің жаңаша қалыптастырған ғылыми-ізденістік, шығармашылық, әдістемелік қызмет жүйесі бойынша жаңа белеске көтеріліп, табысты жұмыс атқарып келеді. Академик философия кафедрасына келгеннен бері өзінің өмір бойы ойланып, толғанып, ізденіп келген ойларын жүйелеп, қазақ елінің мәңгі болуына негіз болатын «Жақсы Қазақ» тұжырымдамасын жасаған еді. Бұл тұжырымдамада «Жақсы қазақ» түсінігі дәреже, имидж ретінде бағалана отырып, оған жетудің жеті сатысы ұсынылған. Тұжырымдама оқу-әдістемелік жағынан нысықталып, қазіргі таңда философия, мәдениеттану оқу бағдарламасында элективті пәндер ретінде оқытылуда.

Түйін сөздер: философия; мәдениет; академик; идея; тұжырымдама; жүйе; шығармашылық; пән;

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2021-134-1-120-132>

Поступила: 15.02.2021/Одобрена к опубликованию: 10.03.2021

Кіріспе. Еліміз тәуелсіздік алғаннан бері көптеген табыстарға қол жеткізіп, биік шыңдарды бағындырды. Мәдени-рухани құндылықтарды, ұлттық салт-дәстүрлерді қайта жаңғыртуға арналған көптеген іс-шаралар, стратегиялық бағдарламаларды тізіп айтуға болады. Әсіресе, әлемдік беделді жиындардың: құ-рылтайлар мен форумдардың, съездер мен саммит-тердің, көрменің (ЭКСПО-2017), түрлі спорттық чемпионаттардың т.б. шаралардың өткізілуі және ел атынан ғылыми, мәдени әлемдік бәйгелерден жүлделі орынға ие болуы, жаңалықтар ашуы сияқты әлемдік деңгейдегі жетістіктер мен түрлі шаралар ел мәртебесін тоқтаусыз асқақтатып келеді.

Бұл жетістіктер елдің рухани тынысы мен дамуын байқатады. Егер ел саясаты осы рухани тынысқа байланысты өзіндік бағыт-бағдарын алатын болса, осынау рухани тыныс-тіршілікке қуат берушілер ретінде гуманитарлық салада еңбек етіп жүрген ғалымдар мен зиялылар болып табылады.

Университетіміздегі зиялы ғалымдар ел болашағы үшін қоғам, ғылым дамуына өз үлестерін қосып, жастардың білім, ілім алу жолында тынбай еңбектенуде. Философия кафедрасының еншісіндегі философия және мәдениеттану біріншіден, пән ретінде университеттің барша мамандықтары үшін міндетті оқытылса, екіншіден, оқу бағдарламалық тұрғыда бакалавр, магистратура, докторантура деңгейлері бойынша арнайы мамандар мен ғалымдар даярлайды.

Мақаланың мақсаты философия кафедрасының профессорлық-оқытушылық құрамының ұстанған жүйесі және академик Ғарифолла Есімнің жаңа бастамаларының мазмұнын ашу.

Зерттеу әдістері. Мақалада жалпы гуманитарлық ғылымдарда қолданылатын жалпыдан жекеге өту, феноменологиялық, тарихи-логикалық, герменевтикалық тәсілдердің бірлігі қамтылды.

Талқылануы. Академик Ғарифолла Есім 2013 жылдан бастап кафедраның ғылыми-зерттеу қызметін, оның нәтижелілігін

оңтайландыру, оқытушылар мен білім алушылардың академиялық біліктілігін жандандыру мақсатында көптеген жұмыстар атқарды. Академик: «Халықты ұлт қылатын зиялылар болса, зиялы қауым ретінде біз оқытушылар қоғамдық санаға әсер ете алуға тиіспіз. Әсіресе, философия пәні арқылы болашақ ел азаматтарын отансүйгіштікке, дұрыс ойлауға, салауатты өмір сүруге үйретуге тиіспіз» - деген талабымен оқытушыларды үлкен жауапкершілікке шақырды. Барлық мамандықтар үшін оқылатын философия пәнін жаңаша оқыту мәселесін жиі көтеріп, кейін бұл талап Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің профессорлық – оқытушылық құрамымен бірлесе талқыланып жүзеге асырылды. Қазіргі кезде философия пәні ескі әдістемесінен арылып, жаңаша әрі неғұрлым өмірге бейім бола түсті.

Академик Ғарифолла Есім кафедра оқытушыларының ғылыми-ізденістік жұмысын бір жүйеге келтіру үшін төрт семинар және төрт ақпараттық-инновациялық топ құрды. Атап айтсақ: академик Әбділдин Жабайхан Мүбәракұлының семинары – «Классикалық философия және адамгершілік, логика және методологияның өзекті мәселелері», академик Ғарифолла Есімнің «Әл-Фараби және түркі философиясы», «Абай және қазақ философиясы», академик Нұрманбетова Жәмила Нүсіпжанқызының – «Ғылым философиясы және тарихы», профессор Медеуова Күлшат Ағыбайқызының – «Мәдениет философиясы. Философиялық антропология» тақырыбындағы семинарлары құрылумен қатар, 1. «Араб-мұсылман философиясы», 2. «Шығыс философиясы», 3. «Қазіргі батыс философиясы (XXғ. екінші жартысынан ХХІ ғасыр басы)», 4. «Дискурстар және мәдениеттің қазіргі тәжірибелері» тақырыбында төрт ақпараттық-инновациялық топ құрылды. Кафедра оқытушылары өздерінің ғылыми-ізденушілік бағыты бойынша осы семинарлар мен топтардың бірін таңдап, олардың дамуына үлес қосып отырады.

Философия кафедрасында қалыптасқан бұл жүйе кафедраның академик,

профессорларының өз бағыттары бойынша терең ізденуіне, шәкірттер дайындауына және жас ғалымдар мен білім алушылардың жан-жақты дамуына үлкен үлесін қосары анық. Мәселен, білім алушылар философияның классикалық үлгісінің қыр-сырымен, логика, методологиясымен академик Ж.М.Әбділдин бағыты бойынша, ұлттық ойлау және фәлсафа білімін Ғарифолла Есім семинары бойынша, мәдениет философиясы, философиялық антропология саласы бойынша профессор К.А.Медеуова семинары бойынша білімдерін толықтырып жүр. Сонымен қатар, жыл сайын студенттер мен магистранттар, докторанттар диплом, ғылыми диссертацияларын осы негізгі жүйемен өз қызығушылығы бойынша жазып қорғауда.

Бұл семинарлар мен инновациялық топтар білім сапасын, білім алушылардың кәсіби қарым-қатынас мәдениетін жетілдіруде және академиктеріміздің өз мектептерінің өрісін кеңейтуде маңызы өте зор болды. Философияның түрлі бағыттарын игерген академиктердің ғылыми идеяларға негізделген ғылыми семинарлар, дөңгелек үстелдер, жазғы мектептер т.б. шығармашылық іс-әрекеттерден алынған нәтижелері оқу үдерісіне жаңа элективтік курс енгізуге түрткі болды. Сонымен қатар, курстық, дипломдық жұмыстардың, магистрлік, докторлық диссертациялардың тақырыптарын анықтаудағы тәртіпті, реттілікті қамтамасыз етті.

Академик Ғарифолла Есім Елбасының «Бір мақсат, бір мүдде, бір болашақ» [1] атты халыққа жолдауына орай мәңгілік ел идеясын жүзеге асыруға оқу бағдарламасына енгізген «Жақсы Қазақ» концепциясы негізіндегі жеті элективті пәні енгізді.

Академиктің «Жақсы қазақ» тұжырымдамасына тоқталудан бұрын оның шығармашылық жетістіктеріне, тұлғалық болмысына тоқталуды жөн көрдік.

Ғалымның қазақ философиясының теориясын жасау және оны жүйеге салу мәселелеріне арналған ой-толғамдары, жазбалары «Сана болмысы» деген ортақ атпен 1994 жылдан бастап осы кезге дейін жыл

аралатып жарық көрген 19 кітабы бар. Бұл кітаптарда автор әрбір екі жыл аралығындағы Қазақ елінде өтетін айтулы оқиғалардың қоғамға, жеке адам санасына ықпалы, әсерлері, бір сөзбен айтқанда сананың өзіндік себептері бар өзгерісі туралы баяндайды.

Бұлардан өзге қазақ философиясының тарихы мен теориясын әлемдік ойдың кеңістігінде зерттеуге арналған «Хакім Абай» (қазақ, орыс, ағылшын тілдерінде: 1994, 1995, 2007 ж.). «Абай туралы философиялық трактат», «Книга слов» кітаптары жарық көрген.

Қазақ философиясының лексикасы туралы: «Адам-зат». «Қазақ философиясы», «Метафизика человека», «Саяси философия», «Қазақ Ренессансы», «Философия независимости», «Түрік ойшылдары» аты кітаптары, сондай-ақ, «Фалсафа тарихы», «Қазақ философиясының тарихы», «Дінтану негіздері» (авторлар ұжымы) оқулықтар мен оқу құралдары бар.

Ал көркем философиялық жанрда жазылған шығармалары ретінде «Санадағы таңбалар», «Жар жағасы» (қазақ, орыс, араб тілінде), «Прошлое в настоящем», «Социализм: кінә және күнә туралы роман», (қазақ, орыс, түрік, украин және ағылшын тілдерінде); «Ақ өлең – аққулы мекен» (қазақ, орыс және түрік тілдерінде), «Тұлғалар қаламгерлер», «Ғұлама-наме» ғылыми трилогиясын айтуымызға болады.

Өткен қоғамда өмір сүріп, тәуелсіздікке есейіп жеткен ғалымның еңбектерінде болсын, әңгіме сұхбатында болсын, оның ескі мен жаңа қоғамға берер бағасы, адамдық мәселелер туралы пікірлері, пайымдары оқырманды немесе тыңдаушыны бірден ой әлегіне салып, баурап алады. Көптеген ғалымдардың жазу үлгісіндегі әдеттегі қалыптасқан қағидаларға бағынбай, ғылыми терминдерді шектен тыс қолданбай, қарапайым әрі әрайым жаңа идея ұсына білетін ғалымның кітаптары зиялы қауым, оқырмандар арасында үнемі зор сұранысқа ие. Академиктің жарық көрген әрбір кітаптарының орны ерекше. Өйткені, оның кітаптары білім алушылардың және оқырман қауымның санасына даналықтың

нұрын шашып, парасатты ой ұялатып, білім көкжиегін кеңейте түседі.

Академик Ғарифолла Есімнің тұлға ретіндегі ерекше қасиеттері әсіресе, кез келген тақырыпта еркін терең бойлай алатын білімділігі, ойының озықтығы, мәселені талдаудағы ерекше тапқырлығы, қарапайымнан күрделіні түйіндеуі, қоғамға өз ойын ашық жеткізетін батылдығы, туындаған ойын қағаз бетіне түсіріп отыратын ұқыптылығы дер едік. Ұстаздың кәсіби шеберлігі сондай, оқыған дәрістері шәкірттерін міндетті түрде ойлануға мәжбүрлейді. Сонымен қатар, жұмыс бабымен іссапарда шетелде немесе еліміздегі кейбір тарихи орындарына барып қайтса, міндетті түрде үлкен ой түйіп оралады. Сол түйген ойын, танымын газет, журналдар арқылы халықпен бөліспейінше тағат таппайды. Әсіресе, жұрттың аңғара қоймайтын қарапайым нәрседен тың ойлар, жаңалықтар тауып қоятыны кім-кімді де таңқалдырмай қоймайды. Мысалы, Индонезияға, Ұлытауға т.б. барып келгендегі көргені туралы әріптестері қызыға тыңдап, жарық көрген мақаласын ел құлшына оқыды.

Академиктің өмір жолында оның тұлға болып қалыптасуына септігін тигізген өз ұстаздары бар. Айтуынша, ол ең бірінші – Абай. Содан кейін – Асан қайғы. Осы екі данышпаннан кейінгі ұстазы – абайтанушы, ғалым, драматург Қайым Мұхамедханов, Зейнолла Қабдолов, Рахманқұл Бердібаев, Зәки Ахметов, Серік Қирабаев көрінеді.

Ол қазіргі жаһандану жағдайындағы дағдарыс және дағдарыс заманында ел болу, қазақ болу, адам болу, өркендеу, ойдың тәуелсіз болуы және олардың механизмдері жайлы жаңа идеяларымен үнемі әріптестерімен, шәкірттерімен, БАҚ, әлеуметтік желі арқылы халықпен ұдайы бөлісіп отырады.

Философия халықты түзеуге тек ар ілімін ұсынады. Академик Ғарифолла Есімнің айтуынша, адам-затқа қатысты алты жүйе бар. Олар: тән жүйесі, жан жүйесі, нәпсі жүйесі, сана (ақыл) жүйесі, көңіл жүйесі, рух жүйесі. Осыларға ойлана келе АР жүйесін қосамыз, сонда жеті жүйе болды. Ар дегеніміз

көңіл мен рухтың сапалық өлшемі немесе анықтаушысы. Шәкәрім ар білімі десе, мен адам болмысындағы ар жүйесі деймін [2, 252].

Академиктің озық ойлы жаңа идеялары негізінен қазақша ойлауға, қазақы болмысты қалпына келтіруге, жаңаша ойлауға, заманауи дамуға, рухани құндылықтарды сақтауға бағытталған. Ғалымның өз сөзімен айтсақ: қазақша ойлау дегеніміз – ұлттық ойлау, өмірге қазақ болып қарап, дүниені қазақ болып қабылдау, ұлттық мүдде тұрғысынан сана қорыту.

«Жақсы қазақ» тұжырымдамасы ғалымның мына бір сауалды ойынан бастау алады: «Адамдық құндылықтардың бәрін мақсат еткен кезде біз жақсы адам деген идеяға еріксіз келеміз. Сонда жақсы адамдар кімдер? Жақсы адам болу үшін не істеу керек? Қандай жүйе болады? Пайғамбарларға түскен төрт кітап ережесінен өзге кодекс бар ма? Әрбір дін жақсы адам тәрбиелеуге өзінше тырысады. Адам өлтірме, қиянат жасама, біреуді алдама т.б. Солай болса да, нәтижесінде біздің қоғам Гоббс философиясында айтылғандай «Адам адамға қасқырлығын» қояр емес. Егер бізде адамды тәрбиелейтін әмбебап құралымыз, жүйелеріміз, кітаптарымыз, діндеріміз болса, нәліктен біз ХХІ ғасырда осындай жағдайға келіп отырмыз? Біздің осыған дейін оқып келген немістің классикалық даналығы неге бізді осындай жағдайға алып келді? Демек, біз бір нәрсені дұрыс жасамай тұрмыз!... Академик өзін мазалаған осы мәселенің шешімін Абайдың «Адамзаттың бәрін сүй бауырым деп»- деген принципінен тапты. Бұл - барша адамзатқа ұсынып тұрған өркениет үлгісі. Неге осы қағиданы Абай айтты? Неге европалықтар айтпайды? Олардың Абай сияқты адамзаттың бәрін сүю, бауырындай қарау қағидасын ұсынбағанына қарағанда европалықтардың евроцентристік көзқарасы, тәкаппарлығы басым. Кант адамзатты төртке бөліп қарастырады: европалық, азиялық, африкалық және жабайылар. Әрине, осылай бөле тұрып «Адамзаттың бәрін сүй» деп айта алмас еді» - деп қорытады.

Адамзаттың бәрін сүю шын мәнінде пенденің қолынан келмейді, бұл тек Хақтың,

Жаратушының ісі. Осы Хақтың ісін тану, көру, халыққа ұсыну – тек данышпанның ісі болмақ. Бір айта кетерлігі, ғалымның «Жақсы адам» тұжырымдамасында «жаман адам» деген жоқ. Дүниеде жаман адам болмайды. Тек надан адам болуы мүмкін. Жалпы «жақсы», «жаман» деп бөліп ойлау қате. Ол тек Гегельдің идеалистік философиясына, Маркстің материалистік диалектикасына тән әдіс екендігін [3] айтқан болатын.

Академик Ғарифолла Есім «Жақсы қазақ» тұжырымдамасында осы дәрежеге жетудің жеті сатысын ұсынды. Бұл жеті сатының мазмұнына кеңірек тоқталуды жөн көрдік.

Бірінші саты – байлыққа, дәулетке деген дұрыс көзқарас қалыптастыру. Қазақ керемет данышпан халық. Қазақ халқының дүниетанымында ежелден байлыққа деген ынта болған. Қазіргі қазақтардың жеті атадан атап шықсаң, міндетті түрде кісі есімдері «бай» деген сөзден құралған. Сонда «бай» деген кім? Ол қазақша айтсақ, еті тірі, іскер, ойы сұңғыла табиғатынан ерекше адам. Ол - ел қамқоры. Ол ауыл-аймақтағы жұртқа жұмыс беруші, қазіргі лексикаға салсақ бизнесмен, кәсіпкер, креативті тұлға. Қазақ ауылының жетім-жесірі де сол ауылдың байының назарында, себебі олар туыстар және еңбек адамдары. Еңбекпен тәрбиелеу байдың жұмысы. Әр ауылдың ауқатты адамы немесе байы болған. Батыр да, би де осы байдың төңірегінде. Ауыл ауылдың ақсақал - қарасақал, яғни кісілікті адамдар да осы байдың ықыласында болған. Бұл ауыл демократиясы десек те болғандай. Әрине, байлықты тек өзіміз ғана жеке еншіміз деп санаған байлар да болған, халық оларды «қарынбайлар» деп атаған. Хакім Абай пейілі кедей байсықтар деген. Мұндай байлар елге иелік ете алмайтындар қатарында. Қазақта «азамат» деген сөз бар. Орысшасы «гражданин». Азамат деген елге қызмет ете алатын адамды айтады. Ал қызмет ету үшін ол қандай болуы керек? Әрине, ол бай, ауқатты, би, хан, султан, бек болуы керек. Сондықтан да, қазақтар балаларына Абылайхан, Құнанбай, Бөгенбай, Наурызбай, Назарбай, Жабайхан, Дәулетхан, Сұлтан, Бек, Бет, Мырза, Жомарт деп ат қойған.

Осылайша, қазақ халқының дүниетанымында байлыққа деген оң көзқарас ежелден нық қалыптасқан еді. Бірақ, өткен ғасырда қазақ халқы байлыққа деген дүниетанымынан біршама ажырап қалды. Коммунизм билік құрған заманда мақсат өзгеше болды. Байлыққа, бай адамдарға деген теріс пиғылды, оның саяси идеологиялық жағын Карл Маркс т.б. ілім ретінде көтеру себебінен ақыры кедейлер революция жасады. Бай болу - кінәлі болу. Болшевиктер байларды тап ретінде қырып-жойып, кедейлер қоғамын құрды. Кедейлік сананы жайлап, жұрт коммунизм құру деген мақсатпен идеология шырмауына түсіп әбден тарықты. «Тұқымында бай, молда болды ма» деген тергеу жүргізіліп, көптеген азаматтарға ата тегін жасыруға тура келді. Көркем әдебиет тәрізді халықтың рухани сусындайтын ақпарат көздері арқылы байлықты, бай адамды әжуалайтын, сараңдықпен байланыстыратын сана қалыптастырды.

Ең бірінші байлықты бізге Жаратушы береді. Бұл дүниеге дене мүшемізді сау етіп жібереді. Дүниеге сау болып ендік, тәрбие алдық, оқыдық, білім алдық, азамат болдық, енді өзіміз іске айналуға мүмкіндік туды. Міне, байлықтың басы. «Бірінші байлық – денсаулық» - дейді, қазақ. Сонда дені сау адам байлықтың басында тұр.

Бай болу деген сөз қазақта біраз ұғымдарды: ырыздық, нәсіп, ризық, береке, молшылық, құт, т.б. бірге жүреді. Бізге түсініп алатын өте маңызды мәселе бар. Бай ұғымы субстанция болса, бай, байлық дәулетке айналуы керек.

«Семіздікті қой ғана көтереді» деген қазақтың мықты сөзі бар. Байлықтың өз жөні, өз заңдылығы бар. Байлық алыс-беріс қозғалысына түспей, бір орында шоғырланып тұра берген жағдайда өздігінен өрісі кеңеймей, босқа жоғалады. Бұл процесті байырғы қазақтар жақсы білген. Ешкімге пайдасы жоқ сараң байларды «шіріген бай» деп атауы тегіннен тегін емес. Егер ол байлық ізгілікке жұмсалатын болса өрісі кеңейіп, дәулетке айналады. Ол үшін байлық ізгілік жолына жұмсалуды керек. Кедей, жетім жесірлерге, мүгедектерге, мұқтаж туыстарына көмек

жасамаса, байлық жақсылыққа бастамайды. Егер байлық ізгілікке жұмсалса, жан жомарттығы жасалса ол ізгілік арқылы дәулетке айналып, жақсылыққа бастайды.

Байлықтың дәулетке айналу жолы, негізгі принциптері – мейірімділік, ізгілік. Осы жолдар ғана оны дәулетті, құрметті адамға айналдырады. Ізгі адам өз өмір жолында елдің азаматы, ел ағасы, ел ақсақалы, жақсы адам, жақсы қазақ болады. Ол үшін сананы байытуымыз керек. Сананың бай болуы байлықтың өзегі. Кеңестік замандағыдай байлықты сараңдықпен емес, керісінше жомарттықпен байланыстырып, бұрмаланған ұлттық дүниетанымды қалпына келтіріп, оған қуат беруіміз керек.

Екінші саты – іскерлік. «Бірінші байлық – денсаулық» дегендей, дені сау адам байлықтың басында тұр дедік. Сонда қазақтың бұл сөзі денсаулық болса байлыққа ары қарай жетуге мүмкіндік аласың дегенді меңзейді. Қазақ «кештік өмірің болса, түстік мал жина» деп бай, ауқатты болуға әрекет жасап, ұмтылып келген. Олай болса, байлықты өз қолымен жасауға адамның іскерлігі болуы керек. Бұл алғышарт. Байлық жасаумен айналысқан адамның ісі мемлекеттің қолдауымен, заңның шеңберінде болуға тиіс. Өйткені, байлықтың заңсыз түрін «көлеңкелі байлық» дейміз.

Іскерлік – адамның қасиеті және қабілеті. Басы-артық қажетсіз істермен шұғылдану – социалистік қоғамнан қалған мұра. Сондықтан прагматизм фило-софиясы қажет. Іскерлік балабақша, орта білім мекемелері, жоғары оқу орындарындағы білім стандарттары арқылы негізделмек.

Білім байлыққа апаратын негізгі жол болу керек. Дүниеде білім көп, білімді адам көп. Кеңестік дәуірде халық жаппай сапалы білім алып келді, бірақ білу болмады. Мысалы, бала орта мектепте барлық ғылымдардың негізін оқып келді. Ол физиканың барлық заңдылықтарын біледі, бірақ соны білген бала тоқтың тізбесін қоса алмайды. Яғни, білім бар, білу жоқ болды. Білу деген технологияның басы. Бізде технология қалып қойды, өйткені, білім болса да, білімнен пайда шығаруды білмей қалдық. Жоғарғы оқу орнын бітірген

әрбір студент: «Мен 100 пайыз мектеп бітірушілердің арасында оқуға түскен 5, 10 пайызының өкілімін. Қалған 90 пайызы оқуға түсе алмай қалып қойды. Оларға кім жұмыс береді? Оларды менен басқа кім ойлайды?» - деген ойда болу керек. Өзінің замандастарына жұмыс беруші болу керек. Неге? Өйткені, ол жоғарғы оқу орнында таңдаған саласы бойынша арнайы пәндерді тереңінен оқыды. Әрине, бұл үшін білім жүйесі осыған байланысты бағыт алуы керек. Іскерлікті дамытатын пәндерді көбірек оқыту керек.

Сонымен қатар, іскерлік жайында мәдениеті озық халықтардың әдетінен үлгі алуға тиіспіз. Мысалы, тойға сағат 5-ке шақырылса да 7-де келетін қазақтар бар. Осы кешігіп жүретін адамдар іскер адамдар емес. Себебі олар уақытты бағаламайтындар. Уақыт аса қымбат. Егер Германияда шақырылған уақытта дәл бармаса немістер бұл қылықты түсінбейді, ол адаммен сөйлеспей, көрмей кетеді. Бұл неміс халқының уақытты бағалай білгені. Сонысымен де Германия әлемдегі озық елдердің қатарында тұр. Қол-аяғы аман, денсаулығы жақсы жастар жұмыссыз жүретін әдет бар. Жұмыссыз жүру ешқандай ақылға симайтын сылтау. Өйткені, біздің елге қаптап келіп, жұмыс істеп жүрген шетелдік адамдар бар. Бұл әрине ешқандай іскерлікке, адами тіршілік жасап, алға басуға, ілгерілеуге, талпынуға жатпайтын қасиет.

Үшінші саты – ұлттық код – дәстүрді сақтау мәселесі. Дәстүрсіз ешбір халық ел болмайды. Дәстүр ұлттымыздың ұзақ ғасырлар қойнауынан ұрпақтан ұрпаққа беріліп келе жатқан ұлттық болмыс пен мәдени құндылықтар жүйесіне ұласқан бөлігі. Дәстүр әдет-ғұрыптан әлдеқайда ауқымды құбылыс. Дәстүр мен жаңашылдықтар үнемі өзара тығыз байланыста үйлесіп отыруы қажет. Біз дәстүрді жоғалтып алса, ел болудан қаламыз. Қазақты ұлттық дәстүрінен түбегейлі айыруға Кеңес Үкіметі кезінде барлық жағдайлар жасалды. Ең бірінші қазақ боп өмір сүру, қазақтың дәстүрі архаизм, діні зиян болып есептелінді. Байлар, молда, көзі ашық зиялылар халықтың жауы деген атаққа иелінді. Қазақ болып емес, жаңа Совет адамы болып

өмір сүру керек болды. Коммунистік мораль деген тап өкілін, мысалы байды атып тастаса, осы коммунистік мораль деп есептелді. Баласы әкесін ұстап берсе, жақсы комсомол болды деп есептелді. Бұл нағыз қанышерлік, фашизм болатын. Жалпы «әке» деген идеологиядан, саясаттан биік ұғым. Қазақ үшін әкеге қарсы шығу бүкіл адамдық жүйеге қарсы шығумен бірдей. Әкеден асқан құндылық жоқ. Барлық дұрыс халықта бұл солай. Бірақ коммунистік жүйеде әкесін өз баласы «Халық жауы» деп айдатып жіберсе, онда ол жақсы адам, нағыз коммунист. Осылайша, қазақтың дәстүрлі құндылығын бұзуды бастады.

Құндылықты тарихи жадыда сақтау халықтың ұлылығы. Мысалы, Майя өркениетінің тарихы жадыда сақталмағандықтан, кейінгі ұрпақтарынан бірде-бір адам білмейді. Бұл жерде тарихи жады деген бар. Адамзат жады тарих сахнасында не жойылып кетеді, не жойылмайды. Жойылмауға не әсер етеді? Әрине дәстүр әсер етеді. Егер елде ұрпақтан ұрпаққа беріліп отыратын дәстүрі болса, сол мемлекет, сол халықтың басшылары мен көсемдері мүдделі болатын болса, құндылықтар жүйесі бір ұрпақтан келесі ұрпаққа беріліп отырады. Ал егер ондай мүдделілік болмаған кезде, әр ұрпақтың құндылығы келесі ұрпаққа дейін жойылып кетеді. Әр ұрпақтың, не буынның құндылығы деген сөз – ол адамзаттың сол ұрпаққа дейінгі жады. К.Юнгтің айтып отырған архетипі сол бүкіл адамзаттың дәстүрмен жалғасқан жады.

Әлем халықтарының дәстүрлеріне үңіліп қарасақ үлгі тұтарлық ұлағаттар аз емес. Үлгілі салт-дәстүрі, тәртібі бар елдердің экономикасы да өркендеп, әлемге үлгі көрсете бастаған. Дәстүрге бай елдің бірі өз еліміз. Біздегі үлкенді сыйлау, жесірін, жетімін жатқа телміртпеу, біреудің ала жібін аттамау, жақыныңды жат қылмау, таспен атқанды аспен ату, таза жолмен жүріп, еңбек ету, отаныңды, туған жеріңді, ұлтыңды, тіліңді, діліңді, дініңді сатпау, ар ұялар іс қылмау тағы басқа толып жатқан ізгілік, өнеге жолын айтуға болады. Дәстүр дегеніміз – ата-бабамыздың бізге қалдырып кеткен мол

мұрасы, қазынасы, қағидасы, ережесі, шексіз байлығы. Дәстүр өзгереді. Бірақ біз оның дәнін, нәрін сақтап қалуымыз керек. Біз сонда қазақ боламыз.

Әрбір мемлекет өзінің ұлттық дәстүрінің негізінде көркейіп дамиды. Мемлекет ретінде айшықтайтын ерекшелігі де – дәстүр. Олай болса, әлемдік озық мәдениетті біз тек ұлттық мәдениет арқылы қабылдауымыз қажет. Қазақ мәңгі, іркелі ел болу үшін өзінің ғасырлар бойы сұрыпталған, дәстүрін, мәдениетін, ділін, тілін және дінін сақтай білу керек.

Төртінші саты – Мәңгілік ел болашағы тікелей ел өсіміне, демографияға қатысты. Отбасында бес бала болса халықтың өсімі болар еді. Әрине, еліміздің демографиясы ең әуелі әйел қауымына тікелей байланысты. Ата-бабаларымыз үшін отбасындағы ардақты саналған басты құндылыққа келсек, ол құндылық - қыз бала. Қыз баладан асқан халықта құндылық жоқ. Қазақтың «Қыз өссе – елдің көркі» деген сөзі негізгі дүниетанымына айналған. «Қызға қырық үйден тиым» деп қоғамда қыз баланың тәлім-тәрбиесіне, жағдайына ерекше көңіл бөліп келген. Қоғамда қарап отырсақ, әдетте қыз бала емес, әйелдер, көп балалы аналарды қорғау мәселесі көтеріледі де, қыз бала мәселесі ұмыт қалған. Сондықтан да басты құндылықтардың бірі – «Қазақ қызы». Ол – болашақ келін, болашақ ана. Кезінде аналар бір рулы елдің атын шығарған, ел билеген. Мысалы Тұмар ханым (Томирис), Айша бибі, Домалақ ана, Айпара ана, Айғаным ханым, Абақ керей, Жанбике, Мұрын, Жеті-Момын тағы басқалар. Кешегі Отан соғысында Әлия мен Мәншүк бастаған қазақ қыздары ерліктерімен әлемді өздеріне қаратқан. Тағы да, өзіміздегі «Желтоқсанда» кей жігіттеріміз бұғып қалғанда, ағаларымыздың біразы аузын аша алмай тұрғанда қазақ қыздары алдыңғы сапта жүргенін әлі ешкім ұмыта қойған жоқ. Бүгінде біздер қыз баланың ағасы жоқ – дейміз. Неге?!.. Өткен ғасырдағы классик жазушы Мұхтар Әуезов қыз бала мәселесін өзінің «Қорғансыздың күні» шығармасында көтеріп кеткен болатын. Қоғамда қыз бала үлкен көмекке зәру. Ұлттың ұлт болып

сақталуы қыз баланың тәрбиесіне, оның мақсат-мүддесіне тікелей байланысты. Қоғамда қыз бала ешкімнен жәбір көрмеуі тиіс. Сондықтан басты мәселе – қыз баланы қорғау. Материалдық жағдайын түзеу үшін басқа ұлт өкілімен неке қиып, тұрмыс құрып жатса елімізге үлкен сын және ұлтқа төнген қауіп деген сөз.

Бесінші саты – ұрпақтар сабақтастығы мәселесі. Сабақтастық – құндылықтардың ауысуы, берілуі деген мағынаны беретін ұғым. Мәңгілік ел болу үшін тарихи жадыны, дәстүрді бір ұрпақ ары қарай келесі ұрпаққа бере алатын сабақтастық сақталуы керек. Сабақтастық үзілсе, осыған дейін келе жатқан ұрпақтардың сабақтастығы суға кетеді. Ұрпақ жасы отыз жас десек, осы отыз жастың ішінде үш ұрпақ өмір сүреді. Ата ұрпақ, Әке ұрпақ, Немере ұрпақ. Сабақтастықтың негізгі факторы ата, ұл, немере болып табылады.

Кеңес үкіметі тұсындағы адасқан ұрпақтың орнын Қазақстанның тәуелсіздік аясында дүниеге келген тұтас «таза» ұрпақ алмастыра бастады. Тәуелсіздік заманында үш буын қалыптасты. Олардың ерекшелігіне тоқталсақ: 1. 30-45 жас, тәуелсіздіктің бірінші толқыны. 2. 23-26 жас аралығы, тәуелсіздіктің құрдастары. 3. 14-16 жас аралығы, XX ғасырдың соңы мен XXI ғасырдың басында туылғандар. Бұлар саны жағынан көп, сапасы жағынан жоғары.

Тәуелсіздік заманында дүниеге келген бүгінгі ұрпақты жаңа құндылықтар, жаңа ақпараттар, жаңа қажеттіліктер күтіп отыр. Бұл ұрпақ біздің күшіміз, біздің болашағымыз! Демек, бір кезде адасқан ұрпақ категориясына қарсы тұратын тұтас ұрпақ категориясы қалыптасты.

Ата буын және немере буын арасы 40-50 жыл аралығын қамтиды. Арасындағы рухани-тарихи тәжірибені ата буын беріп, немере буын қабылдауы керек. Әңгіме қалай қабылдайды?

Ал осы құндылықтарды қалай береміз, қалай өзгертеміз, олар құндылықтарды сақтайды ма, сақтамайды ма? Немереге қандай құндылықтар беріп отырмыз? Мүмкін күні өтіп кеткен құндылықтар ма, әлде уақыт өтсе де қасиеттілігін жоғалтпаған әмбебап

құндылықтар ма? Оны қалай анықтауымыз қажет? Бұл сұрақ үлкен. Оны анықтайтын қазіргі заман жастары.

Ұрпақтардың тарихи-мәдени мұралары, тәжірибелері халық ауыз әдебиетінде, мақал мәтелдерде, жыраулар мұрасында, бабалар сөзінде сақталған. Бірақ, неге үш ұрпақты бірге айтып отырмыз. Өйткені олар осы бүгін өмір сүріп отыр. Бір отбасы қай заманда болмасын үш ұрпақты қамтыған. Бұл сабақтастық деген сөз. Үшеуі дискурс жасайды. Ұрпақтар дискурсы. Жоғарғы ата буын кіші яғни немере буын үшін маңызы өте зор. Ал орта аға буын әлі кемеліне жетпеген буын.

Ел бірлігі әсіресе, осы үш ұрпақтың арасындағы сабақтастықта болуға тиіс. Бірақ бүгінгі мәдениеттің инновациялық дамуының нәтижесінде осы сабақтастық қаншалықты сақталып отыр? Бір отбасында дастархан басында отырған ата, әке, немеренің арасында ортақ әңгіме өрби ала ма? Бір-бірін түсіне ме? Осы тұрғыдан қарасақ, құндылықтардың атадан әкеге, әкеден немереге өту сабақтастығы үлкен мәселе. Құндылықтар сабақтастығын өзінің бойынан өткізу қазақтың жақсы қазақ атануының биік дәрежесі. Бұл сабақтастықтың мәні ел бірлігі деген ұғымды білдіреді. Буындар арасындағы сабақтастық сақталуы керек. Бұл – ел бірлігінің негізі. Сабақтастық дәстүрмен келеді. Қазақ болу, халық болу сабақтастықтың нәтижесі.

Алтыншы саты ол – жаңаша, инновациялық ойлау. Ойлаудың үш түрі болады. Ескіше, жаңаша, инновациялық. Ешқашан мағынасы, мәні өзгермейтін әмбебап ойлау жүйелері бар. Олар сонау атам заманда қалыптасып, ғасырлар бойы ұрпақтармен бірге жасасып, біздің заманымызға да келіп жеткен жаңаша ойлаудың үлгісі болып отыр.

Инновациялық ойлау деген не? Инновацияның негізгі мағынасын алғанда жаңаша ойлау деген сөз, бірақ жаңаша ойлаудан өзгешелігі бұл аналогы жоқ ойлау, бұрын болмаған ойлау. Инновациялық ойлау негізінен ғылымға әсіресе, технологияға қатысты. Мысалы, инновациялық ойлау нәтижесінде бір өнертапқыш дүниеде болмаған бір технологиялық жаңалық ойлап

табады. (Мысалы, APPLE-ді ойлап тапқандай). Сол сияқты ешқандай жерде болмаған, үлгісі жоқ, жаңа технологиялық жаңалық әкелуді инновациялық ойлау дейміз. Бұл инновациялық ойлау қазақ елі үшін өте қажетті мәселе. Мәңгілік құндылықтар жаңа заманда сай түрленіп шығуы керек. Мәселен, адамның ар-ожданы мәселесі. Алдағы күндері еліміздің саясатында ар болуы үшін, болашақ мамандар елін, жерін, ұлтын сүйген азамат болып қалыптасуы үшін бұл мәселені де пән ретінде оқыту керек. Яғни, оның негізінде мәңгілік құндылықтардың жаңаруы (ренессанс) жатыр. Біз Инновациялық ойлауға жеткен кезде бәсекеге қабілетті 30 елдің қатарына енеміз, ары қарай асамыз.

Жетінші саты. Жоғарыда айтылған алты саты қазақты «жақсы қазақ» деген дәрежеге шығарады. Жақсы қазақ деген кім? Жақсы қазақ деген ел имиджі, Қазақстанның болашағы туралы идея. Жақсы қазақтың тұлғалық қасиеттері болуы керек. Біріншіден, туған еліне, ата-мекеніне, туған тіліне, отанына деген ниеті адал болу керек. Екіншіден, оның ісі жақсы болу керек. Қандай іс жақсылыққа бастайды, қандай іс ізгілікке бастайтынын анықтай алатындай оның қабілеті, қасиеті болу керек. Үшіншіден, жақсы қазақтың харекеті жақсы болу керек. Харекеті, ісінің нәтижесі жақсы болу керек. Шайтанның ісі – әрекет. Әрекет – бос, нәтиже бермейді. Нәтиже беретін іс - харекет. Абай айтады: «пысықтардың жасап жүрген харекеті - әрекет». Яғни, өнімсіз іспен шұғылдану дегеніміз – әрекет. Әлін білмеген әлек деген сөз осыдан шығады. Жақсы қазақ өзінің қолынан келетін іске баруға тиіс.

Енді қазақ болғаннан кейін міндетті түрде бір қауымға, саяси жүйелерге, қоғамдық жүйелерге міндетті түрде қатысы болады. Сонда жақсы қазақтың қандай бағыты, бағдарламасы болу керек? Біріншіден, жақсы қазақ түрікшіл болу керек. Бүкіл түріктік құндылықтарды бойына сіңіріп қабылдай алатын қасиеті, қазіргі технологиялық жарыстағы озық үлгілерді қабылдай алатын түрікшілдігі болу керек. Адамдық тұрғыдан қазақ бір арнамен жүру керек. Су арнамен

ағады, сонда өзен деп аталады. Сол сияқты қазақтың арнасы түрікшілдік болу керек.

Екіншіден жақсы қазақ – мұсылман болуы керек. Міндетті түрде мұсылмандық позицияда болғаны дұрыс. Мұсылмандық құндылықтардың бұрынғы түріктік әдеби таныммен ежелден байланысы бар, қазақтар үшін еш оғаштығы жоқ. Ата-бабаларымыздың өмір сүру тәжірибесі, бүкіл біздің мәдениетіміз, мынау Қожа Ахмет Яссауи мұралары, бұның бәрі мұсылмандық құндылықтар. Біз бұлардың бәрін ысырып тастап жақсы қазақ бола алмаймыз. Сондықтан, мынау қазіргі вестерндік мәдениет болсын, басқа мәдениеттің қалдығы болсын, біздің кетпейтін екі сара жолымыз бар. Ол: түрікшілдік жол мен мұсылмандық жол. Бұлардың бәрін қосқан кезде жақсы қазақ ұғымы қалыптасады.

Ел имиджін көтеру үшін жақсы ниетпен еңбектену керек, әрдайым жаңаны табуға тырысу керек. Жақсы қазақ атансақ, еліміз мәңгі болады – [4].

Қазақ елі – мәңгілік – ұлттық идея. Елдің мәңгілігін армандаудан асқан асқақ идея жоқ. Әрбір жеке адамның ғұмыры өлшеулі болғанымен, ол ұрпағымен мәңгілік. Сондықтан бұл болашаққа бастайтын, келешекке деген нық сенім қалыптастыратын идея. Сонымен бірге қазақ елі мәңгілік деу ұрпақтар алмасуына, олардың сабақтастығына, солармен бірге халықтың табиғи құндылықтарының жасампаздығына деген сенім.

Әлем халықтарының өркениеттік үрдістерін қабылдай білу және соған бейімделе отырып, елдік құндылықтарымызға жаңа сапалық өріс ашу, соның нәтижесінде әлемдегі өркениетті елу елдің қатарына ену – алдағы басты міндетіміз болуға тиіс.

Нәтижелер. Жақсы қазақ» тұжырымдамасын академик Ғарифолла Есім тек теория жүзінде ғана айтып қоя салған жоқ. Ғалым өзінің осы тұжырымдамасындағы тың идеяларын іс-жүзінде жүзеге асырып жатыр. Мәселен, осы айтылған сатылар бойынша соңғы бес-алты жылдан бері университетімізде білім беретін «философия», «мәдениеттану»

бағыты бойынша бакалавр және магистратура, докторантура оқу бағдарламасына арнайы пәндік бағдарлама еңгізіліп [5, 95], бүгінде шәкірттер білім алуда. Анықтап айтсақ, «Жақсы Қазақ» тұжырымдамасының бірінші сатысы бойынша «Дәулет филдософиясы» пәні, екінші сатысы бойынша «Іскерлік философиясы», үшінші саты бойынша «Дәстүр философиясы» пәні, төртінші саты бойынша «Қазақ қызы» пәні, бесінші саты бойынша «Сабақтастық философиясы» пәні, алтыншы саты бойынша «Жаңаша-инновациялық ойлау философиясы» пәні, жетінші саты бойынша «Жақсы қазақ» пәні оқылып келеді.

Бұл жеті сатының қоғамдық іс-шаралармен де ұштасып, жүзеге асырылып жатқандары бар. Мәселен, ойшыл Семей өңірінде «Қазақ қызы» идеясын яғни, ұлтты сақтайтын қазақ қызын қашанда қорғауды меңзеген «Ғазиза» ескерткішін орнату ісін бастады. Бұл реттегі жұмыстың арқауы ХХ ғасырдың басында кемеңгер жазушы Мұхтар Әуезовтың шынайы оқиғаға сүйене отырып, жазып қалдырған «Қорғансыздың күні» әңгімесі еді. Кемеңгер Мұхтардың әңгімесінің шынайы кейіпкері әрі қазақ қызын қорғау идеясының жиынтық бейнесіне айналған Ғазизаның Семей өңіріндегі елеусіз жатқан жеріне ескерткіш қою ісі қолға алынды. Сонымен қатар, наурыз мейрамының маңызын арттыруда өзіндік жоба жасап, түрлі семинар, дөңгелек үстел және БАҚ арқылы «Наурыз – ғарыштық мейрам», «Наурыз- Жыл басы», «Наурыз символы – Жауқазын», «Наурыз мейрамының басы – Көрісу», «Наурыз мейрамын от жағумен ашу», «Наурыз – каникулдары», «Наурыз – дастарханы», «Наурыз киім үлгісі», «Наурыз – жасөспірімдер мен жеткіншектер мейрамы», «Наурыз мейрамы – экологиялық мейрам», «Наурыз – іскерлікке баулу мейрамы» секілді атаулар бойынша тамаша идеяларымен бөлісті.

Биылғы оқу жылының пандемия себебінен онлайн оқуға көшуіне байланысты академик Ғарифолла Есім заманауи технологияны пайдаланып, өз аудиториясын кеңейте түсті. Ай сайын өзекті философиялық мәселелер бойынша классиктер шығармалары негізінде

әлеуметтік желі facebook арқылы барша халыққа тікелей эфирде дәріс оқиды. Дәрістен соң тыңдармандарға сол еңбекті оқуға, өзіндік ой түюге бір апта уақыт беріп, zoom платформасында болатын семинарға шақырады. Бір аптадан соң академик оқыған дәріс бойынша керемет пікір-талас алаңы пайда болып, гуманитарлық салада жүрген барша әріптестердің қатысуымен кеңірек талқыланып келеді. Академиктің әдетке айналдырған бұл онлайн әдісі еліміздің барша университеттерінде қызмет етіп жүрген ғалымдар мен білім алушыларға үлгі болуда.

Қорытынды. Академик Ғарифолла Есімнің мазмұны терең дәрістері, шығармалары, еңбектері, ғылыми семинарлары, сұхбаттары және ұсынған «Жақсы қазақ» тұжырымдамасы қазақи болмыстың еркін өркендеуіне, елдегі болып жатқан түрлі саяси-әлеуметтік мәселелердің оңтайлы шешілу жолында маңызы зор. Бүгін де оның қызмет етіп жүрген ортасы, философия кафедрасы өзінің профессор-оқытушылық қауымы мен білім алушылардың ғылыми даму бағыты бір кездегі академиктің ұйымдастырған жүйесі бойынша өз бағдарын алып, өсіп, өркендеп келе жатыр.

Академиктің «Жақсы Қазақ» жүйелі тұжырымдамасындағы фәлсафалық ойлардың кемелдігі оқырмандарын, шәкірттерін, тыңдаушыларын мойындатып, таңқалдырып, санасын серпілтіп қана қоймай, олардың болашаққа деген зор сенімін нығайтып, еңбектенуге күш-жігер сыйлайды. Университетіміздің оқу бағдарламасына енгізілген бұл тұжырымдаманың арнайы пәндері білім алушылардың жаңаша, инновациялық, сыни ойлау қабілетін, ұлтжандылық қасиетін дарытары анық.

Сондықтан да, академик Ғарифолла Есімді қазақ философиясы, дін, мәдениет, саясат сынды рухани білім саласындағы түйткіл мәселелер төңірегінде үнемі философиялық ойлар өрбітіп, оларды жүйелі түрде халықтың, кейінгі жас ғалымдардың игілігіне айналдырдырып, көптеген шәкірт дайындап жүрген университетіміздің бетке ұстар жаңашыл, талантты ойшыл, ғалымы деп тануымызға толық негіз бар.

Әдебиеттер тізімі

- 1 Қазақстан Жолы - 2050: Бір мақсат, бір мүдде, бір болашақ. Қазақстан Республикасының Президенті Н. Ә. Назарбаевтың Қазақстан халқына Жолдауы. (Астана қ., 2014 жылғы 17 қаңтар) [Электрон. ресурс]. – 2014. – URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31495403 (Қолданылған күні 27.02.2021)
- 2 Есім Ғ. Ғұлама-наме. Ғылыми трилогия / Ғ. Есім. - Астана: Академия Абай, 2019.- 640 б.
- 3 Есім Ғ. Ебелек - философия - Түркістан: Түркістан газеті. 2016, №24, Б. 6-8.
- 4 Мәңгілік ел идеясы – Қазақстандық патриотизмнің түпқазығы. [Электрон. ресурс]. – 2014. – URL: <https://www.enu.kz/info/zhanalyktar/25127/> (Қолданылған күні 02.03.2021)
- 5 Академик Ғарифолла Есім – Астана: Л.Н.Гумилев атындағы ЕҰУ, 2016. - 320 б.

Шамахай С., Саркулова М.

Евразийский национальный университет Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

В поисках истины

Аннотация. Многие вопросы и проблемы, связанные с будущностью народа, поднимаются и анализируются прежде всего представителями интеллигенции, в том числе и в университетских аудиториях. В этом плане выделяется Евразийский национальный университет им.Л.Н. Гумилева, один из крупнейших университетов страны, которому сегодня исполняется 25 лет. Кафедра философии, одно из структурных подразделений университета, так же не остается в стороне. Философия имеет огромное особое значение для культуры мышления современного человечества, формирования критического отношения к общественному облику страны, способствуя расширению духовного кругозора обучающихся и развития национального самосознания, духовного возрождения нации. Философия, ставшая одной из ведущих социально – гуманитарных дисциплин, изучаемых в высших и профессиональных учебных заведениях, с самых первых дней существования нашего университета посредством коллектива кафедры вносит свой вклад в развитие обучающейся молодежи.

На кафедре философии факультета социальных наук трудятся три академика НАН РК - Абдильдин Ж. М., Ғарифолла Есім, Нурманбетова Д. Н. Кроме того, на кафедре работают около двух десятков докторов и кандидатов наук, что свидетельствует о высоком потенциале и профессиональной квалификации коллектива. В настоящее время кафедру философии возглавляет доктор философских наук, профессор Медеуова Кульшат Агибаевна. В данной статье речь пойдет о работе профессорско-преподавательского состава кафедры философии и в частности, о новых начинаниях и значении деятельности академика, мыслителя, писателя, педагога и общественного деятеля, доктора философских наук, академика НАН РК Ғарифоллы Есіма.

Начиная с 2013 года, кафедра философии успешно работает по новой системе научно-исследовательской, творческой, методической работы, основы которой были заложены академиком Ғарифоллой Есімом.

Следует сказать, что Ғарифолла Есім с момента своего прихода на кафедру философии после работы в Сенате получил возможности для структурирования и систематизации своих творческих поисков и идей, над которыми он размышлял всю свою жизнь, разработал философскую концепцию «Жақсы Қазақ», напрямую связанную с национальной идеей «Мәңгілік Ел». В данной концепции представлена сущность категории «Жақсы Қазақ», рассматриваемой с имиджевой позиции, и семь этапов ее достижения. Следует сказать о том, что эти семь ступеней отработаны в учебно-методическом плане и изучаются в образовательных программах «Философия», «Культурология» в качестве элективных дисциплин.

Ключевые слова: философия; культура; академик; идея; концепция; система; творчество; дисциплина.

Shamakhay S., Sarkulova M.

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan

In search of the truth

Abstract. Many important issues and problems related to the future of the nation are raised and analyzed primarily by representatives of the intellectuals, including those in university classrooms. L. N. Gumilyov Eurasian National University is one of the largest universities in Kazakhstan. The university celebrates its 25th anniversary this year. The Department of Philosophy is involved in the celebration process as well.

Philosophy is of great importance for the culture of thinking of modern mankind, the formation of a critical attitude towards the social face of the country, contributing to the expansion of the spiritual outlook of students and the development of national consciousness, the spiritual revival of the nation. Philosophy, which is one of the leading disciplines in the social sciences and the humanities studied in higher and professional schools, from the first days of our university through the staff of the chair has contributed to the development of young students.

At the Philosophy Chair of the Faculty of Social Sciences work three academicians of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan - Abdildin J.M., Garifolla Esim, Nurmanbetova D.N. In addition, about two dozen of doctors and candidates of sciences work at the chair, which shows the high potential and professional skills of the staff. Currently, the Department of Philosophy is headed by Doctor of Philosophy, Professor Kulshat Agibaevna Medeuova. This article will talk about the work of the teaching staff of the Department of Philosophy and about new beginnings and the importance of the activities of academician, thinker, writer, teacher and public figure, Doctor of Philosophy, academician of the National Academy of Sciences of Kazakhstan Garifolla Yesim.

Since 2013, the Philosophy Department has been successfully working on a new system of research, creative, methodological work, the foundations of which were laid by Academician Garifollah Yesim.

It should be said that Garifollah Yesim from the moment of his arrival at the chair of philosophy after working in the Senate was able to structure and systematize his creative search and ideas, which he pondered all his life, developed a philosophical concept «Zhaksy Kazak», directly related to the national idea «Mangilik El». This concept presents the essence of the category «Zhaksy-Kazak» considered from the image position and seven stages of its achievement. It should be said that these seven stages are worked out in the educational and methodological plan and are studied in the educational programs «Philosophy», «Culture Studies» as elective disciplines.

Key words: philosophy; culture; academician; idea; concept; system; creativity; discipline.

References

- 1 Kazakstan Zholy - 2050: Bir maksat, bir mydde, bir bolashak. Kazakstan Respublikasynyn Prezidenti N. A. Nazarbayevtyñ Kazakstan khalkyna Zholdauy. [Kazakhstan's way - 2050: common goal, common interests, common future. Address of the president of the Republic of Kazakhstan N. A. Nazarbayev to the people of Kazakhstan] (Astana city, 2014/01/17) Available at: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31495403 (Accessed 27.02.2021) [in Kazakh].
- 2 Yesim G. Gulama-name. Gylymi trilogiya [Genius-name. Scientific trilogy] (Abay Academy, Astana, 2019, 640 p.) [in Kazakh]
- 3 Yesim G. Yebelek filosofiyasy [Philosophy of Ceratocarpus] «Tyrkistan gazetі» [Turkestan newspaper], 2016. 24. P. 6–8. [in Kazakh].
- 4 Mangilik el ideyası – Qazaqstandıq patriotizmnin typqazıgı. [The idea of an eternal country is the core of Kazakhstan's patriotism] Available at: <https://www.enu.kz/info/zhanalyktar/25127/> (Accessed 02.03.2021) [in Kazakh]

5 Akademik Garifolla Yesim [Academician Garifolla Yessim] (Astana, L.N. Gumilyov Eurasian National University, 2016, 320 p.) [in Kazakh].

Авторлар туралы мәлімет:

Шамахай Сайра – Корреспонденция үшін автор, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің философия кафедрасының аға оқытушысы, Ph.D. докторы.

Саркулова Манифа Стаболқызы – Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің философия кафедрасының доценті, философия ғылымдарының кандидаты.

Shamakhay Saira – Corresponding author, Ph.D., Senior Lecturer of the Department of Philosophy of the L. N. Gumilyov Eurasian National University.

Sarkulova Manifa Stabolovna – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy of the L. N. Gumilyov Eurasian National University.

Редактор: **Е.Б. Сыдықов**
Компьютерде беттеген: **Д.А. Елешева**

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің Хабаршысы.
Тарихи ғылымдар. Философия. Дінтану сериясы.
-2021. - 1(134). - Нұр-Сұлтан: ЕҰУ. 133 б.
Шартты б.т. - 8,3 Таралымы - 10 дана

Мазмұнына типография жауап бермейді.

Редакция мекенжайы: 010008, Нұр-Сұлтан қ., Сәтпаев көшесі, 2.
Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті. Тел.: +7(7172) 709-500 (ішкі 31-457)

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің баспасында басылды